

A woman with long, dark brown hair styled in a complex braid is seen from the back, looking out over a vast, blue ocean under a clear sky. She is wearing a white, lace-trimmed top. The overall mood is serene and contemplative.

Лазурь на его пальцах

a novel

Кэрри
Лонсдейл

В день свадьбы Эйми отправилась не к алтарю, а на похороны. Казалось, боль от потери жениха никогда не унять, но по прошествии двух лет она встретила с талантливым фотографом Яном Коллинзом, чьи талант и дружба позволили ей заново ощутить вкус жизни. Но в деле о смерти Джеймса по-прежнему много белых пятен. Его семья что-то скрывает, и Эйми не может отделаться от мысли, что Джеймс жив. Но главным потрясением оказывается пришедшая из Мексики открытка. На ней — картина художника по имени Карлос. Эйми не может отвести взгляд. Джеймс был художником. И она уверена на тысячу процентов, что это его произведение. Все вокруг твердят, что она сошла с ума, ее жених мертв, и только Ян Коллинз готов ей поверить. Эйми знает, он ее любит. Но... Джеймс. Джеймс — это лучшее, что с ней было.

Кэрри Лонсдейл

Лазурь на его пальцах

*Посвящается Генри,
проделавшему пять тысяч миль
ради того, чтобы меня найти.*

Я люблю тебя!

Часть первая

Городок-жемчужина в предгорье Санта-Круз

Лос-Гатос, Калифорния

Июль

В назначенный день свадьбы моего жениха Джеймса привезли в нашу церковь в гробу.

Сколько лет я мечтала, как он будет ждать меня у алтаря, лучась той удивительной улыбкой, что всегда предназначалась мне одной и от которой всякий раз у меня внутри все замирало. Однако вместо того, чтобы шествовать по проходу между рядами скамей навстречу своему лучшему другу, своей первой и единственной любви, я очутилась на его похоронах.

Я сидела рядом со своими родителями в храме, полном его друзей и родственников. Они должны были бы стать гостями на нашей свадьбе — но вместо этого пришли почтить память человека, ушедшего из жизни так внезапно. Он был совсем молодым. Ему исполнилось всего-то двадцать девять.

И вот его не стало. Он ушел навсегда.

По щеке покатилась слеза, и я ее утерла уже порядком измятым бумажным платочком.

— Держи, Эйми. — Мама дала мне свежий платок.

— Сп-пасибо, — отозвалась я, всхлипывая от рыданий, и сжала его в кулаке.

— Это она? — кто-то произнес тихонько за моей спиной, и я невольно напряглась.

— Да, невеста Джеймса, — ответили шепотом.

— Бедняжка. С виду совсем молоденькая. А они давно были помолвлены?

— Точно не скажу, но знали друг друга с самого детства.

— Ну, надо же, детская любовь! — послышался удивленный вздох. — Как это прискорбно!

— Я слышала, его тело искали не одну неделю. Представляете? Так долго пребывать в полном неведении!

Не сдержавшись, я издала тихий стон, нижняя губа задрожала.

— Послушайте! Проявите хоть немного уважения! — резко прошипел папа сидевшим сзади дамочкам.

Поднявшись с места, он пробрался мимо нас с мамой, тыкаясь ногами нам в колени, снова сел — так, что я оказалась между ним и матушкой, — и привлек меня к себе, укрыв от досужих шепотков и любопытных взглядов.

Тут загудел орган, и похоронная церемония началась. Все поспешно встали. Я тоже медленно поднялась, ощущая себя разбитой и постаревшей, и вцепилась пальцами в скамью впереди, чтобы без чувств не повалиться обратно на сиденье. Все повернули головы к задней части церкви, где те, что несли гроб Джеймса, подняли на плечи свой скорбный груз.

Глядя, как неспешно и торжественно шествуют они за священником, я не могла не думать о том, что несут они нечто гораздо большее, нежели останки Джеймса — видимо, слишком изуродованные, чтобы держать гроб открытым. Наши с ним надежды и мечты, наше будущее, которое мы расписывали вместе, — все это теперь медленно и неотвратимо уплывало на их плечах. И планы Джеймса навсегда распрощаться с семейным бизнесом и открыть в нашем городе собственную картинную галерею. И моя мечта о маленьком ресторане, когда родители решат расстаться со своим заведением, уйдя на покой. И тот маленький мальчишка, которого я рисовала в воображении, представляя, как он весело топает между мною и Джеймсом, соединяя нас своими крохотными ручонками.

Сегодня все это должны были похоронить.

Меня сотряс новый, громкий судорожный всхлип, эхом отразившийся от стен церкви и перекрыв даже стихающие звуки органа.

— Я больше не вынесу, — хрипло произнесла я сквозь рыдания.

Все это было ужасно. Навсегда прощаться с Джеймсом — и, стоя во втором ряду, чувствовать, как взоры сожаления всех присутствующих в церкви буквально прожигают тебе спину. От тяжелой смеси запахов пота и ладана, вкупе со сладким, назойливым ароматом орхидей, которыми было искусно, в похоронном стиле, убрано все помещение, воздух там казался удушающим. Эти цветы были еще загодя заказаны для нашей свадьбы, но Клэр Донато, мать Джеймса, решила теперь использовать их для похорон.

Те же цветы, та же церковь. Церемония вот только совсем иная.

В желудке предательски дрогнуло, и, на всякий случай прикрыв ладонью рот, я попыталась пробраться мимо отца к проходу, но мама удержала меня за кисть, крепко-крепко ее стиснув. Она подхватила меня под руку, и я бессильно склонила голову ей на плечо.

— Ну, будет, будет, детка, — попыталась успокоить она меня.

Слезы безостановочно лились по моим щекам.

Наконец мужчины, несущие гроб, опустили его на металлическую подставку и вернулись на свои места. Томас, родной брат Джеймса, быстро скользнул на первую скамью, оказавшись возле Клэр, черный костюм которой и седые, туго собранные в пучок волосы были столь же строгими и натянутыми, как и ее неизменная стать. Фил, его двоюродный брат, вернулся к скамье, встав с другой стороны от миссис Донато. Обернувшись, он посмотрел на меня, качнув головой в знак приветствия. Я нервно сглотнула, отпрянув назад, отчего икры моих ног даже вдавились в деревянное сиденье.

Клэр тоже развернулась:

— Эйми...

Вздрагнув, я перевела взгляд на нее:

— Клэр...

С того момента, как пришла весть о гибели Джеймса, мы с ней почти и не общались. Клэр, потерявшая младшего сына, ясно дала понять, что мое присутствие слишком уж болезненно напоминает ей об этой горькой утрате. Так что, для нашего общего блага, я старалась держаться от миссис Донато на расстоянии.

Похороны между тем шли своим чередом, со всеми полагающимися ритуалами и гимнами. Я лишь вполуха слушала все, что там говорилось, едва вникая в церковные чтения. Едва закончилась церемония, я побыстрее выскользнула за дверь, пока никто меня не перехватил. Утешений и соболезнований я наслушалась уже столько, что хватит на две жизни!

Вскоре и прочие участники церемонии вышли на церковный двор. За арочным проемом, через который я пыталась потихоньку улизнуть, был виден стоящий в ожидании гроба катафалк. Обернувшись через плечо, я вдруг обнаружила недалеко от себя Томаса. Тот решительно прошагал под аркой и, обхватив меня обеими руками, крепко-крепко прижал к себе — грубая ткань его костюма даже царапнула мне щеку. Выглядел Томас почти как Джеймс — такие же темные волосы и глаза, такая же смуглая кожа. Он очень напоминал своего брата, казавшись его и более зрелой версией, — однако ощущала я его совсем иначе.

— Я рад, что ты пришла, — сказал он, дыханием шевельнув мои волосы.

— Едва смогла.

— Я знаю.

Томас увлек меня в сторонку от уже скапливающейся вокруг толпы, и мы остановились у пышно цветущей лианы кампсиса на самом краю прохода. Ярко-сиреневые цветки слегка покачивались на прогретом июльском ветерке. Капельки прибрежного тумана, обычно густо окутывающего Лос-Гатос в преддверную пору, давно высушило солнце. Уже сейчас было довольно жарко.

Чуть отстранившись, Томас крепко взял меня за плечи:

— Ну, как ты?

Я замотала головой и прижала язык к нёбу, силясь сдержать вырывающиеся рыдания. Сделав шаг назад, я высвободилась из рук Томаса:

— Мне надо идти.

— Всем нам надо. Поехали со мной? Отвезу тебя на кладбище, а после — на фуршет.

Я снова замотала головой. Он приехал к церкви с Клэр и Филом.

Томас тяжело вздохнул:

— То есть ты не едешь?

— Только на похороны. — Я нервно затеребила пальцами поясok на платье. Добраться туда я собиралась с родителями, на их машине, и с ними же предполагала и уехать. — Фуршет устраивает твоя мать. Там будут ее родственники и друзья...

— Они были и вашими с Джеймсом друзьями.

— Знаю, но...

— Я понимаю. — Он потянулся во внутренний карман пиджака и вынул сложенный листок бумаги. — Не знаю, когда в следующий раз тебя увижу...

— Я же никуда отсюда не уеду. Только потому что Джеймс... — Запнувшись на полуслове, я уставилась на свою обувь. Черные туфли на танкетке. Вовсе не белые атласные лодочки с открытым носком, что я предполагала надеть в этот день. — Ты всегда можешь мне позвонить. Или заехать в гости.

— Я собираюсь надолго уехать.

Я подняла голову:

— Да?

— Вот, это тебе.

Я развернула листок, и у меня перехватило дыхание.

Это был именной чек от Томаса. На очень крупную сумму.

— Что за...

У меня затряслись пальцы, а мозг отчаянно попытался переварить увиденные в чеке цифры. Двести двадцать семь тысяч долларов.

— Сразу после женитьбы Джеймс собирался огласить свою волю, но... — Томас потер пальцами подбородок и опустил руку. — Я ведь теперь остаюсь бенефициаром. Я пока что не получил средств с его банковских счетов — но все это стало бы твоим, за исключением его доли в «Донато Энтерпрайзес». У него просто не было возможности оформить эти детали в завещании.

— Я не могу принять эти деньги, — протянула я ему обратно чек.

Томас сунул руки в карманы.

— Нет, можешь. Сегодня вы должны были пожениться, и все это стало бы твоим.

Я снова заглянула в чек. Это была невероятная сумма.

— Если не ошибаюсь, твои родители скоро отойдут от дел, верно? Ты можешь выкупить их ресторан или же открыть свой собственный. Джеймс как-то обмолвился, что ты об этом подумываешь.

— Я еще не решила.

— В конце концов, можно попутешествовать, посмотреть мир. Сколько тебе, двадцать шесть? У тебя еще вся жизнь впереди! Займись тем, что сделает тебя счастливой... — Томас натянуто улыбнулся и посмотрел куда-то вдаль, через церковный дворик. — Мне надо идти. Береги себя, ладно? — И он быстро поцеловал меня в щеку.

Я ощутила легкое прикосновение его губ, но едва различила последние слова. Во дворе слышались разговоры гостей, да и мои мысли были уже далеко отсюда. «*Займись тем, что сделает тебя счастливой*». Я не представляла, что это такое может быть. Больше уже не представляла.

Я подняла голову, чтобы попрощаться с Томасом, но он уже ушел. Обернувшись, я увидела его на противоположной стороне дворика рядом с матерью и двоюродным братом. Словно почувствовав мой взгляд, Фил склонил голову набок и встретился со мной глазами. Нарочито приподнял бровь. Я нервно сглотнула. Склонившись вперед, он что-то прошептал на ухо Клэр, после чего неторопливо двинулся ко мне.

Воздух вокруг затрепал от зловещих искр, точно масло в раскаленной сковороде. Я услышала слова Джеймса — словно отголосок минувшего: «*Давай скорей отсюда выбираться*».

Быстро сунув чек в сумочку, я развернулась и выскользнула из церковного дворика к парковке. Я торопилась прочь от своего прошлого, совершенно не зная, что ждет меня в будущем. И притом даже понятия не имела, как мне отсюда уехать. Я же была без машины.

Я остановилась у края тротуара, взвешивая про себя, не лучше ли вернуться на церковный двор и отыскать родителей, когда ко мне вдруг приблизилась незнакомая блондинка, уже в возрасте, с отчаянно короткой стрижкой пикси:

— Мисс Тирни?

Я решительно отмахнулась от нее: еще одних соболезнований я бы уже не вынесла.

— Прощу вас, это очень важно!

Различив в ее голосе какую-то странную интонацию, я заколебалась.

— Я вас знаю?

— Я — друг.

— Друг Джеймса?

— Ваш. Я — Лэйси, — она протянула мне ладонь.

Какое-то время я смотрела на ее руку, потом подняла глаза на женщину:

— Прощу прощения, мы с вами уже встречались?

— Я здесь в связи с Джеймсом. — Она опустила руку и опасливо покосилась куда-то за плечо. — У меня есть кое-какая информация о том, что с ним случилось.

На мои глаза вновь навернулись слезы. Я глубоко вдохнула. От слез и рыданий, которым я предавалась все последние недели, из легких уже доносились хрипы. Джеймс обещал, что отлучится всего лишь на четыре дня — в короткую деловую поездку. Дескать, слетает в Мексику, свозит там клиента на рыбалку, за ужином проведет переговоры по контракту и вернется домой. Капитан яхты сказал, что видел, как Джеймс забросил удочку, а пока он проверял мотор, тот уже исчез. Вот так просто — взял и исчез.

Случилось это два месяца назад.

Несколько недель Джеймс считался пропавшим без вести и в конце концов был объявлен погибшим. По словам Томаса, его тело прибило к берегу. Возможно, Лэйси просто не слышала, что его тело обнаружили и дело об исчезновении закрыто?

— Вы опоздали. Он...

— Жив. Джеймс — жив.

Я ошарашенно уставилась на нее. Что она такое говорит?

— Посмотрите вон туда, — я указала рукой на катафалк.

Она проследила за моим жестом. У нас на глазах водитель захлопнул задние дверцы и, обойдя машину, забрался на свое сиденье. Закрыв дверь, он медленно поехал прочь, направляясь с прицерковной парковки к кладбищу.

С каким-то извращенным удовлетворением я перевела взгляд на женщину. Однако та, задержавшись глазами на следовавшем за катафалком черном седане, приглушенным, каким-то потусторонним голосом, точно одержимая, проговорила:

— Хотелось бы знать, что там, в этом гробу.

* * *

— Подождите! — закричала Лэйси, поспешив следом за мной по парковке. — Прошу вас, подождите!

— Уйдите прочь!

Я была готова разрыдаться, язык словно распух. Меня буквально выворачивало наизнанку, а назойливая блондинка явно не собиралась оставлять меня в покое. В отчаянии я посмотрела вдоль улицы. Мой дом находился меньше чем в миле отсюда. Может, мне стоило поторопиться домой?

К гортани резко подступила желчь.

«О боже!»

— Позвольте я вам объясню! — едва ли не взмолилась Лэйси.

— Нет. Не сейчас.

Зажав ладонью рот, я кинулась к большому фургону и за ним склонилась пониже. Все тело полыхнуло жаром, под мышками и под грудью стало влажно. Меня мутило, все внутри скручивалось и переворачивалось. Наконец я дернулась вперед, извергнув из себя желчь на перегретую солнцем мостовую.

В этот момент все, что я так долго удерживала глубоко в себе, как будто разом вырвалось наружу. Так и не полученное голосовое послание от Джеймса. Одинокие тревожные ночи в ожидании весточки, что он все-таки жив. И этот страшный звонок от Томаса, который я так боялась услышать. И его слова, что Джеймса больше нет...

А потом была Клэр, настоявшая, чтобы похороны состоялись в тот самый день, когда была назначена наша свадьба. Дескать, помещение церкви арендовано на эту дату, а родственники уже забронировали билеты. С чего бы им вдруг отменять или как-то перестраивать свои планы?

Новый приступ рвоты сотряс мое тело. Выворачивало меня до тех пор, пока не заняло сердце и желудок вконец не опустел. И тогда я разразилась безудержными рыданиями. От резких судорожных всхлипов, казалось, скручивало внутренности. Крупные тяжелые слезы падали на раскаленный асфальт, разлетаясь вокруг мелкими брызгами.

Отдаленной частью своего сознания я понимала, что мои силы уже на пределе. Расклеиться мне было бы лучше дома. И нарыдаться там вволю, крепко обхватив подушку Джеймса. Не здесь же, посреди парковки, в каких-то тридцати ярдах от целого собрания людей, да еще и с нависшей у меня над душой странной незнакомкой!

Наконец, обессиленная, я привалилась к фургону, присела на бампер.

Лэйси протянула мне бутылку воды:

— Еще неоткрытая.

— Спасибо.

Мои руки так тряслись, что никак не получалось обхватить пальцами крышку на узком горлышке. Тогда Лэйси забрала воду назад и, открыв бутылку, передала мне. На одном дыхании я вытянула сразу треть бутылки.

Из сумки на плече Лэйси извлекла сразу несколько бумажных платочков.

— Вот, возьмите. — Теребя ремешок сумки, она наблюдала, как я вытираю губы и прочищаю нос. — Вам лучше?

— Нет. — Я поднялась, собираясь отправиться домой.

Рука Лэйси снова, практически до локтя, скрылась в недрах сумки. Пошарив среди содержимого, она выудила наконец визитную карточку:

— Мне необходимо с вами поговорить.

— Мне не интересно то, что вы там продаете.

У нее вспыхнули щеки.

— Я ничего не продаю. Видите ли, есть кое-что... — Она вдруг запнулась и быстро оглядела ближайшее пространство на парковке, после чего вновь воззрилась на меня.

Я даже прищурилась, сраженная пронзительным взглядом ее лилово-синих глаз. И тут же во мне заговорило некое шестое чувство: эта женщина явно что-то знала.

— Я ничего не продаю, — сухо повторила она, — и весьма сожалею о том, каким образом сообщила вам то, что сообщила. Однако это правда. Наведайтесь ко мне, пожалуйста, как только представится такая возможность.

Схватив меня за свободную руку, Лэйси решительно вложила в ладонь визитку, после чего отступила назад и исчезла за фургоном.

В этот момент послышались приближающиеся шаги — цоканье каблучков по тротуару.

— Вот ты где! — выдохнула запыхавшаяся Надя. — Мы уже тебя обыскали. Родители тебя разыскивают.

Ее каштановые волосы небрежными волнами рассыпались по плечам. Похоже, подруга так спешила, что ее прическа растрепалась.

Тут же возле нее остановилась и Кристен с тяжело вздымающейся после бега грудью. На чулках телесного цвета сбоку от голени кверху побежала стрелка.

А ведь они должны были быть на моей свадьбе подружками невесты.

— Что ты здесь делаешь? — спросила Кристен высоким и напряженным после пробежки голосом.

— Да я... — начала я и запнулась. Мне не хотелось сейчас объяснять, что я пряталась, преследуемая какой-то странной женщиной, и что меня в итоге вырвало едва ли не на туфли.

— Ты как? — не отступала Кристен.

Надя легонько толкнула ее локтем и кивнула на лужицу передо мной. При виде этого красноречивого аргумента, разбрызганного на асфальте, точно содержимое опрокинутой банки с краской, Кристен поморщилась.

— Господи, Эйми... — протянула она.

Я густо покраснела и опустила голову. Заодно прочитала наконец то, что значилось на визитке, которую мне вручила незнакомка:

Лэйси Сандерс

Консультант-экстрасенс. Профайлер.

Советы ясновидящей.

Убийства, исчезновение людей, неразрешимые тайны.

Помогу в поиске ответов на тревожащие вас вопросы.

Мое сердце обдало холодом, и я непроизвольно повернула голову в ту сторону, где скрылась Лэйси. Той уже, естественно, и след простыл.

— Что это у тебя? — спросила Надя.

Я дала ей визитку, и подруга возмущенно закатила глаза:

— Вот зараза, тебя уже эти чокнутые домогаются!

— Кто там? — заглянула ей через плечо Кристен.

Надя быстро сложила пополам визитку и убрала к себе в сумочку.

— Не будь наивной, Эйми. Кому-то обязательно захочется на тебе нагреться.

— Кому? — не поняла Кристен. — Что там такое на этой визитке?

— Ничего такого, на что бы нашей Эйми следовало тратить время.

«Надя права, — рассудила я, — эта Лэйси и правда чокнутая. С какой нервозностью она пыталась ко мне подъехать! Наверно, специально искала объявления о похоронах среди газетных некрологов».

Кристен мягко взяла меня за руку:

— Пойдем-ка, дорогая. Прихватим тебя с собой на кладбище. Только вот найдем твоих родителей, предупредим, что ты поедешь с нами. Ник уже ждет нас у машины.

«Ник. Муж Кристен. Лучший друг Джеймса. Джеймс...»

Я покорно двинулась следом за Кристен.

— Вообще-то я собиралась пойти домой...

Она выразительно взглянула на мои новые туфли на десятисантиметровом каблуке и вздернула тонко выщипанную бровь:

— Да уж, конечно.

* * *

После похорон Ник подвез меня до дома, и Надя с Кристен заботливо проводили меня в квартиру. Остановившись в прихожей, между входной дверью и столовой-гостиной нашего уютного трехкомнатного бунгало, я огляделась по сторонам. Кожаные, карамельного цвета кресла без боковин, диван из серовато-коричневого шенилла. Плоская телевизионная панель, вмонтированная внутрь большого шкафа цвета лесного ореха (с тех неведомых пор, как я последний раз смотрела телевизор, дверцы так и остались незакрытыми). Три вставленных в рамочки рисунка Джеймса украшали стену над длинной тумбой у входной двери.

Все было вроде бы на своих обычных местах — за исключением того мужчины, что

когда-то жил здесь.

Я бросила ключи и сумочку на тумбу. Надя, гулко отстукивая в тишине дома каблуками, прошла через гостиную к кухне:

— Не хочешь чего-нибудь выпить?

— Чаю, пожалуйста, — отозвалась я и, скинув обувь, несколько секунд с наслаждением расправляла затекшие пальцы.

Надя достала блендер для коктейлей, черпнула из лоточка в морозилке кубики льда и кинула их в кувшин. Они тут же начали потрескивать, недовольно подлаживаясь под теплоту стенок сосуда.

— Может, чего-нибудь покрепче?

Я лишь пожала плечами:

— Конечно, давай. Все равно что.

Кристен посмотрела на нас, стоя у кофейного столика, рядом с которым успела скинуть туфли, и нахмурилась. Она уже удобно устроилась на кожаном кресле рядом с камином, подобрав под себя ноги. Я направилась в глубь дома к спальне, все время ощущая на себе ее внимательный взгляд.

Я прошла напрямик к стенному шкафу, где висела наша с Джеймсом одежда, и распахнула филенчатые дверцы. Мои вещи висели там рядом с его костюмами — угольно-черными, темно-серыми и темно-синими. Некоторые из них были в тонкую полоску, но в основном — однотонные. «Строгие костюмы», как он их называл. Как же они различались с клетчатыми рубашками и джинсами, которые Джеймс обычно предпочитал надевать!

Проглядывая его гардероб, можно было подумать, что он принадлежит двум совершенно разным людям. Мне и самой порой казалось, что живу я с двумя разными мужчинами. Тот, что работал в «Донато Энтерпрайзес», был слишком официален и сдержан в сравнении с вольным художником с закатанными рукавами и до локтей измазанными краской руками.

Я же любила их обоих.

Прижавшись носом к его любимой голубой рубашке, я глубоко вдохнула. Густой амбровый аромат его одеколona с нотами сандалового дерева смешивался с запахом скипидара, которым он оттирал кисти и шпатели. Эта рубашка была на Джеймсе в последний раз, когда он брался за краски, и теперь, закрыв глаза, я словно воочию увидела, как при энергичных движениях кистью перекатываются под бледно-голубой хлопковой материей его крепкие натренированные мышцы.

— Не хочешь поговорить? — спросила Кристен за моей спиной.

Я молча помотала головой и, развязав узел на поясе, скинула с плеч платье. Оно мягко опустилось на пол у моих ног. Потянувшись к шкафу, я вытащила оттуда футболку и спортивные брюки Джеймса, которые прибрала себе еще в старших классах, и тут же в них оделась. Когда я натянула футболку, меня вмиг окутало ласковым теплом — ткань плотно прилегла к спине, и мне показалось, словно меня обнял сам Джеймс.

«Я никогда не забуду тебя, Эйми».

На душе стало еще хуже, и я вновь судорожно всхлипнула.

За моей спиной скрипнули половицы, тихо простонала кровать. Я закрыла дверцы шкафа и обернулась к Кристен. Она привалилась спиной к изголовью кровати, вытянув себе на колени подушку. Подушку Джеймса.

У меня бессильно поникли плечи:

— Мне его не хватает.

— Я знаю, — кивнула она и похлопала ладошкой по кровати рядом с собой.

Я тоже забралась на постель и, дотянувшись до изголовья, пристроилась головой к плечу подруги. Она прижалась щекой к моей макушке. Так мы с ней сживали временами еще с тех пор, как мне было лет пять, — прильнув друг к другу и поверяя свои девчоночьи секреты. В последние же два месяца мы с Кристен сидели так особенно часто. Она была старше меня на пару лет и все мое отрочество и юность была для меня, единственного ребенка в семье, вместо сестры.

— Потом станет легче. Обещаю. — Она мягко обхватила меня за плечи.

От ее слов у меня опять полились слезы. Кристен поспешно нашарила на прикроватной тумбочке бумажные платки. Взяв сразу несколько, я высморкалась. Она убрала с моего виска влажные пряди и, тоже прихватив платочек, промокнула уголки глаз. Усмехнувшись сквозь слезы, Кристен выдавила улыбку:

— Совсем мы с тобою расквасились, верно?

Вскоре мы вдвоем уже отправились к Наде в кухню и за «Маргаритой» стали потихоньку рассказывать разные истории из нашей с Джеймсом детской и юношеской поры. После нескольких часов воспоминаний и приличного числа коктейлей с текилой Надя повалилась на диван и в считанные секунды засопела. Вторая подружка к тому времени уже спала в моей кровати. И вот тут-то, в доме, погруженном в полумрак и освещенном лишь слабым светом свечей, давно уже зажженных Кристен, я почувствовала себя совершенно одинокой. Осторожно приподняв ноги Нади, я села на диван и положила ее лодыжки себе на колени.

Было уже десять вечера. Если бы все было хорошо, в этот час я была бы в объятиях Джеймса, который вел бы меня в свадебном танце по залу, мерно покачиваясь под нашу с ним любимую битловскую песню — «Two of Us»^[1].

Надя что-то забурчала во сне, ерзая на диване. Потом поднялась и пошаркала в гостевую спальню, волоча за собою плед. Я же заняла ее место и вскоре унеслась мыслями прочь.

Я стала думать о Джеймсе. Зачем он тогда отправился в Мексику? Почему не подождал нашей свадьбы или не отправил вместо себя Томаса «обрабатывать клиента»? Ведь это же Томас — президент компании «Донато Энтерпрайзес», и как раз его обязанность обеспечивать все операции по импорту и экспорту мебели. Джеймс же как финансовый директор отвечал лишь за ведение бухгалтерии, а уж никак не за переговоры по контрактам. Однако он упрямо стоял на том, что именно он, а не кто-то другой, сумеет поладить с этим особым клиентом. Улетел он на следующий день после того, как я разослала приглашения на нашу свадьбу.

Мои веки стали тяжелыми, мысли сумбурно закружились, и я медленно окунулась в сон. Мне привиделась та женщина на парковке. Она была одета в черное с головы до пят, а глаза лучились радужным сиянием. Словно в мольбе, она воздела руки. Ее губы зашевелились, произнося некое заклинание. От его мелодичного напева воздух вокруг Лэйси вдруг задрожал, и у самых ее ног появилось лежащее тело. Тут же тело зашевелилось — и в этот миг я осознала, что лежит там не кто иной, как Джеймс. И что Лэйси возвращает его из мира мертвых.

— А ты что здесь делаешь? — раздался у самого моего уха звучный папин баритон.

Я невольно вздрогнула и, обернувшись, взглянула на отца. Он в свою очередь пристально уставился на меня, опустив испещренные веснушками руки вдоль массивного туловища. Дверь за его спиной, отделявшая кухню нашего «Старого ирландского козла» от обеденного зала, то и дело распахивалась, скрипя петлями всякий раз, когда кто-то в нее проходил.

Был понедельник — спустя два дня после похорон Джеймса, — и, как всякое утро с тех самых пор, когда я начала работать в родительском пабе, я встала в пять утра. И как всякое утро после исчезновения Джеймса, я понуро поднялась из постели и потащила в ванную. Потом нацедила себе кофе из кофеварки, которую, сама не помню как, заправила еще с вечера. Наконец добрела до машины, кирпично-красного «нью-битла», и покатила к «Старому ирландскому козлу» — довольно престижному в нашем городке пабу-ресторану, которым мои родители обзавелись еще до моего рождения. Я, можно сказать, выросла в этом ресторане, намывая здесь полы и заставляя полки. Со временем я перебралась на кухню, где работала бок о бок с мамой, шеф-поваром, и Дэйлом, ее незаменимым су-шефом. Дэйл как раз и вырастил из меня пекаря-кондитера. Специализацией же моей со временем стала выпечка булочек и хлеба. Закончив кулинарную академию в Сан-Франциско, я вернулась к маме уже как су-шеф на место Дэйла, занявшего место шеф-повара в одном из старейших заведений в Кембридже, штат Массачусетс. «Такая возможность выпадает лишь раз в жизни», — так он объяснил мне причину своего ухода.

Постепенно включившись в окружавшее меня кухонное пространство «Старого козла» с большими промышленными печами и плитами из нержавеющей стали, с холодильной комнатой и примыкающей к ней морозильной камерой, с многочисленными кастрюльками, горшками и тарелками, удобно расставленными и всегда находящимися под рукой, я почувствовала себя так, будто меня разбудили уже второй раз за день. Люминесцентные лампы жужжали над головой, точно пчелиный рой. Из висевшего неподалеку радио раздавались негромкие звуки утренней программы местного канала. И хотя я с трудом разбирала произносимые ведущим слова, сама каденция его интонаций была насыщенной и приятной. Все вокруг было знакомо. Как будто обычное рабочее утро — которое, по сути, вовсе не было обычным.

Папа вопросительно смотрел на меня, заметно нервничая из-за моего молчания. Я стояла у выпечного блока в окружении уже хлебов и булочек, вымешивая кулаками массу тепловатой субстанции, обсыпанной мукой, которой, словно белой пудрой, была сплошь запорошена столешница.

— А который час? — хрипло спросила я.

Папа продвинулся в глубь кухни.

— Девять.

То есть прошло уже три часа после того, как я вышла из дома.

В голове быстрой чередой картинок промелькнуло, как я паркую машину, снимаю сигнализацию, собираю необходимую посуду, смешиваю ингредиенты. То, что остается в памяти после любого утра из целой тысячи дней.

Я вытянула руки из теста, отчего оно звучно чавкнуло. Липкая масса комками пристала к моим пальцам, забила под ногти. Я энергично потерла ладони друг о друга, однако тесто

упрямо не желало скатываться с моих рук.

Обычно я очень любила уединение по утрам — даже порой тосковала по одиночеству, — когда замешивала тесто на целый день вперед. Еще с тех давних пор, как мама дома на кухне учила меня делать выпечку, для меня это стало своего рода ритмическим забытием. Такое однообразное занятие позволяло сознанию плыть куда-то своим путем — прикидывать дела на день, планировать будущее, думать о прошлом. Вот только сегодня это никак не получалось. Тесто пристало к моим ладоням, точно комок жвачки к подошве, и это ужасно раздражало. К тому же было крайне досадно, что это напоминало о том, что все те долгие часы, когда я планировала свое будущее, оказались лишь напрасной тратой времени. Будущего больше не существовало.

Я еще усерднее принялась счищать тесто с ладоней, даже пытаюсь соскрести его ногтями.

Вскоре рядом появился отец с мокрым полотенцем и принялся сам оттирать мои руки. Этот его жест показался мне очень трогательным, наполненным отеческой заботой. Стараясь не травмировать мою кожу, он старательно оттирал мои руки. Но через минуту его нежная забота разозлила меня еще сильнее. Мне не хотелось, чтобы со мною обращались как с фарфоровой куклой. А потому, резко высвободив руки и рывком дернув к себе полотенце, я стала что есть силы отчищать руки полотенцем.

— Иди-ка ты домой, Эйми.

— И что я там буду делать? — огрызнулась я, швырнув полотенце на кухонную стойку.

Отец промолчал, наблюдая, как я раскатываю тесто и формирую небольшие буханочки, а потом выкладываю их на металлический поднос. Наконец я сунула поднос с будущими хлебцами в шкаф на колесиках и откатила в сторону на расстойку.

В этот момент в кухню вошла мама с двумя крафтовыми продуктовыми пакетами. Ее коротко подстриженные, с сильной проседью волосы стояли, как у девчонки, торчком, открывая взору серебряные серьги, спиральками свисавшие с мочек уха. Быстро скосив на папу глаза, она приветливо улыбнулась мне:

— Увидела там твою машину. Чего это ты приехала?

— Чтобы печь хлеб. То есть делать то, чем я обычно и занимаюсь каждое утро пять дней в неделю, — ответила я настолько едким тоном, что даже саму покорило.

— Я уже предложил ей отправиться домой, — вставил отец.

— Он прав, детка. Тебе бы надо отдохнуть.

— Мне нужно работать, — отозвалась я, с чувством схватив деревянную ложку, — а вам нужна моя помощь. И всем нам и к сегодняшнему ланчу, и к ужину понадобится свежий хлеб.

Родители переглянулись.

— Что? — насторожилась я.

— Я уже позвонила Марджи. — И мама одарила меня широкой улыбкой, обнажившей красивые ровные зубы.

К помощи Марджи она прибегала лишь в экстренных случаях — когда я, к примеру, сообщала, что заболела, или когда у нас кто-то заказывал полномасштабный банкет. Марджи держала небольшую пекарню за углом, обеспечивавшую выпечкой многие заведения в округе.

Я глубоко вдохнула — и тут же ощутила теплый, влажноватый запах свежеспеченного хлеба. Хлеба, которого еще не испекла. Прищурившись, я с подозрением взглянула на

принесенные матерью бумажные пакеты.

«Пекарня Марджи. Свежий домашний хлеб».

— Но наши клиенты любят именно мой хлеб, — возмутилась я. — И вы не смеее его подменять. Или заменять меня Марджи.

— Мы вовсе тебя не заменяем... — пробормотал отец.

Раздраженно фыркнув, я хлопнула ложкой по бедру. Последнее я вовсе не хотела произносить вслух.

Мама тут же кинулась ко мне.

— Ничего подобного, Эйми. С Марджи мы договорились, потому что думали, что тебе понадобится небольшой перерыв.

— Мне не нужно никаких перерывов.

Но мама решительно сжала губы, и я лишь жалобно спросила:

— И долго она здесь будет?

Они снова переглянулись, и мать, поглаживая мою руку, ответила:

— Сколько тебе понадобится.

— Нас тут ожидают кое-какие перемены... — проговорил отец.

— Не сейчас, Хью, — оборвала его мама.

— Какие еще перемены? — Я вопросительно взглянула на отца, но тот лишь поскреб пальцами щеку и уставился в пол. — Что вы мне не договариваете?

— Ничего, милая, — попыталась отмахнуться мать.

— Скажи ей, Кэти. Рано или поздно она все равно об этом узнает.

Родители вновь переглянулись.

— Мы с твоим папой решили отойти от дел.

Я стиснула ладонью ложку.

— Как? Уже? — Я недовольно на них посмотрела. — Какого черта?! Почему именно сейчас? Я только что похоронила Джеймса. Я еще не готова выкупить «Козла». И я не сумею вести здесь дела в одиночку.

— Тебе и не придется, Эйми. Мы уже договорились продать ресторан, — сказал отец.

Ложка грохнула по столу.

— *Что* вы сделали?!

Простонав, мама с виноватой улыбкой посмотрела на меня.

— Сделка состоится через девяносто дней, — добавил папа.

Мама даже шлепнула себя ладонью по лбу:

— Хью!

— А что я сказал?

— А есть еще хоть что-то, чего ты не сказал? Мы же договорились обо всем рассказывать ей постепенно.

Я быстро переводила взгляд с одного родителя на другого, ожидая, когда кто-то из них в итоге признается, что это лишь шутка. Наконец оба они с виновато-озабоченными лицами снова посмотрели на меня.

— Но почему вы не обсудили это со мной? — возмутилась я.

Мама вздохнула.

— Ты же знаешь, наш бизнес уже довольно долго с трудом держался на плаву. Тут появился покупатель и предложил выкупить у нас ресторан. У него большие планы на это заведение.

— У меня тоже на него были большие планы. Почему же... Ч-черт! — Я с досадой потерла пальцами виски. — Почему вы не дали его выкупить *мне*?

— Чтобы ты потом разбиралась с нашими долгами? — Мама покачала головой. — Мы не могли так с тобою поступить.

— Неужели все было бы так плохо? Глядишь, я бы и справилась?

Тут же завертелись водоворотом мысли. У меня было совсем не много собственных сбережений, а единственный счет, которым владели мы с Джеймсом, использовался на выплаты по ипотеке и коммунальные расходы. Поступления от Джеймса на этот счет прекратились, едва он был объявлен погибшим. Все его средства с личных счетов перешли Томасу, который и передал их мне, вручив на похоронах брата чек. Но этот чек я никак не могла пустить в дело: я не считала эти деньги своими, чтобы на что-то их потратить.

Может, я могла бы перекредитоваться со своим домом? Или вообще продать его и на какое-то время снова съехаться с родителями?

— «Козел» слишком уж погряз в долгах, его практически невозможно удержать на плаву. — Отцовское признание моментально остановило кружение моих мыслей. Папа поник головой, глубоко вздохнул. Мне показалось, он просто расстроен, однако, когда отец поднял лицо, я поняла, что его мучает стыд. — Тебе, чтобы хотя бы просто печь хлеб, пришлось бы выскрести последние пенни на муку. Знаешь, меньше всего на свете нам с твоей матушкой хотелось бы узнать, что ты объявишь себя банкротом.

— Банкротом?! — изумилась я.

Мама кивнула, ее глаза заблестели от слез.

— Мы уже заложили и это здание, и наш дом, но так и не сумели свести концы с концами. К тому же задолжали некоторым нашим поставщикам. Они оказались достаточно великодушными людьми и не стали начислять нам проценты, но долг-то все равно остается долгом. Новый владелец ресторана согласился погасить наши долги, за исключением закладной суммы за дом.

— Я и понятия не имела, что все настолько плохо, — пробормотала я.

Отец приобнял маму.

— После того как через дорогу от нашего заведения построили торговый центр и открыли в нем два сетевых ресторана, мы потеряли почти всех наших клиентов.

— У меня уже были кое-какие соображения, как их вернуть обратно. Я собиралась расширить меню, привести в порядок зал, добавить живую музыку по вечерам в четверг и в субботу...

— У нас отцом тоже были кое-какие идеи, но всего этого все равно было недостаточно, чтобы развязаться с долгами и получить еще и какую-то прибыль.

Я невольно принялась теревить фартук. Нетрудно было догадаться, что упомянутый покупатель — какой-нибудь застройщик, собирающийся сравнять это здание с землей. Должен же быть какой-то способ сохранить нашего «Козла»! Хватит того, что я потеряла Джеймса — я не могу лишиться еще и этого. Столько воспоминаний у меня связано с этими стенами, столько всего переплелось с ароматами жарящейся с розмарином картошки или ирландской солонины под соусом Виски.

— Жаль, я не узнала об этом раньше. Может, я смогла бы что-то сделать.

— Да мы собирались тебе сказать, но... — Отец, замывшись, почесал голову. — Видишь ли, Джеймс ушел из жизни так неожиданно, и нам так и не удалось найти удачный момент, чтобы все тебе объяснить. Какие родители захотят вваливать на свое дитя такую-то ношу!

Тебе и без того досталось... В общем...

Он окончательно смешался.

Я выпустила из рук передник, и, пытаясь погасить свой гнев, неторопливыми движениями разгладила измятую материю. Я испытывала раздражение и злость, причем ни на кого конкретно не направленные. И была совершенно опустошена.

— И чем мне, по-вашему, теперь заняться? Наш «Старый козел» — это все, к чему я могу приложить руки. — От страха перед неизвестностью у меня даже голос охрип.

Но мама бодро схватила меня за руки:

— А ты постарайся воспринять это как новую интересную возможность. Ты же можешь начать заниматься чем-то совершенно другим.

— Например? — Я резко отняла от нее руки и сорвала с себя фартук. Новость наконец полностью дошла до моего сознания.

Мама украдкой взглянула на отца.

— Ну, мы с твоим папой считаем, что сейчас у тебя, как никогда, удачный момент выяснить для себя самой, на что ты способна и чего хочешь добиться в жизни.

Я вытаращила на них глаза.

— Что значит «сейчас, как никогда»? Это потому что продали «Козла»? Или потому что умер Джеймс?

Отец тихонько кашлянул.

— И то, и другое.

Я гневно посмотрела на него.

— Вы с Джеймсом были вместе аж... С восьми лет? Вы были просто неразлучны.

— Вы что, хотите обвинить меня в том, что я слишком зависела от Джеймса?

— Ну, не то чтобы зависела... — заколебался отец.

— Да, именно так, — просто ответила мама.

Я в недоумении уставилась на родителей.

— Послушай, Эйми, все мы очень тоскуем по Джеймсу. Мы с твоим отцом чувствуем себя так, будто потеряли сына. И тем не менее впервые в своей взрослой жизни ты остаешься предоставлена сама себе. У тебя есть и образование, и опыт, чтобы заняться именно тем, чем ты хочешь, ни на кого не оглядываясь. И если ты действительно хочешь держать свой ресторан — возьми и открой его.

Сейчас, едва успев переварить новость насчет продажи «Козла», я и помыслить не могла о том, чтобы начать свой ресторанный бизнес с нуля. Скомкав фартук, я швырнула его на кухонный стол. В воздух тут же взметнулось облако муки и белыми пушинками осело на пол.

Я схватила ключи и сумочку.

Папа настороженно поднял брови:

— Ты куда?

— Куда-нибудь. Может, домой. — Я покачала головой. — Пока не знаю.

В моей душе царило полное замешательство, и я не могла нормально соображать. Грудь мне словно сдавило какой-то тяжестью, было больно дышать. Стены как будто подступили теснее, сжимая вокруг меня пространство. Я бросилась прочь из кухни.

Мама выскочила вслед за мною на парковку. Непослушными пальцами я завозилась с ключами и, выронив их на асфальт, невольно опустила голову... Тут я прерывисто вздохнула, мои плечи затряслись, в груди стало тесно от едва сдерживаемых рыданий.

Мама мягко обняла меня, привлекла к своей груди. Я уткнулась лицом в изгиб ее шеи и расплакалась. Пальцы сначала судорожно вцепились ей в спину и наконец сомкнулись. Она мягко покачивалась, обнимая меня, и гладила меня по голове, тихим, умиротворяющим голосом уговаривая меня изгнать свою тоску из сердца.

— Просто отпусти ее.

— Я не знаю, как, — всхлипнула я.

— Ты найдешь способ.

— И я не знаю, что мне теперь делать.

— Ты непременно что-нибудь придумаешь.

— Но я осталась совсем одна...

Мама чуть отстранилась от меня и, взяв мое лицо в ладони, большими пальцами утерла слезы.

— Ты вовсе не одна. У тебя всегда есть мы, детка. Когда нужно, позови нас. И если тебе понадобятся рекомендации для какой-то новой работы или же плечо, чтобы поплакаться — мы всегда готовы тебе помочь.

Я, конечно, была очень признательна маме за такие слова, но вовсе не это хотела от нее услышать. Ее утешения казались преждевременными.

* * *

Когда мы встретились с Джеймсом, мне было восемь лет. В Лос-Гатос они с семьей переехали из Нью-Йорка и поселились по соседству с Ником — в двух кварталах от одноэтажного дома в стиле ранчо, где я жила со своими родителями, Кэтрин и Хью Тирни.

В одно субботнее утро, в самой середине лета, Ник и Кристен привели с собой Джеймса, чтобы нас познакомить. Этот день до малейшей подробности отпечатался в моей памяти, как никакой другой из той поры, — начиная с того, как, знакомясь со мной, он с улыбкой смахнул с лица волнистые волосы, невольно выдавая этим жестом, что очень волнуется. Мальчишке явно не терпелось завести новых друзей. Волосы у Джеймса были намного длиннее, чем носили мальчишки в нашей школе, и я не могла оторвать глаз от того, как густые каштановые завитки игриво огибают мочки ушей под ободком его кепки с эмблемой футбольного клуба «Нью-Йорк Джетс». Он даже провел пальцами по волосам словно пытаясь пригладить непослушные вихры.

Как обычно бывало по субботам, в нашей округе в воздухе тяжело пахло свежескошенной травой. Соседские разбрызгиватели всюду рассеивали влагу, создавая вокруг сплошным фоном «белый шум». Этот мягкий тихий гул я слышала всякий раз, как папа выключал газонокосилку. И, как нередко бывало по субботам, я выставила на улице свою стойку с лимонадом, зарабатывая таким образом на карманные деньги. Я тогда копила на мешочек «Волшебной пыли памяти», что продавали в магазине игрушек неподалеку. Продавец мне сказал, что если каждый день перед сном сыпать щепотку этой пыли себе на голову, я ни за что не забуду, куда дела свои туфли или когда какими делами следует заниматься. Услышав такое, я захотела непременно заполучить себе такой мешочек.

Однако в эту, вроде бы вполне обычную, субботу все пошло не так, как всегда, — и вовсе не потому, что Ник с Кристен пришли вместе со своим новым другом. Дело в том, что Робби, живший через дорогу мальчишка, и его двоюродный брат Фрэнки увидели, как я

выставляю лимонадную стойку. Робби и сам по себе был еще тот задира, но когда они собирались вместе, это означало, что кого-то в этот день точно будут дергать за косички, обзывать, ломать его игрушки и всячески доводить до слез.

Когда подошли Кристен с Ником, братья как раз успели выщыганить у меня стаканчик лимонада, дразня блестящими четвертаками. Заполучить их мне хотелось даже сильнее, чем того, чтобы эта парочка оставила меня в покое.

— Привет, Эйми, — сказала Кристен и жестом указала на нового мальчика, стоящего рядом с Ником: — Это Джеймс.

Я налила Робби лимонад и с улыбкой взглянула на Джеймса:

— Привет.

Тот в ответ улыбнулся и коротко взмахнул ладонью.

— Ой, вы только посмотрите, кто к нам пожаловал! — начал дразниться Робби. — Фуки-Ники и его пай-девочка. А это что, ваша новая подружка? — указал он подбородком на Джеймса.

Джеймс заметно напрягся. Ник с угрозой шагнул в сторону Робби:

— А ну, вали отсюда, ущербный.

— О-ох! — простонал вдруг Фрэнки, и стаканчик выскользнул из его рук. Он схватился обеими руками за шею и закачался на месте: — Она меня отравила! Я умираю!

— Хватит тут безобразничать! — Растерявшись, я бросила на Джеймса испуганный взгляд.

Тот сердито уставился на Фрэнки.

— Дай-ка я попробую, — сказал Робби и залпом выпил лимонад. Стаканчик тут же выпал у него из руки. — О-о, нет! Лимонад и правда отравлен! — И он повалился на мок стойку. Пластиковые стаканчики посыпались на землю. — Она нас убила, Фрэнки!

— Нет, ничего подобного! — Я попыталась спихнуть Фрэнки, но тот даже не шевельнулся. — Убирайся отсюда!

— Шуруй давай! — Кристен подергала Робби за руку.

— Прощай, жестокий мир! — возопил тот и мигом перекатился набок, утягивая за собою Кристен.

Не удержав равновесия, она тяжело упала на тротуар и расплакалась. Когда же попыталась встать, Фрэнки тут же потянул ее обратно.

Тут кулак Ника рассек воздух в паре дюймов от носа Фрэнки:

— А ну, сгинь!

С выпученными глазами Фрэнки помчался через дорогу к открытому гаражу Робби.

В этот момент стойка под тяжестью Робби обрушилась. Извернувшись, тот схватил меня за блузку и, потащив вниз, упал прямо на меня. Ребра обожгло болью, засадило спину. Джеймс быстро стащил с меня Робби. Тот мигом поднялся, махая кулаками, и, попав Джеймсу по рту, разбил ему губу. Зарычав, Джеймс с размаху вмазал левым кулаком в глаз Робби. Тот сразу разревелся и тут же удрал домой.

С помощью Джеймса я осторожно поднялась на ноги, отряхнула одежду. Он внимательно меня всю оглядел.

— Отличный хук слева! — донесся из-за моей спины папин голос. — Теперь хоть какое-то время Робби с его прилипалой-братцем будут держаться на своей стороне улицы.

Тут я увидела, какое безобразие те оставили после себя на тротуаре, и у меня внутри все упало.

Кристен утерла нос и засопела. Ее коленки были ободраны, по одной голени струилась кровь.

— Жаль твою лимонадную стойку, — сочувственно произнесла она.

У меня задрожал подбородок.

— Теперь у меня никогда не будет своей «Волшебной пыли памяти».

Джеймс посмотрел на меня очень странным взглядом.

— Кристен, зайди к нам, миссис Тирни залепит тебе пластырем колени, — предложил отец.

— Я хочу домой, — захныкала Кристен, осторожно коснувшись ободранного места.

— Я ее отведу, — подхватил ее под локоть Ник. — Увидимся позже, — кивнул он на прощанье Джеймсу.

Когда Кристен с Ником ушли, папа посмотрел на моего нового знакомого.

— Как тебя зовут, сынок?

— Джеймс, сэр. — Он быстро вытер ладони о рубашку и протянул руку моему отцу: — Джеймс Донато.

Папа пожал ему ладонь.

— Приятно познакомиться, Джеймс. Может, зайдешь к нам? Умоешься. Приведешь себя в порядок.

Джеймс быстро взглянул на меня.

— Да, сэр.

— Эйми, проводи Джеймса на кухню. Сейчас скажу маме, чтобы принесла пластырь.

К тому времени, как мама отыскала мазь и пластырь, губа у Джеймса перестала кровоточить. Его губы распухли, и он сидел возле меня на кухонном табурете, прижимая к лицу пакетик с замороженным горошком.

Я между тем без умолку расспрашивала его обо всем. Мне все-все-все хотелось о нем узнать. Да, он будет учиться в той же школе, что и я. Да, он любит играть в футбол. Нет, он еще ни разу никого не бил. Да, рука у него ноет...

Когда я спросила, сколько ему лет, он дважды поднял растопыренную пятерню, а потом, отдельно, еще один палец. Одиннадцать.

— А сестры у тебя есть?

Он помотал головой.

— А братья?

Он поднял два пальца, потом резко мотнул головой и один палец убрал.

Я рассмеялась:

— Должно быть, Робби крепко тебя стукнул, раз ты не помнишь, сколько у тебя братьев!

Джеймс нахмурился.

— Брат у меня один. А Робби дерется, как младенец.

Я расхохоталась, но тут же обеими ладонями зажала себе рот, боясь, что он подумает, будто я смеюсь над ним и его неверными подсчетами, а вовсе не над тем, какое лицо было у Робби, когда ему вмазал Джеймс. В жизни не видела, чтобы Робби так быстро уносил ноги!

Джеймс с любопытством огляделся в кухне. В духовке пекся мамин яблочный пирог для воскресной вечеринки с игрой в «пункто-банко». Из радио, которое папа вынес на улицу, в окна лилась классическая музыка.

Гость, поерзав на табурете, признался:

— Мне тут нравится.

— Я бы тоже хотела побывать у тебя дома.

Я очень надеялась, что Джеймс захочет стать моим другом, потому что он мне ужасно понравился. У него была чудесная улыбка, и он был невероятно храбрым. Ведь он крепко врезал Робби — то есть совершил то, о чем я так долго мечтала, но слишком уж боялась сделать. Робби все ж таки был куда крупнее меня.

— У вас лучше. — Его блуждавший взгляд вновь обратился ко мне: — Слушай, а что это за «Волшебная пыль памяти»? Звучит прикольно.

Я покраснела, припомнив, какое выражение лица было у Джеймса, когда не так давно я жалобно посетовала насчет этой «пыли». Наклонившись к Джеймсу, я поведала ему историю о волшебных свойствах «пыли», попутно удивляясь тому, насколько загорелее его руки по сравнению с моими.

— Да, теперь уже не важно, — с легкостью отмахнулась я от своей мечты. — Все равно моя лимонадная стойка поломана, и мне уже ни за что не выручить столько денег, сколько мне на это нужно.

Джеймс протянул руку через столешницу и придвинул к себе сахарницу. Потом взял пальцами щепотку кристалликов и поднял над моей головой.

Я вскинула взгляд:

— Что ты делаешь?

— Закрой глаза.

— Зачем?

— Доверься мне. Закрой глаза.

Я послушалась — и тут же услышала над собой тихий шорох. По волосам что-то легонько зашуршало, щекотно коснулось кожи головы. Нос зачесался, а по щекам как будто посыпались капли дождя, хотя щеки от этого прикосновения не намокали. Я заморгала и подняла глаза. Мое лицо было усеяно крупинками сахара.

— Что это было? — спросила я, когда Джеймс закончил и вытер руки.

— Это «Волшебная пыль памяти, придуманная Джеймсом». — Неповрежденный уголок его губ изогнулся в улыбке. — Теперь ты никогда не забудешь, как мы повстречались.

У меня округлились глаза, а его лицо вспыхнуло румянцем. Я быстро прижала ему ко рту пакет с горошком и отшатнулась.

— Я никогда тебя не забуду, — поклялась я.

За минувшие после этого годы Джеймс тоже давал мне клятвы. И что мы навеки будем вместе, вдвоем, и что никого другого между нами не возникнет. Нам обоим очень нравилось давать такие обещания. Так мы вместе выросли, став взрослыми, и поклялись так же вместе встретить старость.

Мне даже в голову не приходило желать чего-то иного, нежели той общей жизни, что мы с Джеймсом всегда себе планировали.

Когда я вернулась домой из родительского ресторана, Надя с Кристен были уже у меня. Кристен тут же кинулась ко мне:

— Мы открыли дверь запасными ключами. Позвонила твоя мама, сказала, что тебе, наверно, понадобится, чтобы кто-то был рядом. — Сделав паузу, она вздохнула. — Она сказала насчет «Старого козла». Мне ужасно жаль.

Я кивнула, не разжимая плотно стиснутых губ, и кинула ключи и сумочку на тумбу в прихожей.

Подруга проследила за мной внимательным взглядом.

— С тобой точно все в порядке?

Я лишь пожала плечами. Отъехав от «Козла», я некоторое время просто бесцельно кружила по городу, все думая о родительском ресторане, и наконец вспомнила о Джеймсе. Тогда я, вместо того чтобы отправиться домой, поехала на кладбище и пришла к его могиле. Погребли Джеймса возле памятника семейства Донато, рядом с его отцом, Эдгаром Донато, который умер от рака легких меньше года назад. На плоской гранитной плите, отмечавшей место захоронения, было выведено: «Джеймс Карлине Донато». Ниже шли дата рождения и дата смерти. Томас и Клэр не знали точную дату его гибели, однако коронер определил ее как от двух до пяти дней после отъезда Джеймса. Поэтому они остановились в итоге на 20 мая. Дескать, круглая дата.

Не меньше часа я лежала на влажной траве, прижавшись щекой к его надгробию, и вспоминала дни, предшествующие его отъезду. Он упрямо рвался тогда в Мексику. Мол, именно ему следовало туда ехать, а не Томасу. Мне же очень не хотелось, чтобы он уезжал. На носу была наша свадьба. Нам еще столько всего предстояло продумать и подготовить. Но Джеймс словами и поцелуями сумел как-то убедить меня, что не задержится в Мексике надолго. И что, вернувшись, он уйдет из «Донато Энтерпрайзес» и посвятит себя искусству. Живопись была его истинной страстью. Довольно скоро он меня убедил, и я сменила гнев на милость. Теперь, задним числом, я признавала, что должна была тогда с таким же упрямством, как и он, настоять на том, чтобы Джеймс остался дома. Тогда бы он не погиб. Мы были бы уже женаты и проводили свой медовый месяц на острове Сент-Барт на Карибах.

Потом я мысленно перенеслась в те дни, когда Джеймса объявили без вести пропавшим. Я тогда приехала к Клэр, надеясь побыть рядом с человеком, так же горько, как и я, сокрушающемся об исчезновении Джеймса. Как я не сообразила сразу, что жду от нее слишком многого! Клэр больше интересовали уже разосланные родственникам и друзьям свадебные приглашения, нежели возможность того, что самые худшие наши опасения вдруг окажутся правдой. Она попросила меня позвонить гостям и предупредить, что свадьба может и не состояться.

Побледнев, я уставилась на Клэр, сидевшую на диване напротив меня в парадной гостиной семейства Донато. Еще никто не пытался заставить меня думать о том, чтобы поставить крест на Джеймсе и на нашем совместном будущем. Шелковая обивка дивана даже сквозь юбку вдруг показалась ледяной и жесткой. Современная обстановка комнаты, видимо, была закуплена через их семейное предприятие, занимавшееся продажей мебели — то самое «Донато Энтерпрайзес». Все до единого предметы были острыми и угловатыми, как и лицо самой Клэр. Ни там, ни тут не было и намека на какую-то мягкость.

— Я не могу никого обзванивать. Еще не время. — Мне претила сама идея говорить приглашенным, будто свадьбу перенесут или, хуже того, вообще отменят. От этого возможность гибели Джеймса становилась уж слишком реальной.

Клэр заметно напряглась.

— Однако ты должна...

Тут меня отвлекло движение в дверном проеме. В гостиную, буквально впившись в меня взглядом, — точно охотник сквозь глазок прицела, — вошел Фил. Без малейших слов он уселся рядом с своей тетушкой и опустил руку ей на плечи, выглядя при этом очень уж расслабленно и комфортно для человека, только что узнавшего о том, что его брат пропал без вести.

Клэр ласково похлопала его по ноге, а потом, задержав ладонь, поцеловала в щеку.

У меня все внутри сжалось.

— Эйми... — произнес Фил, уронив подбородок.

Я беспокойно шевельнулась на диване. Я не видела его еще с прошлого лета и даже не думала, что он приехал погостить.

Клэр погладила его ногу.

— Даже не представляю, что бы я делала без Фила! Для нашей семьи нынешний год просто ужасный! Я так признательна, что он переехал к нам, чтобы скрасить мое одиночество. Фил так мне помогает.

Я резко глянула на Клэр. То есть Фил теперь живет здесь? Я впила пальцами в диванную подушку и стиснула колени, поскольку ноги у меня непроизвольно затряслись, и эта противная дрожь, в точности как рябь по воде, стала перемещаться на туловище и руки.

Клэр озабоченно вскинула брови, наморщив лоб:

— С тобой все в порядке?

Я резко вскочила на ноги:

— Извините, мне надо идти.

Она тоже поднялась с места:

— Ну, что же, надо так надо. Подожди секундочку, у меня кое-что для тебя есть.

И Клэр вышла из гостиной, оставив меня наедине с Филом.

Я чувствовала, как его взгляд медленно скользит по моему телу.

— Давненько не видались, Эйми. Ты соскучилась по мне?

Он говорил громким шепотом, и я слышала каждое слово настолько четко, словно он говорил мне это на ухо. Я молча уставилась на стену позади него.

Фил вздохнул:

— Ах, да... А я вот, видишь ли, скучал по тебе. Хорошо выглядишь... учитывая обстоятельства.

Послышался слабый шорох: Фил подвинулся на диване, садясь поудобнее.

«Не вставай. Пожалуйста, только не вставай!»

— Какое несчастье, что такое случилось с Джеймсом!

В голосе Фила как будто послышалось сострадание, и я в упор взглянула на него.

— Ух, сколько пыла! — хохотнул он. — Как же я по нему изголодался!

Фил скрестил вытянутые ноги и вольготно раскинул руки по спинке дивана, отчего из-под костюмного пиджака сразу выглянула ослепительно-белая оксфордская рубашка. Я же под его взглядом, неторопливо осматривающим меня с ног до головы, почувствовала себя просто обнаженной. Слава богу, взглядом невозможно обжечь плоть, не то я бы вся

покрылась волдырями.

— Видишь ли, Клэр пытается себя отвлечь от печальных мыслей столь приземленными и пустячными хлопотами, как подготовка к вашей свадьбе. Она печется о гостях, потому что для нее слишком уж тяжело тревожиться о самом Джеймсе.

— Для всех нас это тяжело.

Он потер пальцами верхнюю губу.

— А, ну да... Надо полагать... Весьма сожалею.

Я вся заледенела и гневно посмотрела на него.

— Насчет Джеймса, — пояснил Фил.

Внутри меня вскипела ярость.

— Тебе еще много о чем придется пожалеть.

Тут из коридора донесся стук каблуков Клэр. Она вошла в гостиную, неся в руках папку из бежевой манильской бумаги, и жестом велела мне ее взять.

— Что это? — спросила я.

Папка в ее цепкой руке задрожала.

— Номера телефонов и адреса электронной почты.

— Чьи? — нахмурилась я.

— Свадебных гостей Джеймса. Домашние их адреса у тебя уже есть. Теперь ты можешь им позвонить или отправить имейлы и сообщить, что произошло. Это получится куда быстрее, нежели опять рассылать письма по почте.

Она это серьезно?! Я готова была с ней поспорить, но чем дольше я здесь оставалась, тем больше рисковала застрять тут капитально. К тому же я сильно сомневалась, что Фил куда-то исчезнет, пока я разговариваю с Клэр.

— Хорошо, я им позвоню.

Я взяла у нее папку и попрощалась.

Фил тут же поднялся:

— Я провожу тебя до дверей.

— Нет! — выпалила я.

У Клэр округлились глаза. Фил всегда был ее любимчиком — к нему она благоволила даже больше, чем к собственным сыновьям. А еще она была просто помешана на хороших манерах.

— Нет, благодарю, — добавила я как можно более вежливым тоном. — Я сама найду выход.

И поскорее удалилась, пока кто-либо из них успел отреагировать.

* * *

Кристен погладила меня по руке, возвращая в настоящее, и я, смахнув слезы, взглянула на нее.

— Пойдем присядем. Дам тебе чего-нибудь выпить.

Я побрела за ней в кухню и без сил опустилась на стул.

— Мы принесли тебе перекусить и еще кое-какие продукты, — объяснила Надя, расставляя ту снедь, что не требует холодильника, на стеллаже, отделявшем кухню от гостиной.

Кристен налила из кувшина лимонад и протянула мне стакан.

Я с жадностью его осушила, утерла ладонью губы... и внезапно разревелась.

Кристен и Надя застыли на месте, уставившись на меня. Через пару секунд Кристен опомнилась, опустила на стол кувшин и, сев передо мной на другой стул, протянула мне салфетку, чтобы я вытерла нос.

— Я знаю, тебе очень тяжело сейчас, Эйми. Прошу тебя, поговори с нами. Скажи, чем мы можем тебе помочь? Что-то вновь напомнило тебе о Джеймсе? Что так сильно тебя расстроило?

«*Да все сразу!*» — мысленно вскричала я. И Джеймс. И ресторан. И моя работа — вернее, ее полное отсутствие, начиная с нынешнего утра.

Надя между тем достала из шкафчика тарелки и занялась приготовлением салата.

— Тебе надо бы чего-нибудь поесть. Ты такая бледная...

— Вот спасибо! — фыркнула я в салфетку.

— А! Откликнулась! Значит, уже лучше.

Кристен погладила пальцами мою руку.

— Пожалуйста, поделись с нами, выговорись, — умоляюще произнесла она.

Я промычала что-то в салфетку, кивая в ответ. Мне и впрямь необходимо было выговориться — только вот не все я могла им рассказать. Промокнув как следует глаза, пока они не стали почти что сухими, а кожа вокруг них даже немного болезненной, я неожиданно призналась:

— Просто я чувствую себя виноватой.

Надя поставила тарелки с салатом на стол.

— С чего это вдруг?

— Всякий раз, вспоминая о Джеймсе, я думаю, что тогда должна была настойчивее убеждать его остаться дома. — Я распихала по тарелке свой салат. — И сейчас мы наслаждались бы медовым месяцем.

Кристен выпятила нижнюю губу и снова погладила мою руку.

— У тебя ужасная привычка все держать в себе. Зря ты так делаешь. И тебе совершенно незачем себя казнить. Сама знаешь, каким упрямым был Джеймс. Как бы ты на него ни давила, он все равно отправился бы в Мексику. Так что у тебя нет ни малейших причин чувствовать себя виноватой.

— А почему бы и нет? — возразила ей Надя. — Небольшое чувство вины — это нормально.

Кристен внимательно взглянула на нее:

— И чем ты, черт возьми, это обоснуешь?

Надя пожала плечами и вилоккой запихала в рот рукколу.

— Стадии переживания горя, — напомнила она, быстро прожевав и проглотив салат. — Она еще на один шаг ближе к тому, чтобы начать новую жизнь.

— Она же только-только ступила на стадию скорби, — парировала Кристен. — Джеймса похоронили всего-то два дня назад.

Тут я, не выдержав, помахала рукой:

— Эй, подруги, я вообще-то здесь. Может, вы лучше со мной поговорите?

— Ну, формально-то его нет уже два месяца, — уточнила Надя.

Кристен аж задохнулась от возмущения:

— Бог ты мой! Ты просто невозможный человек! — Она встала и, что-то ворча себе под

нос, отнесла тарелку в раковину.

Надя возвела глаза к потолку, а потом понимающе посмотрела на меня:

— Со мною было то же самое, когда уехал папа. Я тоже винила себя.

Когда ее отец ушел от матери, Надии было тринадцать.

— Помнишь, это случилось сразу после того, как он обнаружил мой тайник с косметикой. Он тогда наказал меня, велел сидеть дома и не выходить из своей комнаты. А когда я наконец вышла к ужину, его уже не было. Я в очередной раз его ослушалась — и считала, что именно поэтому он и уехал. Уже гораздо позже мама мне рассказала о папином романе. Он, похоже, использовал наказание для того, чтобы удалить меня из комнаты, пока они с мамой будут выяснять отношения.

— Почему ты раньше мне этого не говорила?

— По той же причине, что и ты. Я чувствовала себя виноватой и потому держала все в себе. О папиной связи на стороне я узнала, когда уже закончила школу. Так что целых пять лет корила себя в случившемся. — Протянув руку, Надя пожала мне пальцы. — Поэтому чувство вины — это естественно. Только вот не зависай в этом состоянии так надолго, как я. Ты можешь сколь угодно переживать и огорчаться — но ни черта не в силах сделать, чтобы хоть что-то изменить в прошлом.

Легко сказать!

— И что, по-твоему, делать мне теперь? — спросила я.

Надя подняла бровь:

— Ты насчет Джеймса?

— Нет, насчет работы. Мне же теперь необходимо искать себе какое-то дело.

Да, мне просто позарез нужно было что-то стряпать или печь. Что-то создавать, творить. Вот в чем мы с Джеймсом были так похожи. Если он, переживая стресс, рисовал или же обдумывал какой-то новый замысел — я в подобном случае принималась за выпечку. Причем пекла очень много. У меня даже пальцы зудели, чтобы доставать из шкафчиков все нужные ингредиенты и делать новый замес. Обычно у меня это выходило совсем не так, как сегодня утром. Сегодня, забывшись разными мыслями, я добавила чересчур много воды, и тесто получилось слишком вязким. Отвратительно липучим.

— Ну, ты можешь найти работу. Или же... — Для усиления эффекта Надя сделала паузу. — Или же отправиться путешествовать.

— Томас предложил мне то же самое.

Поскольку мы планировали на медовый месяц уехать за границу, у меня уже был готов паспорт — вот только я никогда и нигде не бывала без Джеймса. Для меня было бы слишком непривычно путешествовать одной. Любопытно, что Джеймс был склонен к спонтанным поступкам и всегда вместо запланированного курса норовил съехать на боковые пути. «Никогда не знаешь, где и какой сюрприз тебя поджидает», — объяснил он мне как-то.

Надя улыбнулась:

— Мне нравится его ход мыслей.

— Нет, никаких путешествий, — категорически замотала я головой. — Еще не время.

— Тогда открой какой-нибудь ресторанчик.

— Это мой папочка велел так посоветовать?

— Нет, — усмехнулась Надя. — Но мне кажется, это классная идея.

— Джеймс тоже так считал. Он хотел, чтобы я открыла собственную кофейню. Говорил, я умею варить отличный кофе.

— А что, интересная мысль. Стоит об этом подумать.

Начать свое дело с нуля без поддержки Джеймса казалось мне совершенно невероятной перспективой. Я взглянула через плечо на Кристен:

— Ну, а ты что об этом думаешь?

Та в ответ только руками взмахнула:

— Так, девочки, лично я болею за Эйми. Мне важно, чтобы ты была счастливой.

Увы, счастливой меня делали Джеймс и наш «Старый ирландский козел».

Надя сунула свою тарелку под кран. Кристен заглянула в холодильник, потом открыла кухонный шкафчик. Поглядывая на них обеих, я вдруг спохватилась, что сегодня, оказывается, понедельник.

— А вы разве сегодня не работаете?

— Меня заменили, так что я до вечера в твоём распоряжении, — подала голос Кристен.

Она была учителем начальных классов и почти что круглый год работала в школе. Отдыхать ей толком удавалось только считанные недели в летние каникулы, после чего начинался новый учебный год. С Ником они поженились в прошлом году. Вскоре собирались обзавестись детьми, и мы планировали вместе растить наших будущих чад.

Теперь и с этими планами было навеки покончено.

Надя поставила тарелку в сушилку и вытерла руки.

— А я свободна лишь до двух.

Кристен высунулась из-за дверцы шкафчика:

— Ты же говорила, что на весь день!

— Мне по пути сюда позвонили насчет торговой площадки в центре. Один новый арендатор принял мое предложение и хочет как можно скорее со мной встретиться.

— Это то самое место на Северной Санта-Круз-авеню? — спросила я. — Что между танцевальной студией и винным погребком?

Это было единственное подходящее место, которое я там знала. Причем знала только благодаря Джеймсу.

— Именно, — сказала Надя. — Там разместят галерею искусств.

— Шутишь?! — Я подскочила.

Она удивленно на меня посмотрела:

— М-м... не шучу. А что такое?

— Ты занимаешься планировкой галереи в том самом здании, которое Джеймс собирался арендовать под свою галерею!

Надя явно почувствовала себя неловко.

— Прости...

— Ну, ты-то тут не виновата, — лишь отмахнулась я.

Кристен вновь открыла холодильник:

— Слушай, Надя, а куда ты поставила вино?

— А разве среди продуктов бутылки не было?

Кристен отрицательно качнула головой, и Надя пожала плечами:

— Наверное, забыла в магазине.

— В холодильнике в гараже точно есть несколько бутылок, — удрученная от вновь нахлынувших мыслей, произнесла я.

Я продолжала думать о том помещении в центре города. Сдача его в аренду была мрачным подтверждением того факта, что наши с Джеймсом мечты уже никогда не

воплотятся в жизнь.

Настороженно взглянув на меня, Кристен отправилась в гараж. Дверь за ней захлопнулась, и буквально через минуту она вернулась с бутылкой шардоне:

— Когда это ты успела так прибраться в гараже?

— Разве похоже, что я хоть где-то прибиралась? — Я обвела рукой пространство вокруг себя. На кухонной стойке высокой грудой громоздились оставшиеся без ответа письма. Непрочитанные газеты стопкой лежали на полу. Повсюду по углам росли и множились комки пыли.

— Да как тебе сказать... — Она откупорила бутылку и разлила вино по трем бокалам. — Но в гараже полный порядок.

Мы выпили вина и заговорили о новой дизайнерской работе Нади. Вскоре у нее в телефоне загудел сигнал, напоминающий о назначенной встрече. Надя взглянула на экран:

— Все, мне пора. Я тебе завтра позвоню. — Она чмокнула меня в щеку и, подхватив свою сумку-хобо, вскочила на ноги. Ручка сумки зацепилась за спинку стула, и все содержимое вывалилось под ноги. Помада, авторучки, монетки, мятные карамельки, разные бумажки — все это в мгновение ока раскатилось по плиткам пола.

Надя чертыхнулась, и я наклонилась, чтобы ей помочь.

— Да я сама справлюсь. — Она отвела мои руки и начала быстро подбирать свои вещички. — Все, убегаю, — бросила она и устремилась к выходу.

Махнув ей на прощанье, я включила музыку, гадая про себя, долго ли пробудет со мной Кристен. Она налила нам еще по бокалу. «Вот и славно, — подумала я, — значит, еще на какое-то время задержится».

Мы с ней успели и потанцевать, и поболтать, и посмотреть по платному каналу любовную мелодраму. Наконец около десяти вечера раздался звонок в дверь — это Ник приехал забрать жену.

— Завтра тебе позвоню, — тут же вскочила она с дивана.

Я проводила ее до двери, и Кристен крепко-крепко меня обняла:

— Все, пока, спокойной ночи, дорогая.

Ник обнял ее одной рукой, притянул к себе. Они были прекрасной парой! Кончиками пальцев Ник отвел от лица жены пряди светлых волос и поцеловал ее в лоб, отчего Кристен на миг сомкнула глаза. Это проявление нежности было настолько интимным, что у меня защемило сердце. Такое я теперь не испытаю.

— Одна переночуешь нормально? — спросил меня Ник.

Разве у меня был выбор?

— Да, все будет хорошо.

— Звони, если что.

— Спасибо.

Мы попрощались, я закрыла за ними дверь, послушала, как отъезжает машина Ника. Потом, прижавшись спиной к двери, соскользнула на пол и медленно закрыла глаза. От выпитого вина я как будто поплыла. Сквозь хмельной туман в сознание проникали разные звуки и запахи. Тиканье каминных часов. Тихое гудение кондиционера. Ароматы кокоса и лимонной травы от горящих свечей...

Я распахнула глаза. Надо было встать и погасить свечи. Я с трудом поднялась на ноги... И тут мое внимание привлекла маленькая бумажка под кухонным стулом. Свернутая пополам, она лежала на полу, точно крохотная палатка. Подойдя, я подняла ее, взглянула на

то, что там написано.

«Лэйси Сандерс».

Та ясновидящая с похорон Джеймса. Я уже едва о ней не забыла! Должно быть, это Надя обронила визитку, когда содержимое ее сумки вывалилось на пол.

Я пристально уставилась на карточку.

«Джеймс жив», — пронесся в моем сознании шепот Лэйси.

Что за сумасшествие! Я швырнула визитку на кухонный стол и пошла тушиться свечи, запирать двери, выключать везде свет. Сходила на всякий случай проверить гараж. Так и есть! Кристен оставила там гореть одинокую лампочку под потолком. Я ее выключила — но тут же включила опять.

За моим «жуком-фольксвагеном» виднелось огромное пустое пространство — там, где прежде стояли восемь коробок с обернутыми пузырьчатой пленкой полотнами Джеймса. Они исчезли.

Обогнув машину, я в полном недоумении уставилась на голый цементный пол. Осталась лишь одна коробка в стороне. Но где остальные? И как давно они исчезли? В последние месяцы я была настолько не в себе, так что исчезнуть эти коробки могли когда угодно. Может, это Джеймс хотел немного расчистить гараж и перевез коробки на склад своей компании?

Наверняка Томас знает, где они могут быть. «Завтра ему позвоню», — решила я, позевывая.

Потом я вернулась в дом и буквально рухнула в постель.

Октябрь

Дни текли медленно, сменяя друг друга тоскливой, однообразной чередой. Бесконечные поздние посиделки где-нибудь с Надей, ужины с Кристен и ее мужем — и бесчисленные одинокие вечера на диване с фильмами по телевизору. Когда смотреть было совсем нечего, я принималась печь.

Поначалу я время от времени заезжала в ресторан родителей, отрабатывая свою смену, однако неизбежность того, что заведение скоро закроется, лишний раз напоминала мне, что пора уже как-то определиться, как я буду жить дальше. Поэтому я перестала туда навещаться.

Стопка полученных писем неуклонно росла. Газеты на полу возвышались уже, как небоскреб. В раковине скапливались грязные тарелки. По всему дому стояли грязные бокалы и стаканы. На кухонном столе лежали так и не съеденные запеканки, пирожки, кексы и печенье. Стиральная машина с сушилкой запускались лишь тогда, когда ситуация оказывалась совсем уж безвыходной: например, когда мне грозило остаться без чистого белья.

Я чем только можно заполняла свои дни и всякой ерундой забивала вечера — пока наконец не падала без сил в кровать. Пробуждаясь — с разбитым телом и щемящей душой, — я принималась фантазировать с эспрессо. Я смешивала экзотические кофейные зерна, добавляла в кофе разные сиропы и, наконец, кое-как придя в себя, снова бралась за выпечку.

В моем доме царил кавардак, моя жизнь была сплошным бедствием, а сама я превратилась в сущую развалину.

И так продолжалось до того дня, когда я наконец очнулась.

Первое, что я услышала — это жужжание косилки. Выглянув сквозь жалюзи в окно на улицу, я увидела, как по лужайке перед домом туда-сюда расхаживает с косилкой Ник. Потом распахнулась входная дверь, и на пороге возникла Кристен:

— Ты не спишь?

— Да вот решила, не пора ли мне снова примкнуть к человеческой расе, — с усмешкой сказала я. Потом ткнула большим пальцем в сторону окна: — Пусть заканчивает с этим.

Кристен закрыла дверь.

— Он хочет чем-то тебе помочь. И мне кажется, ему самому это тоже помогает.

Я смяла опустевшую коробку из-под салфеток.

— Это как?

— Ему не хватает Джеймса.

— Нам всем его не хватает. — Пройдясь по гостиной, я собрала грязную посуду. — Газон у меня теперь, конечно, роскошный. Но ведь прошло всего одиннадцать недель. Не может же он стричь мне газон всю оставшуюся жизнь!

— Так сказала женщина, только что вернувшаяся в мир живых, — с улыбкой прокомментировала Кристен, следуя за мною на кухню. — Я передам садовнику, что ты его увольняешь.

— Вот и отлично.

Она принялась:

— У тебя кофейный торт?

Я жестом показала на формы для выпечки и полные блюда печенья, в изобилии теснившиеся на длинном кухонном столе, и Кристен аж глаза вытаращила:

— А ты, я вижу, с пользой время проводила! И что, ты собираешься все это съесть?

Я сконфуженно взглянула на подругу:

— Ну, типа угощаю соседей.

Хотя моя соседка по улице и ее муж всегда отдавали должное теплой свежей выпечке к своему ужину, а их троим деткам ужасно нравились мои угощения, они все-таки попросили меня перестать закармливать их семью. И правда, я слишком на них тратилась. Причем в банке денег у меня не было, поскольку я так и не смогла пока что убедить себя оприходовать выписанный Томасом чек. Но даже если, покупая продукты, я полностью исчерпала бы кредит по карте, я наверняка продолжала бы отдавать результаты своего «кулинарного запоя» в бесплатную столовую святого Антония, где мама работала волонтером.

Кристен отрезала себе кусок торта.

— М-м-м, какая вкуснятина! — застонала она. — Это, похоже, не по рецепту твоей мамы. Получилось просто изумительно.

— Я добавила сметаны. От этого немного изменилась текстура теста. Оно стало легче и нежнее.

Кристен доела торт и положила себе еще кусок.

— И что за лихорадка на тебя нашла?

— Ты ж меня знаешь. Мне все время нужно чем-то себя занимать. Это отвлекает... от многого.

— Да, Джеймс явно был не единственным творцом в этом доме, — грустно улыбнулась подруга.

Я невольно улыбнулась:

— Да, в этом смысле оба были хороши.

Я подошла к раковине и ополоснула тарелки. Кристен прикончила второй кусок, потом решила подровнять собравшуюся за несколько месяцев стопку почты на столе. Стопка повалилась набок, и конверты посыпались на пол. Подруга бросилась их поднимать.

— Стоп! А это что такое?

Я взглянула на то, что Кристен держала в руке. Чек Томаса. Забытый и закопанный под грудой почты.

— Это от Томаса.

— Что?! С чего это вдруг?

— Он наследник Джеймса. И он решил, что я имею полное право на эти деньги, поскольку мы с Джеймсом должны были вот-вот пожениться.

— Как это мило с его стороны... Господи! — Кристен раскрыла чек. — «Мило» — не то слово! Это просто обалденно! Теперь, с такими-то деньгами, ты вполне сможешь открыть свой ресторан!

— Да, верно... если я и впрямь решу за это взяться.

Кристен снова уставилась на чек.

— Датировано днем твоей свадьбы... То есть прости... Там стоит дата похорон Джеймса.

Я вытерла руки и забрала у нее чек.

— Именно тогда мне Томас его и дал. Как раз перед тем, как ко мне подошла Лэйси.

— Кто такая Лэйси? Та дамочка, с которой ты разговаривала на парковке, когда мы тебя искали?

— Именно, — кивнула я. — Она ясновидящая.

Кристен чуть не подавилась смехом.

— Кто?!

— Ясновидящая. Дает консультации.

— Это типа предсказательницы?

— Скорее, если не ошибаюсь, она экстрасенс-профайлер.

— Тогда не удивительно, что Надя забрала у тебя ее визитку. Я бы тоже напряглась, подкатись ко мне подобный экземпляр. И что она тебе сказала?

— Что Джеймс на самом деле жив.

Кристен опешила.

Из гостиной донеслось треньканье таймера. Потом еще раз. Кристен шумно втянула в себя воздух.

— Но это же бред! Надеюсь, ты ей не поверила?

Я покрутила на пальце помолвочное кольцо. Я уже несметное число раз успела спросить себя: «А что, если...?»

— Эйми? — прищурилась Кристен.

— Нет. Не поверила.

Она с облегчением вздохнула.

— Вот и хорошо. А то я уже заволновалась. — Подруга посмотрела на часы: — Все, мне надо идти. Через полчаса начнутся уроки. Да, чуть не забыла! — Она порылась в сумочке. — Вот, держи, это тебе.

Еще одна визитка:

Грейс Петерсон

Кандидат наук

Психолог-клиницист, психотерапевт.

Психологическая помощь при потере близких

— Я рада, что ты наконец выкарабкиваешься, но все же чувствую, ты еще многое держишь в себе. И если вдруг тебе понадобится — проконсультируйся со специалистом. С *настоящим* специалистом. — Кристен перевернула визитку и пальцем постучала по надписи на обороте от руки: — На всякий случай я тебя уже к ней записала. На сегодня, в одиннадцать. Но ты можешь изменить и время, и дату. Можешь вообще отменить, если захочешь. Смотри сама.

— Спасибо, — ответила я, совсем не будучи уверена, что туда пойду, и кинула визитку на кухонный стол, как раз рядом с карточкой Лэйси.

— Я тебе позвоню после работы, — чмокнула меня в щеку Кристен и ушла.

К тому времени, как я прибралась в доме, приняла душ и надела джинсы, светлый свитерок и лодочки, часы показывали 10.58. Все вроде было просто безукоризненно — включая меня, — и все же я не хотела идти к психологу, к которому записала меня Кристен. Я даже подумала, уж не специально ли я настолько припозднилась с выходом из дома?

Рядом с карточкой Грейс передо мной лежала визитка Лэйси со складочкой, оставшейся на месте сгиба. Я несколько раз перечитала то, что было на ней написано, и во

мне стала стремительно вздыматься волна злости. Вскоре меня уже просто охватило жаром ярости. У меня в голове не укладывалось: зачем она преследовала меня на похоронах Джеймса, уверяя, что он жив? Это была просто невыносимая жестокость!

Но тут я вспомнила про чек Томаса и подумала: может быть, эта женщина как-то прознала о деньгах? Может, она и впрямь пыталась меня таким образом «развести»?

Однако чем дольше я смотрела на визитку, тем крупнее и отчетливее проступали на ней два слова: *«исчезновение людей»*. Напечатаны они были как раз над слоганом: *«Помогу в поиске ответов на тревожащие вас вопросы»*.

У меня к ней самой имелись кое-какие вопросы! Например, как она имела наглость вообще ко мне с этим подойти?!

Я взяла со стола визитку, рывком схватила ключи и выскочила из дома — боясь признаться себе в том, что на самом деле искала встречи с Лэйси.

* * *

По адресу, означенному на визитке Лэйси, оказался дом в жилом квартале у самой границы между Лос-Гатосом и Кэмпбеллом. Я выбралась на тротуар перед одноэтажным домом в стиле ранчо. На газончике перед строением была установлена переносная табличка, гласящая:

Ясновидящая Лэйси.

Консультации.

Гадание по картам Таро. Хиромантия.

Прием без записи

Табличка создавала об этой Лэйси совершенно иное впечатление. Тоже мне, экстрасенс-профайлер! Она оказалась не более чем шутовской гадалкой.

«Господи, какая же я идиотка! Надя ведь предупреждала, чтобы я не была такой наивной».

Сквозь окно я увидела, что Лэйси смотрит на меня из кухни. По моей спине пробежал холодок, и я быстро отвернулась, уставившись прямо перед собой.

«Выйди из машины, Эйми».

Мысленно уговаривая себя выйти, я буквально физически ощущала на себе взгляд Лэйси. Или, может, это ее слова звучали в моей голове?

Я стряхнула наваждение и решительно выбралась из машины, захлопнув за собой дверцу.

— Здравствуйте, Эйми. — Лэйси уже стояла передо мной на тротуаре.

Я даже отшатнулась, недоуменно уставившись на нее. Я не видела, чтобы она выходила на улицу.

— Не желаете ли пройти в дом? — спросила она с легкой улыбкой.

— Я...

Я шевелила губами, но не могла произнести ни единого слова. Лэйси молчала, выжидательно глядя на меня. Наконец я промямлила слова извинения, уже нащупывая ручку дверцы. У меня возникло странное чувство, что эта женщина действительно что-то знает о

Джеймсе. И это меня испугало.

Быстро скользнув на водительское сиденье, я воткнула ключ в замок зажигания.

Лэйси постучалась в пассажирское окно, и я от неожиданности подскочила на месте.

— Куда же вы? — произнесла она.

— Извините, я приехала сюда по недоразумению.

Я завела двигатель, и Лэйси отскочила от машины. Я с силой вдавила педаль газа — машина дернулась с места и быстро умчалась прочь.

Домой я ехала длинным окольным путем, выбирая тихие боковые улицы вместо магистралей, и всю дорогу кляла себя за то, что оказалась такой глупой. «Боже, какая же я идиотка», — в который раз пеняла я себе.

К тому времени, как я добралась до дома, Лэйси уже сидела у меня на крыльце.

В нерешительности я застыла у штакетника, огораживающего газончик перед домом. Женщина поднялась на ноги.

— Не волнуйтесь, я у вас не задержусь, — сказала она, медленно подходя ближе. Потом протянула мой бумажник: — Нашла его рядом со своим домом.

Я оторопело уставилась на свой оливково-зеленый бумажник от Гуччи, который Джеймс подарил мне два года назад на день рождения. В ее руке он уж точно смотрелся дико.

Лэйси улыбнулась. Это заметно смягчило ее черты, сделав лицо несколько моложе. Она уже на казалась мне дамой «за сорок пять».

— Я ничего не трогала, — сказала она, когда я забрала бумажник. — Я лишь взглянула на водительское удостоверение, чтобы узнать ваш адрес. Неплохая, кстати, фотография.

Я сунула бумажник в сумочку.

— А что, ваш дар ясновидящей не смог вам указать, где я живу?

От моего язвительного тона ее передернуло.

— Уж извините, но нет. Это совсем не так работает. Хотя я и могу вам сказать: истинная цель того, что вы приехали к моему дому, вовсе не в том, чтобы убедиться, не аферистка ли я. Вы хотели найти ответы на вопросы о Джеймсе. С тех пор, как он исчез, у вас остались сомнения. И эти сомнения вас гложут до сих пор.

У меня побежал мороз по коже, и я отвернулась.

— Вы злитесь на меня, — продолжила Лэйси.

— Мне кажется, вам лучше уйти. — Рядом с этой женщиной мне становилось как-то не по себе.

Лэйси колебалась, не решаясь продолжить разговор. Наконец просто молча кивнула и направилась к своей машине. Глядя, как она уезжает, я с удивлением поймала себя на мысли: а увижу ли я ее еще раз?

В животе от голода заурчало. В отдаленном рокоте мотора мне послышался тихий смех Джеймса, а теплый ветерок, теревивший мою одежду, словно донес его голос, щекоча мне ухо: «*Махнем-ка снова к Джо*».

Именно там, в тихой кафешке «У Джо», мы и проводили с Джеймсом наши воскресные утра. Казалось, целая вечность прошла с тех пор, как он уехал. Мне так не хватало его легкого смеха и густого, бархатистого тембра его голоса! И хотя я сознавала, что никогда больше не услышу, как он произносит «Я люблю тебя», — я не имела ни малейшего желания делать что-либо, способное укрепить во мне уверенность, что Джеймс ушел навсегда: ни складывать его вещи по коробкам, ни отказываться от его журнальных подписок, ни сидеть в одиночку за нашим с Джеймсом столиком у Джо.

Но сегодня — впервые за последние полгода — я почувствовала непреодолимое желание отправиться именно туда, неспешно посидеть над тарелкой томатного супа, приготовленного по старинному фамильному рецепту, и перед цитрусовым салатом. Кормили в этом заведении чудесно — только вот приличного кофе Джо варить так и не научился. Джеймс частенько шутил, что для кофе мне надо бы составлять заранее нужную основу и приносить сюда с собой. Мол, могли бы заплатить Джозефу «чашечный сбор» по аналогии с «пробковым сбором». Горький кофе Джо не имел ничего общего с тем волшебным эликсиром, который варила я.

И вот, вместо того чтобы возвращаться в пустой дом с портящейся там едой, я прогулялась шесть кварталов к кафе «У Джо», постоянно слыша в отзвуке своих шагов по тротуару присутствие Джеймса. Мы столько раз проделывали этот путь вместе, что просто невозможно было поверить, что теперь его не было рядом со мной, что он не держит меня за руку. Я даже сжала пальцы — но ощутила лишь свою холодную и пустую ладонь.

Подойдя к заведению, я привычно толкнула вперед ручку, шагнула в стеклянную дверь...

— Ой! — Руки сами взметнулись к лицу, на глазах выступили слезы. Нос обожгло болью. Я закрутилась на месте, ругаясь и потирая ушибленное место.

Сжав пальцами переносицу, подергала дверную ручку. Оказалось, что кафе закрыто. И это в пятницу?!

Прижавшись лбом к стеклу, я заглянула внутрь. В кафе было пустынно и темно. Витрины и полки опустели: ни маффинов, ни мясных закусок, ни салатов, ни бутылок с напитками. В самом углу дальнего правого окна виднелась записка: «*Сдается в аренду*».

Я еще долго стояла, непонимающе глядя на эти слова. Получается, что кафе «У Джо» закрылось? Тоже, как и Джеймс, исчезло навсегда?

Мне вспомнились те времена, когда мы с Джеймсом приходили сюда завтракать. Нас окутывали любимые ароматы хорошо прожаренного кофе, свежеспеченных булочек и картофельной фритатты. Это было *наше* место. *Мое* место.

Я отпрянула от окна.

— А ведь это и правда может быть мое место, — сказала я своему отражению.

В этот момент я с полной ясностью поняла, чем хочу заняться. Чем я *должна* заняться. Я открою собственный ресторан — именно здесь, на месте бывшего «У Джо». Джеймс бы точно этого желал. И я непременно сделаю это ради него.

Точно от доброй порции кофеина, по всему телу прокатилась волна возбуждения. И пока не успела передумать, я быстро набрала имя и телефонный номер агента по найму в мобильный телефон и сохранила новый контакт.

Меня будоражило предвкушение новых дел. Я огляделась по сторонам, и мой взгляд остановился на видных издалека больших витринных окнах примерно в двух кварталах от меня. Надя должна была работать сейчас на месте той самой, еще строящейся, художественной галереи. Я направилась туда и по пути позвонила подруге.

* * *

— Загляни ко мне! — обрадовалась Надя. — Скажешь потом, как тебе то, что получилось.

— Галерею же еще не открыли для публики. Боюсь, мне туда не пройти.

— Пройдешь, чего там! Венди как раз все развешивает перед торжественным открытием.

— Не уверена, что это удобно...

Вообще-то я надеялась, что Надя сама окажется в галерее, и я смогу поделиться с ней своими соображениями насчет кафе «У Джо». При воспоминании о еде в животе снова заурчало.

Подруга нетерпеливо засопела в трубку.

— Скажи Венди, что это я тебя вызвала. Она не будет возражать, если ты проведешь какое-то время в галерее.

— Ну ладно, зайду посмотрю.

Я помедлила у перекрестка. Мимо пронеслось авто, и я сошла с тротуара.

— Мне тут надо подготовиться к конференц-связи. Я к тебе вечером после работы заскочу. Хочу услышать твое мнение насчет цветового решения и планировки.

— О'кей.

— Ну, до встречи. — И подруга отключила связь.

Я едва не прошла мимо галереи: Надя, оказывается, переделала там весь фасад. Она осовременила буквально все: окна стали гораздо шире, появились высокие двойные стеклянные двери, деревянный козырек с вмонтированной в него верхней подсветкой. По обе стороны витринных окон тянулась к небу душистая жимолость, посаженная в крупные кашпо. На стекле изящным шрифтом было выгравировано:

*«Галерея Венди В. Йи,
где местные фотографы обретают мировую известность»*

Получается, здесь готовилась выставка фотографий, а вовсе не картин.

Надя, как оказалось, трудилась над фотогалереей, и ей удалось создать для Венди совершенно удивительную площадку для демонстрации творений фотохудожников.

Тут же, на подоконнике, во всю немалую ширь оконного проема, была установлена захватывающая дух фотокартина, где лавандово-оранжевое небо встречается с ультрамариновой водой. Причем это дивное, чарующее изображение имело очень простое название: «*Рассвет над Белизом*». Я сразу же очаровалась этой фотографией: мне казалось,

будто я сама сижу там на песке и наблюдаю, как первые утренние лучи играют на глади моря, а соленый влажный ветерок дразняще обдувает мне кожу. Мне захотелось непременно отправиться туда.

Судя по тому, что указывалось под названием фото, автором его был некто Ян Коллинз. Судя по тому, как завораживала игра света на снимке, этот Ян был незаурядным фотографом — насколько я вообще способна была судить о его таланте.

Двойные стеклянные двери галереи были открыты, и внутри старый пол перекрывали светлыми широкими деревянными половицами. За счет более легкого оттенка половиц, взгляд входящего сразу отвлекался от пола и сосредоточивался на искусстве. Выкрашенные белой краской стены галереи, еще без развешенных экспонатов, разделялись кирпичными перегородками на три выставочные зоны. Задняя стена отчасти проглядывалась от входа, однако перегородки, разделявшие просторное единое пространство, придавали галерее весьма задушевную, интимную атмосферу, несмотря на ее открытый план. Джеймсу бы очень понравилось то, что Надя здесь сотворила.

Я прошла по площадке, постукивая каблукочками. Из-за перегородки донеслись чьи-то голоса. Я услышала удары молотка, потом глухой шлепок, низкий стон и, наконец, длинную череду ругательств.

— Хватит уже, Ян. Давай возьму телефон и позвоню нашему подрядчику. Он решит вопрос.

— К черту телефон. У подрядчика все денег стоит. Я сделаю бесплатно.

— Ты так торопишься, что больше денег потратишь на пластыри. Побереги-ка лучше пальцы. Брюс это сделает не хуже.

— Все, это уже последний крюк. — Раздались новые удары молотка. — *Voilà, fini!*^[2] — по-французски, с ужасным произношением объявил мужчина.

Не выдержав, я рассмеялась и быстро прикрыла ладонью рот.

— Спасибо, Ян, но лучше не пренебрегай своей основной работой.

— У меня нет основной работы.

В этот момент Ян вышел из-за перегородки и, увидев меня, внезапно застыл на месте. Наши взгляды встретились, и в мгновение ока я словно погрузилась в самую глубь его темно-янтарных глаз. На его лоб падала светлая прядь, и у меня вдруг возникло спонтанное желание провести рукой по его волосам.

Лицо тут же запылало. С чего это у меня такой порыв?

Тут его упрямый и решительный рот растянулся в легкой улыбке:

— О, привет!

Я ошарашенно уставилась на незнакомца. Он уже улыбался вовсю.

«О господи!»

— Ян! — окликнул его женский голос. Послышалась легкая поступь, и моему взору предстала его обладательница. — Ой, я и не знала, что у нас тут посетительница. Чем могу быть вам полезна?

Я с облегчением подалась в ее сторону. Женщина была маленькой и хрупкой, одетой во все черное. Блестящие и черные как смоль волосы мягко ниспадали на плечи. На ее губах появилась легкая улыбка.

— Я Эйми Тирни, — протянула я ладонь. — Подруга Нади.

— Венди Йи, — пожала она мне руку. — А это — Ян Коллинз, — кивнула она в сторону незнакомца. — Один из фотографов, с которыми я работаю.

— Я видела в окне вашу работу. Изумительное фото.

— Благодарю, — сказал он и крепко пожал мою ладонь. — Рад знакомству, Эйми.

— Простите, что вас отвлекаю, — сказала я Венди, — я хотела лишь взглянуть на новую дизайнерскую работу Нади.

— Не стоит извинений. Приходите, всегда вам буду рада. Кстати, если вам интересно, торжественное открытие нашей выставки состоится на следующей неделе.

— Вам стоит прийти, — подал голос Ян.

Я переводила взгляд с одного на другого.

— Но я совсем ничего не смыслю в фотографии.

— Главное, чтобы это доставило вам удовольствие, — улыбнулся Коллинз. — И Надя тоже будет здесь.

— Сейчас я дам вам приглашение. — И Венди заторопилась к столику в дальнем углу галереи.

Я старательно не смотрела на Яна, однако чувствовала на себе его пристальный, изучающий взгляд.

Наконец вернулась Венди и вручила мне новенький, не заклеенный конверт с вложенной в него белой карточкой.

— В будущий четверг, в восемь вечера, — сообщила она.

— Спасибо! — сунула я приглашение в висевшую на плече сумку.

Тут Ян красноречиво погладил живот:

— Что-то я проголодался. Пойдем-ка перекусим, Венди.

— Ты-то иди, а мне надо тут кое-что закончить, — отмахнулась хозяйка галереи.

— Тогда давай я тебе что-нибудь принесу.

— Ага, спасибо. — Она забрала у Яна молоток и скрылась за перегородкой.

Фотограф перевел взгляд на меня:

— Составите компанию?

Я невольно отступила назад, и Коллинз ухмыльнулся:

— Если меньше чем за шестьдесят секунд две разные женщины отфутболивают меня — уж не растерял ли я былую хватку? — Потом сложил перед собою руки и понюхал под мышкой. — Или, может, я просто забыл про дезодорант?

Я смешливо фыркнула:

— Благодарю за предложение — но нет.

— Я вовсе не такой уж и плохой спутник. Пойдемте где-нибудь перекусим.

Тут мой желудок решил проявить свою независимость и, громко и протяжно проурчав, напомнил, зачем я, собственно, прито пала в самый центр города.

Ян вскинул бровь и жестом указал на выход:

— Там, на углу, есть заведение, где пиццу пекут на дровяной печи. Можем пообедать на открытом воздухе.

Вновь раздалось урчание.

— Ладно, пусть будет пицца.

Вслед за Яном я вышла из галереи и, указав большим пальцем на фотографию в окне, поинтересовалась:

— Вы, наверное, часто путешествуете?

— Каждые четыре-шесть месяцев делаю куда-нибудь небольшие вылазки. И раз в несколько лет предпринимаю более длительное путешествие. Как раз вскоре мне предстоит

очередная фотоэкспедиция, — поведал он мне на ходу.

— Здорово, должно быть, ездить по разным экзотическим местам?

— Да, в этом есть свои достоинства. — Он посмотрел на меня: — А вы много путешествуете?

Я помотала головой:

— Так, езжу по окрестностям. Из страны еще ни разу никуда не выезжала.

— А если бы вы отправились в путешествие — куда бы вы поехали?

— На тот пляж, что у вас на фото, — выдала я то, что первым пришло в голову.

— Да, чудное местечко. Вам непременно стоит съездить.

— Хотелось бы. Но слишком дорого.

Ян сощурил глаза.

— Ну да, деньги вечно оказываются камнем преткновения.

Мы остановились на углу, дожидаясь, когда сменится сигнал светофора.

— Прежде я не видела ваших работ. Вы уже где-то выставлялись? — спросила я, когда мы перешли улицу.

— Если не считать Интернета? Тогда разве что в галерее у Венди в Лагуна-Бич. Ей нравится продвигать местных художников.

— А вы живете в Южной Калифорнии?

— Раньше жил. Вырос я в Айдахо, потом переехал на юг Калифорнии. В Лос-Гатосе я пробыл всего-то пару лет. Сколько тогда уговаривал Венди открыть здесь галерею! А потом я большей частью бывал в разъездах.

— Постоянно в охоте за новым суперснимком? — улыбнулась я и, когда он кивнул, спросила: — А за людьми вы тоже охотитесь?

Ян торжественно воздел два сжатых вместе пальца:

— Клянусь, никого еще не уложил. Слово скаута!

Я снова залилась краской.

— Ой, нет, что вы... Я имела в виду фото. Людей вы фотографируете? В смысле, делаете ли портреты?

Его взгляд почему-то стал мрачным.

— Мой конек — пейзажная съемка.

На пару секунд мы разошлись в стороны, пропуская женщину с коляской.

— Ну, а вы чем занимаетесь? — поинтересовался Ян.

— Я су-шеф или администратор ресторана — в зависимости от дня недели. — Хотя в последние пару недель я не особо-то была ни тем, ни другим. — Вам доводилось бывать в «Старом ирландском козле»?

Коллинз покачал головой:

— Нет, но я о нем слышан.

— Он принадлежал моим родителям.

— Принадлежал?

У меня даже поникли плечи.

— Ну да, родители его продали. А со следующей недели у «Козла» будет другой владелец.

— Подозреваю, вам пора искать работу.

— Похоже, что да.

Наконец мы добрались до заведения, и Коллинз открыл и придержал передо мною

дверь. Старшая официантка усадила нас за боковой столик с видом на улицу. Вручила нам меню и приняла заказ на напитки: воду для Яна и чай со льдом для меня.

Когда она отошла, Ян поставил локти на стол, опершись подбородком на сложенные ладони.

— Так что у вас случилось?

Я нахмурилась.

— Что у вас с носом? — Он кивком указал на мое лицо. — Что случилось?

Я мгновенно вскинула руку, чтобы прикрыть нос, другой же торопливо шарила в сумке, пытаясь отыскать зеркальце.

Ян легонько хохотнул и тронул меня за запястье:

— Да не волнуйтесь, не все так плохо. Просто немного покраснел и припух.

— Вот спасибо!

Он опять рассмеялся, и тут же лицо его прониклось сочувствием:

— Беспокоит?

— Немного. Стараюсь не обращать внимания.

Однако делать это было крайне трудно, особенно под пристальным взглядом моего собеседника. Мне хотелось просто залезть под стол и там спрятаться.

— Дайте-ка взгляну. — Он отвел мою руку в сторону и осторожно потыкал пальцем в мягкие ткани и хрящик носа.

Я зашипела.

— Больно?

Я кивнула.

— А кровь не шла?

— Нет. — Я часто заморгала. Его прикосновение оказалось ласковым и успокаивающим. А еще — будоражащим душу, в самом хорошем смысле.

— У вас еще несколько дней может сохраняться болезненность и покраснение кожи, — заключил он.

— Так вы не просто фотограф, но и врач? Какие разносторонние таланты!

— Да где уж там! Просто фотограф, успевший набить себе изрядно синяков и шишек.

— На что только ни пойдешь ради потрясающего снимка!

— Да, что-то вроде того. — Он отстранился, привалившись к спинке стула. — К открытию выставки вы вновь станете прекрасны.

— То есть сейчас я плохо выгляжу? — Я не смогла удержаться, чтобы его не поддразнить.

Ян расплылся в широкой улыбке, и от внезапного томного волнения у меня по телу пробежала дрожь.

Тем временем принесли напитки, и мы сделали заказ: каждому по отдельной пицце.

— Вы знаете такое заведение — «У Джо»? — спросила я.

— Это та кафешка, что недалеко отсюда, на углу? Она же вроде как закрылась.

— А я вот этого не знала. Влетела прямо в запертую дверь.

Ян застыл, не донеся до рта стакан с водой. Губы его задрожали, будто он очень старался сдержать смех.

— Если вам так отчаянно хотелось выпить кофе, я могу вас угостить.

Я невольно просияла:

— Никто не варит кофе лучше, чем я!

— Даже Джо?

— А в особенности Джо, — усмехнулась я, вспоминая его горький яванский кофе с противным, горьким послевкусием.

— Звучит как вызов. Как-нибудь на днях вы и я, — указал он по очереди на нас обоих, — сразимся и узнаем, кто лучше варит кофе.

— Так вы еще и на кофе специализируетесь? — Я широко улыбнулась и пожала ему руку, скрепляя тем самым пари: — Идет!

— Если вы и впрямь так мастерски готовите кофе, то вам сам бог велел открыть свою кофейню там, где было кафе Джо, — улыбнулся он, приподняв уголок рта, отчего у меня внутри все всколыхнулось. — Ведь то, что, с позволения сказать, *serve*^[3] все эти сетевые заведения — полнейшая дрянь. Уж простите мне мой французский.

— Да уж, французский ваш ужасен! — хмыкнула я и передразнила его недавнее «*Voilà, fini!*».

— Знаете что... — Он наклонился ко мне поближе. — Я перестану говорить по-французски, если вы станете готовить кофе своими руками.

Я стала складывать на коленях салфетку, наклонив голову, чтобы скрыть улыбку. Ведь как раз эту цель я и наметила для себя всего лишь час назад!

Наконец нам принесли по пицце, и Коллинз заказал еще одну на вынос для Венди. Ланч пронесся незаметно, и когда официантка принесла нам чек, я расстегнула бумажник.

Ян торопливо достал из заднего кармана свой:

— Это моя забота.

— Но у нас ведь не свидание, — возразила я.

Уголки его губ дрогнули. Похоже, наше общение его немало забавляло.

— Если вам так угодно. И все же вы мой потенциальный клиент. Вы ведь в четверг придете, верно?

— Да, но...

— И вы наверняка захотите приобрести какую-нибудь из моих фотографий. Так что на следующей неделе вам непременно понадобится мелкая наличность.

Я посмотрела ему в глаза:

— Почему вы так уверены, что я что-нибудь куплю?

— Ну, чего ж не помечтать?

Ян кинул кредитку на стол. Я попыталась застегнуть бумажник, но металлический зубчик «молнии» чем-то заело. Я вытащила мешающую бумажку... и почувствовала, как у меня кровь отлила от лица. Это была визитная карточка курортного отеля «Каса-дель-Соль» в Оахаке, в Мексике. На ней не было указано ни имени, ни чьих-то должностей. Был лишь адрес отеля, номер телефона и веб-сайт. И сунула ее в мой кошелек, должно быть, Лэйси.

— С вами все в порядке?

Я подняла взгляд на Яна:

— Да, все отлично.

— Я сказал что-то такое, что вас задело? Если вы действительно так уж хотите сами оплатить...

Я замотала головой:

— Нет-нет, все нормально.

Ян опустил взгляд, наблюдая, как я застегиваю бумажник. Глаза его потускнели, и я

почувствовала, как мой спутник ушел в себя. Мне хотелось объяснить Коллинзу, что в этом моем перепаде настроения вовсе нет его вины, — но тогда мне пришлось бы объяснять ему, что меня так взволновало. Сказать ему, что эту таинственную визитку сунула мне в бумажник некая ясновидящая, — это звучало бы слишком странно. Особенно если к этому добавить, что, по ее мнению, мой погибший жених вовсе и не погиб.

Итак, Ян оплатил наш чек, и мы вернулись к галерее, остановившись перед стеклянными дверьми, которые на сей раз оказались закрытыми. Я протянула ему руку:

— Спасибо за ланч.

Лицо его казалось чем-то озабоченным, однако Коллинз улыбнулся и взял меня за руку:

— Не стоит благодарности.

— Приятно было познакомиться.

Я повернулась, чтобы уйти, но замерла, услышав, как он окликнул меня по имени.

— Так в четверг увидимся? — с теплотой улыбнулся Ян.

Я тоже улыбнулась в ответ и кивнула:

— Увидимся.

Надя, позвонив, отменила нашу вечернюю встречу. У нее появился новый проект, и клиент попросил ее встретиться за ужином, чтобы обсудить разные детали, после чего он собирался куда-то улететь из города.

— Венди обмолвилась, что пригласила тебя на открытие в четверг. Ты придешь?

— Возможно. — Я тут же подумала об Яне. Мне хотелось увидеть побольше его фотографий.

— Можешь пойти вместе со мной. Назначим, так сказать, друг другу свидание.

— Ну, если только тебя не потянет потом поцеловать меня перед сном.

Надя смешливо фыркнула:

— Заметано! Ну, и как тебе Ян?

— Мне понравился... — Я хотела сказать «дизайн его выставки», но тут до меня дошел смысл ее вопроса.

Она хохотнула:

— Шикарный мужчина, правда?

— Дизайн твой шикарный.

— Так он-то тебе понравился?

— Мне понравилось, как ты поработала над галереей.

— Э-эйми... — протянула подруга.

— Ну хорошо, понравился. Он и впрямь как будто очень мил.

— Пригласи его куда-нибудь.

— Что?! — Я еще ни разу в жизни никого никуда не приглашала. Я никогда не ходила ни на какие свидания, только с Джеймсом. Мы с ним всегда были парой. — Я не могу. Слишком уж скоро.

— Джеймс погиб почти пять месяцев назад. А у тебя еще целая жизнь впереди.

— Я пока что не готова.

Надя вздохнула в трубку.

— Ладно, бог с тобой, не стану на тебя давить. Но однажды ты все же станешь к этому готова. Человеческий дух невероятно жизнестоек, а человеческое тело на удивление сластолюбиво. — Она хихикнула в телефон, а я закатила глаза. — На следующей неделе пробежимся по магазинам, подберем тебе что-нибудь сексапильное.

— Разумеется, — ответила я, скорее чтобы отвязаться, нежели соглашаясь.

— Ладно, мне надо собираться. Потом поболтаем.

На этом Надя попрощалась и повесила трубку.

Спустя несколько часов я поймала себя на том, что пристально смотрю на ту визитку, что подсунула мне в бумажник Лэйси. Я села за компьютер в комнате, которую мы с Джеймсом обустроили под студию. Его живописные принадлежности до сих пор были разбросаны повсюду. На мольберте ждала незаконченная работа.

Я включила монитор и нашла сайт курортного отеля. «Каса-дель-Соль». В переводе с испанского — «Дом Солнца». Черепичные кровли, венчающие строения с арками в стиле асьенды, вздымались над пляжем Сикатела. Сам отель находился в городке Пуэрто-Эскондидо на Изумрудном побережье мексиканского штата Оахака.

Я щелкнула ногтем по уголку визитки. Бессмыслица какая-то. Джеймс и близко не был

к этому Пуэрто-Эскондидо — это где-то в тысяче миль от того места, где он находился, судя по карте на моем смартфоне. Он вылетел в Канкун, планируя съездить с клиентом на рыбалку к острову Косумель, после чего поужинать в отеле «Плайя-дель-Кармен». Кстати, и Томас ездил в Канкун, чтобы забрать его тело. Так он, по крайней мере, мне сказал.

«Позвони Томасу, Эйми». — Я скорее ощутила, нежели услышала прозвучавшие в моей голове слова.

«Джеймс?»

«Не оборачивайся», — тут же велела я себе. Здесь-то его никак быть не могло!

Что касалось Томаса, то с последнего его приезда прошло уже больше месяца. Он тогда заскочил на минутку проведать меня и в итоге остался поужинать.

Я позвонила Томасу.

— Да, Эйми, — хриплым голосом отозвался он.

В эфире послышалось какое-то шуршание, сменившееся ровным приглушенным гулом. Как будто Томас куда-то вышел, чтобы со мной поговорить, или же встал у раскрытого окна.

— Ты сейчас где?

Снова донеслось шуршание. Томас кашлянул.

— За океаном.

В Европе? Там, должно быть, сейчас рассвет, и Томас еще не выпался.

— Я тебя разбудила? Прости. Я перезвоню попозже.

— Нет, все нормально, — промычал он в трубку. Я даже представила, как он потирает ладонью лоб. — Что случилось?

— Скажи, ты... — У меня оборвался голос. Спрашивать Томаса, действительно ли он привез тело Джеймса из Канкуна, а не какого-то иного места, вроде Оахаки, было бы и нелогично, и необдуманно. Равно как и задавать следующий вопрос: «Ты уверен, что привез домой именно тело брата, а не какого-то неизвестного?».

У меня не было никаких иных доводов, кроме этой визитной карточки отеля да слов некой ясновидящей, будто бы Джеймс не погиб.

— Алло, ты на связи? — ворвался в мои мысли Томас.

— Да. Прости, что побеспокоила. Просто я... — Я закрыла глаза и глубоко вздохнула.

— Мне его тоже очень не хватает, — признался он, чуть помолчав.

— Я знаю, спасибо. Не буду тебя задерживать. Спокойной ночи, Томас.

— Береги себя, Эйми.

Я положила трубку на стол рядом с чеком Томаса. Задержалась на нем взглядом, думая о том объявлении в центре о сдаче кафе внаем.

«Сделай это, Эйми».

Я схватила трубку и позвонила папе. Было уже поздно, поэтому отозвался автоответчик.

— Привет, пап. М-м... — Я взяла со стола чек. — Я звоню, чтобы сказать... В общем, я решила, чем хочу заниматься дальше. Так что вы можете обо мне уже не беспокоиться. Со мной все будет в порядке. Нет, не так. Я *уже* в полном порядке. Вот. Я люблю тебя. И маму тоже. Пока.

Я перевернула, откладывая в сторону, чек... и тут же вся моя решимость куда-то испарилась. Да, я была выпускницей кулинарной академии и способна разработать меню из пяти блюд на пять сотен гостей — однако мысль о том, чтобы готовить свой изысканный кофе и печь маффины, пусть даже для единственного клиента, вселяла в меня страх.

И в то же время я почувствовала в себе доселе незнакомое ощущение свободы.

«Кофейня Эйми» — такое название предлагал некогда Джеймс. Вечером накануне отъезда он даже сделал эскиз логотипа. Стремясь реализовать свою страсть к живописи и открыть собственную галерею, Джеймс хотел, чтобы и я осуществила свою мечту. Чтобы ушла однажды из «Старого ирландского козла» и открыла свое заведение. Чтобы могла готовить там то, что мне заблагорассудится, а не то, что навязывает стереотип ресторана. Неужели мне хотелось всю оставшуюся жизнь стряпать чисто «пабовые» блюда ирландской кухни?

Я покрутила на пальце платиновое помолвочное кольцо. Одинокий бриллиантик тут же блеснул в свете монитора. Даже если бы рядом со мной был Джеймс, все равно эта идея вызвала бы во мне страх. И все-таки для меня, похоже, настала пора двигаться дальше. Надя сейчас сказала бы, что я шагнула на следующую ступень переживания потери. Что называется, двинулась вперед и в гору.

Я расписалась на чеке, потом позвонила агенту по найму и оставила голосовое сообщение. Едва я повесила трубку, передо мной разверзлась трезвая реальность. На следующей неделе у меня день рождения. Мне исполнится двадцать семь, и я была без пяти минут гордым и неопытным владельцем нового бизнеса, не имеющим ни какого-либо бизнес-плана, ни работников, ни оборудования, ни предполагаемого конечного продукта.

* * *

В понедельник, в десять утра, у входа в бывшее кафе «У Джо» меня встретила Бренда Уэйкли — высокая и стройная, в белой шелковой блузке, заправленной в юбку цвета электрик, и в такого же цвета туфлях на шпильке. Белокурые, с отдельными серебристыми прядями волосы, подстриженные под боб, завивались вокруг ушей.

Она тихонько кашлянула и представилась мне, одновременно отпирая дверь в заведение. Охранная сигнализация тут же стала отсчитывать предупредительные щелчки.

— Вы тут пока оглядитесь, а я сбегая отключу сигнализацию. — И Бренда ринулась в коридор, мимо туалетов, к задней двери.

После закрытия своего кафе Джо ничего оттуда не убрал. По всему залу по-прежнему стояли пластмассовые столики. Виниловые стулья были составлены у задней стенки. Пол, покрытый линолеумом, был заляпан и истерт. Воздух казался застоялым. Слабый запах подгорелых кофейных зерен и жареного бекона тут же просочились в меня, растревожив воспоминания.

Я задержалась взглядом на столике в углу кафе. Сколько воскресных дней мы с Джеймсом начинали, сидя у этого окна и глядя на прохожих, попивая горчащий кофе и закусывая омлетом с соусом «Табаско».

Медленно развернувшись на месте, я оглядела обеденный зал. Мир вокруг Джо мог меняться сколько угодно, но здесь, в кафе «У Джо», ничего не изменилось. Заднюю стенку украшали все те же черно-белые фотографии пятидесятилетней давности. И в пластиковом меню, установленном над кассой, указывался все тот же набор блюд, что предлагал посетителям Джо еще двадцать лет назад, когда я только впервые пришла сюда.

— О чем задумались? — спросила меня Бренда.

— Мне всегда нравилось у Джо. Скучаю по этому местечку.

— Я, признаться, тоже. Однако на это заведение ожидается целый конкурс среди

крупных трендовых сетей. Лично мне очень нравится их идея с «автораздачей».

Я прошла за стойку обслуживания.

— Оборудование, конечно, сюда нужно посовременнее. — Бренда сквозь рабочее окно в кухню указала на усеянную жиром большую плиту. — Откровенно говоря, здесь все надо бы убрать и расчистить, да хорошенько пройтись мойкой высокого давления. — Она явно старалась не касаться руками замызганных столешниц. Так что, говорите, за заведение вы собираетесь тут открыть?

— Кофейню. — Я потыкала клавиши на допотопном кассовом аппарате. Двойка «заедала». — Хотя скорее я бы сказала, ресторанчик для кофейных гурманов и любителей деликатесов.

Бренда криво усмехнулась:

— Значит, очередную кофейню. Рискованный бизнес, если хотите знать мое мнение. — Она побарабанила пальцами по обтянутой кожей папочке, которую держала в руках. — Владелец хочет заключить с арендатором долгосрочный договор по найму, лет на пятнадцать-двадцать.

Это был очень приличный срок. Я между делом обследовала шкафчики.

— А кому принадлежит это здание?

— Джозефу Руссо.

— То есть Джо и есть хозяин? — переспросила я.

Вот бы знать об этом раньше! Позвонила бы непосредственно ему и заключила сделку напрямую.

— А вы знакомы с ним лично?

— Мои родители держали паб «Старый ирландский козел». Они уже долгие годы знают Джо и по Ассоциации рестораторов, и по другим подобным организациям. А у него уже есть покупатели?

— Два претендента. Такое местечко быстро уйдет. Джо к четвергу собирается принять решение.

Итак, на решение осталось три дня. Я готова была действовать немедленно — но в такой-то спешке я могла и промахнуться. И что тогда? Я очень хотела открыть свою кофейню в центре города, и ее угловое расположение было просто идеальным. Но куда важнее было то, что это место связывалось для меня с Джеймсом.

Я покрутила на пальце кольцо.

— А какова ежемесячная арендная плата?

Бренда выпалила число, несколько большее, нежели я предполагала. Еще один довод в пользу того, чтобы позвонить Джо.

Мне следовало бы заранее все планировать и не торопиться с принятием каких-либо решений. Но я не хотела упустить это место.

— Я подаю заявку, — улыбнулась я Бренде.

— Замечательно.

Она открыла свою папочку и вручила мне несколько бланков заявлений. Мы обсудили разные пункты, и пока я заполняла заявление об аренде и бланк по кредитной истории, Бренда переместилась в другой конец заведения, села за столик и принялась что-то быстро набивать в своем смартфоне.

Когда я закончила, она приняла у меня бумаги, поблагодарила.

— Я просмотрела вашу кредитную историю. Если будет принято положительное

решение, я свяжусь с вами по указанным координатам. — Бренда пожала мне руку. — Надеюсь, все решится в вашу пользу.

Бренда заперла кафе и помахала мне на прощание.

Я вернулась домой с таким ощущением, будто у меня земля уходила из-под ног. Следующие несколько дней я все изучала, анализировала, планировала, подавала заявку на бизнес-лицензию и приводила в порядок свои финансовые дела. Впервые за пять месяцев у меня появилось какая-то перспектива.

* * *

Надя разбудила меня в четверг уже довольно поздним утром. Сонная, я еле дотащилась до входной двери. До ночи я просидела над своими бизнес-планом и маркетинговыми исследованиями.

— О господи, в таком виде по магазинам точно не пойдешь! — воскликнула Надя и, с неприязнью покосившись на мою мятую футболку и пижамные штаны, прошла мимо меня в дом.

— И тебе с добрым утром, — сказала я, позевывая. — А который час?

— Самое время для тебя одеваться. У нас есть меньше двух часов, чтобы найти тебе подходящую одежду к нынешнему открытию выставки. Потом меня ждет встреча за ланчем.

— Значит, надену что-нибудь из того, что есть. — Я потопала обратно в спальню.

Надя последовала за мной:

— Что, например?

Я лишь пожала плечами.

Она распахнула во всю ширь дверцы гардероба... и застыла, увидев половину шкафа Джеймса. Потом с шумом выдохнула. Его одежда так и висела, нетронутая, на прежнем месте. Надя захлопнула дверцы.

— Давай одевайся. Тебе обязательно нужно что-то новенькое. Поедем в «Сантана Роу».

— Мне надо принять душ.

— Некогда. Подушишься. — Ее пальцы порхнули у моей головы. — Да причешись еще, пожалуйста.

Через двадцать пять минут, одетая в джинсы, футболку и сникеры, завязав свои непослушные длинные кудри в высокий конский хвост, я стояла в магазине возле Нади, энергично перебирающей «плечики» с одеждой. Она быстро отодвигала вбок каждую вешалку с подходящим мне размером, критически оглядывая платья. Наконец сунула мне в руки три наряда и потащила в примерочную.

— Я все равно не понимаю, из-за чего такой переполох. К чему все это? — ворчала я, стряхивая с ног обувь.

— Здрасьте! Там же будет Ян!

— Мне это не интересно.

— Ага, конечно.

— Надя... — предупреждающе рыкнула я.

Я выбралась из джинсов, стянула через голову футболку. В высоком зеркале отразились мой незатейливый бюстгальтер и простенькие трусики.

— Знаешь что, забудь про Яна. Сделай это просто для себя. Пора уже очнуться и начать

новую жизнь. Тебе надо с кем-то встречаться.

— Я не собираюсь ни с кем встречаться, — ледяным голосом ответила я, снимая с вешалки первое из отобранных платьев.

— Ладно, проехали. Но все равно давай-ка поторопимся, а то у меня уже времени нет.

Я застегнула на себе шелковое платье кобальтово-синего цвета без рукавов, с приталенным лифом и прямой юбкой до колен, покрутилась перед зеркалом. Не сочтет ли меня Ян слишком уж манерной? Платье было просто шикарным — но все же чересчур открытым для художественной выставки. И слишком сногшибательным для Яна.

Вот Джеймсу это платье точно бы понравилось.

Я расстегнула «молнию» и недобрый взглядом проводила соскользнувший к моим ногам наряд. Да какая мне вообще разница, кто из них что подумает о моем платье!

Следующим оказалось черное трапецевидное платье с широкой юбкой, облегающим лифом и узкими рукавами чуть ниже локтей. Мои черные лакированные туфли на шпильках были бы тут в самый раз. Вот это платье просто идеально подходило для сегодняшнего выхода.

Тут у меня зазвонил сотовый. Отвернувшись от зеркала, я стала рыться в сумке в поисках этого извечного раздражителя.

— Алло?

— Эйми? Это Бренда Уэйкли. Простите, что отвлекаю вас...

— Ничего страшного, — отозвалась я, стараясь говорить непринужденно, хотя мое сердце сразу же заколотилось.

— Я проанализировала вашу заявку. У вас достаточно средств на банковских счетах, однако в вашей кредитной истории есть кое-какие неприятные моменты. Ваши последние выплаты по ипотеке оказались просроченными, и, к сожалению, это нанесло серьезный ущерб вашему рейтингу кредитоспособности.

Я с досадой поморщилась:

— Позвольте, я вам объясню...

— Я действительно очень надеялась, что все сложится в вашу пользу, особенно учитывая то, что вы дружите с Джо. Но я не могу рекомендовать ему вашу заявку, к тому же у меня есть трое других соискателей, удовлетворяющих всем требованиям.

Я тяжело опустила на стул в своей примерочной кабинке.

— Могу я еще что-то предпринять?

— А вы можете найти себе сопоручителя — кого-то с более высоким рейтингом кредитоспособности?

Я подумала было о родителях, даже несмотря на то что хотела все это осуществить самостоятельно. Потом вспомнила, что у них тоже весьма сомнительная кредитная история и проблемы с выплатами поставщикам.

— Не уверена. Мне на это нужно больше времени.

— Боюсь, как раз времени я вам предоставить не могу. Возможно, уже сегодня вечером договор по найму уйдет к другому претенденту. Самое позднее — завтра с утра. Удачи вам в поисках нового варианта. И чудесных выходных! — Бренда повесила трубку.

Я испустила протяжный вздох и уставилась в потолок.

Тут в дверцу кабинки постучала Надя, и я вздрогнула от неожиданности.

— Ну, как тут у нас? Ты готова?

— Сейчас, секундочку... — Я выбралась из платья и снова натянула футболку с

джинсами.

— Что-нибудь выбрала?

Я кинула ей через дверцу черное платье.

— Замечательно! — проворковала она. — Мне нравится.

И, клянусь, я слышала, как, отходя от кабинки, она тихонько добавила, что Яну оно тоже очень приглянется.

Перед торжественным открытием галереи Надя заехала за мною в восемь вечера. Выглядела она просто обворожительно — в облегающем платье очень естественного, природного цвета, напоминающего сушеную лаванду. Каштановые волосы, разделенные ровным пробором, ниспадали на плечи. Изумрудного оттенка глаза были аккуратно подведены «в дымку», прозрачный блеск подчеркивал красивые полные губы.

Надя повертела указательным пальцем, и я крутанулась вокруг себя, широко взметнув юбкой. Свои кудри, скрутив рыхлым узлом, я убрала высоко на затылок, оставив несколько прядей обрамлять лицо. Так я не приводила себя в порядок со дня похорон Джеймса.

Надя довольно улыбнулась:

— Поправь меня, если ошибаюсь, но разве ты сама не почувствовала себя лучше? Выглядишь просто изумительно!

— Как-то я... сильно волнуюсь. — Я хаотично покрутила пальцем в воздухе.

Она отвела мою руку в сторону, чуть поправила мне волосы.

— У меня к тебе только одна, но очень настоятельная просьба.

— Какая, интересно?

— Приятно проведи сегодняшний вечер.

Я лишь уныло вздохнула.

— Постараюсь.

Надя с силой выдохнула, возведя глаза к потолку:

— Улыбаться полезно.

Потом чуть отстранилась и оглядела меня с головы до пят, точнее — до лодочек с узким носком.

— Ну что, смотришься прекрасно!

Я слегка улыбнулась.

— А так — еще лучше! — воскликнула Надя.

Мы припарковались через два дома от здания галереи. Было уже по-вечернему свежо, и я поплотнее закуталась в свой вязаный палантин. Из окон галереи лился яркий свет, из-за дверей еле слышно доносились звуки джаза. «Рассвет над Белизом» по-прежнему красовался на самом видном месте в фасадном окне — разве что теперь рядом появилась табличка с ценой. 2750 долларов.

От изумления я открыла рот.

— Ты чего? — непонимающе посмотрела на меня Надя.

— Да он, похоже, чертовски крут, — постучала я пальцем по стеклу возле таблички.

— Ну да. Ты еще других его работ не видела. — Она придержала дверь. — Ты идешь?

Всю галерею уже заполнили приглашенные. Официанты осторожно лавировали сквозь толпу поклонников Коллинза, стараясь держать в равновесии подносы с бокалами шампанского и с канапе. Мой блуждающий взгляд остановился на Яне, который отступил в самый угол главного зала экспозиции. Сунув руки в карманы темных брюк, он наклонил голову, внимая стоявшей с ним рядом женщине. Выгоревшая на солнце прядь упала ему на лоб. Он медленно поднял руку, чтобы смахнуть волосы назад, и провел ею по голове, одновременно кивая собеседнице. Вся моя отвага тут же исчезла, и я нахмурилась, недовольная собственной реакцией.

Надя тут же подтолкнула меня локтем под ребра:

— Не забывай улыбаться.

Я выдавила подобие улыбки.

В этот момент через зал быстрыми шагами к нам приблизилась Венди.

— Надя! Я уже тебя обыскала!

— Привет, Венди! — Надя наклонила голову, принимая мнимые, щека к щеке, поцелуи хозяйки галереи, потом тронула мое плечо: — Ты ведь помнишь мою подругу Эйми?

Венди тепло пожала мою руку:

— Я так рада, что вы решили к нам заглянуть. Приятного вам вечера! Угощайтесь шампанским, пожалуйста. — Она помахала рукой проплывающему мимо официанту, после чего вновь переключилась на Надю: — Одному моему близкому другу чрезвычайно понравилось все то, что ты сделала в моей галерее. Он агент по коммерческой недвижимости и очень хочет с тобой познакомиться.

— Не возражаешь, если я отойду? — спросила меня Надя.

— Нисколько. Занимайся своими делами.

Меня же Венди направила к левой части выставки.

— Начните оттуда, — посоветовала она, — только в этом случае получите самый полноценный эффект от экспозиции. Я так расположила фотографии Яна, что по мере совершения круга по залу солнце на них сначала поднимается, а потом заходит. Его снимки очень впечатляющи. Если вам захочется что-нибудь приобрести, то непременно меня найдите. — Она подхватила Надю под руку, и они скрылись за первой перегородкой галереи.

Я сняла палантин, перекинув его через руку, и стала неспешно бродить по выставке. На каждом снимке Коллинза было запечатлено солнце — восход или закат в какой-то экзотической, чужестранной местности. Ян умело играл со светом, и солнечный спектр, то отражавшийся от склона холма или поверхности озера, то проходивший сквозь высокие лесные ели, навевал какое-то ощущение нереальности, волшебства.

Я остановилась перед одной из фотографий, на которой палящее солнце огненно-красным шаром катилось за песчаные дюны Ближнего Востока. Судя по табличке на стене, снимок был сделан в Дубаи. На самом гребне дюны неподвижно стояли три верблюда, и их тени длинными пальцами тянулись через ярко-рыжие и золотые пески.

— И что вы об этом думаете?

Я улыбнулась.

— У вас необычайный дар улавливать на фото солнечный свет. — Я подняла глаза на Яна.

Он пристально посмотрел на меня:

— Я рад, что вы пришли.

— Я тоже.

Он нахмурился.

— А могу я задать вам один очень личный вопрос?

Я переложила палантин на другую руку.

— Задавайте.

Ян отодвинул накидку в сторону, открывая мою левую руку. Потом чуть согнул мой безымянный палец, так что от верхней подсветки зала блеснул бриллиантик в кольце.

— Почему вы не сказали мне, что замужем?

— Потому что... — Поколебавшись с ответом, я облизнула губы. — Я не замужем.

Он вернул палантин на прежнее место.

— Помолвлены?

Я лишь помотала головой.

— Что ж, сожалею, что не сложилось, — произнес он совершенно ровным тоном.

Я высвободила свою руку и повернулась к фотографии, чтобы он не видел, как на мои глаза наворачиваются слезы. Я не искала его сочувствия, но тем не менее, любясь его работой, чувствовала на себе его внимательный взгляд.

— А когда вы сделали этот снимок? — спросила я.

— Два года назад, — усмехнувшись, отозвался он.

Я искоса взглянула на него:

— А что тут смешного?

Коллинз наклонил голову, пряча улыбку.

— У вас наверняка с каждой фотографией связана какая-то занятная история.

Ян потер подбородок:

— О да-а. Это точно.

Я подождала продолжения, однако он лишь молча смотрел на меня, загадочно улыбаясь.

— Рано или поздно я все равно выведаю у вас эту историю, — сказала я, упрямо сложив на груди руки.

— Очень на это надеюсь, — прищурился Ян.

Он окинул взглядом заполненную гостями галерею. Вокруг царил оживленный гул, возраставший при звуках открываемого шампанского, которое здесь лилось рекой. Неподалеку я увидела Венди с планшетом, быстро тыкающую указательным пальцем по экрану, на котором, как мне с расстояния показалось, было нечто похожее на платежный документ.

Ян склонился к самому моему уху:

— Чем бы я мог соблазнить вас, чтобы вы согласились навестить меня?

«Самим собой», — неожиданно пронеслось в мозгу, и я тут же представила картинку, как Ян целует меня. У меня сразу вспыхнули щеки, и Коллинз удивленно вскинул бровь.

Я быстро заморгала, прокашлялась.

— Ну, вы и сами знаете, которая фотография мне очень понравилась.

У него чуть приподнялся краешек рта:

— «Рассвет над Белизом».

— Но увы, у меня не наберется столько мелочи.

— С днем рождения, Эйми! — провозгласила за моей спиной Надя.

От неожиданности я резко повернулась к ней.

Ян отступил назад, чтобы Надя смогла к нам присоединиться. Подруга вручила мне шампанское. Недовольно заворчав, я взяла бокал. Другой она передала Яну.

— Значит, сегодня у вас день рождения? — переспросил он.

— Вообще-то завтра. — Я осуждающе взглянула на Надю.

Она тоже взяла себе бокал и воскликнула:

— Тост за именинницу!

— Хватит...

— Ну, доставь мне радость, — тихо буркнула она.

— С днем рождения! — приподнял бокал Ян.

— Спасибо.

И пока он пил шампанское, его взгляд был прикован ко мне. Пряча улыбку, Надя что-то промурлыкала себе под нос, переводя глаза то на Яна, то на меня.

Внезапно к нам подошла Венди:

— Прошу прощения, что прерываю, но мне необходимо похитить у вас главного виновника торжества.

Ян поставил бокал на ближайшую стойку и, прежде чем Венди его увела, сказал мне:

— Только не уходите, не попрощавшись.

Надя проводила его взглядом.

— Черт, а он очень даже ничего! Вот только слишком тобой увлечен. Просто пожирает глазами. Я себя чувствовала третьим колесом на своем «Тауни».

— У тебя велик двухколесный.

— Ну вот, что я говорила! — указала она подбородком через зал.

Я посмотрела туда и увидела Яна в окружении небольшой группки почитателей, который неотрывно глядел на меня. На его лице мелькнула тень улыбки, и он отвел глаза, переключив внимание на стоявшего рядом мужчину.

* * *

Уже в самом конце вечера Надя нашла меня около все той же работы «Рассвет над Белизом», которой я все так же восхищенно любовалась.

— Потрясающе красиво, — произнесла она. — Слушай, мы с мистером Агентом-по-Недвижимости хотим пойти куда-нибудь перекусить. Присоединяйся!

— Чтобы теперь я стала третьим колесом на твоём «Тауни»? Исключено.

Она рассмеялась:

— Это не то, что ты думаешь.

— Ага, как же. Я лучше пойду домой.

— Да брось, не говори ерунды! Давай я тебя хоть до дома подброшу.

— Позвольте, я с вами прогуляюсь, — раздался рядом голос Яна.

Надя просияла:

— А так даже лучше.

— Не возражаете? — спросил у меня Коллинз.

— Ну, если это вас не затруднит...

Он мотнул головой и поправил ворот.

— Мне хочется пройтись по свежему воздуху.

— Значит, решено. Тогда я прощаюсь. — Надя обняла меня, потом пожала руку Яну: — Замечательная экспозиция!

— Еще одну минутку, — спохватился Ян, когда Надя ушла. — Надо сказать Венди, что я ухожу.

В ожидании его возвращения я хотела было напоследок еще разок взглянуть на понравившуюся мне фотокартину. Однако кто-то отвернул ее от окна изображением внутрь галереи. Табличка с ценой сменилась новой, где черными жирными буквами было написано: «Продано».

Наконец вернулся Ян.

— У вас расстроенный вид. Из-за чего хмуритесь?

Я указала на новую табличку.

— Я, конечно, рада за вас, что вы продали работу, но совру, если скажу, что меня это не огорчило.

Он скосил глаза на табличку.

— Хм, любопытно... — пробормотал он и, придерживая меня ладонью чуть ниже талии, вывел наружу. — Так куда нам?

— Восемь кварталов вон в ту сторону. — Я указала направление и накинула палантин.

— А уже есть какие-либо планы насчет завтрашнего великого события? — поинтересовался Ян по дороге.

Я мотнула головой:

— Буду сидеть дома. Потом, может быть, поужинаю с подругами.

— В свой двадцать девятый день рождения я прятался от крокодилов в национальном парке Эверглейдс.

Я рассмеялась:

— Нет, это совсем не мой вариант приятного времяпрепровождения.

— Зато я сделал несколько чудесных фотографий. Сами потом увидите. — Он поскреб пальцами подбородок. — А в свое тридцатилетие я целый день протрясся на спине у мула в Перуанских Андах.

— Позвольте-ка угадаю! Потом вы всю ночь просидели на тазике со льдом?

Он весело усмехнулся:

— Нет, но что-то вроде этого. Зад болел целую неделю.

Мы перешли улицу и миновали еще один квартал.

— А о каких еще днях рождения мне не помешало бы знать? Или на тридцати они иссякли?

— Пока это все, что есть.

Ян направил меня в тускло освещенное углубление в стене.

— А куда мы идем?

— Праздновать ваш день рождения.

Он придержал дверь, пропуская меня внутрь. Мы оказались в уютном французском ресторанчике под названием «La Petite Maison^[4]». Ян тут же поднял два вытянутых пальца, подзывая официантку.

— Нам, пожалуйста, столик на двоих для кофе с десертом.

Девушка проводила нас к маленькому столику перед украшенным кружевной занавеской окошком. Ян предложил мне стул и что-то тихонько сказал официантке, после чего она вручила нам меню и удалилась.

Я окинула взглядом покрытые белыми скатертями столы, хрустальные светильники, с изяществом развешанные по стенам:

— Почему-то мне очень трудно вообразить, чтобы вы тут часто ужинали.

— Ни разу здесь не был.

Ян развернулся на стуле и огляделся вокруг, после чего с улыбкой оборотился ко мне:

— По мне, не лучший выбор, однако они сейчас открыты. — Он взглянул на часы: — Уже почти одиннадцать.

Буквально через несколько секунд официантка подала нам кофе.

— А что, пахнет неплохо, — произнесла я, прикрыв глаза и вдохнув чудесный аромат горячих свежееобжаренных зерен.

Ян сделал глоток и пожал плечами:

— Да, нормальный кофе.

— То есть до ваших стандартов все-таки не дотягивает? Нет, подождите-ка! — Я подняла ладонь. — Вы, значит, можете сделать лучше? Прямо и не знаю, Ян, — покачала я головой. — Все это лишь разговоры.

У него тут же загорелись глаза:

— Наше пари еще в силе.

— Говоря откровенно... — Я провела ладонями по столу. — У меня немного изменились обстоятельства.

Ян вскинул бровь.

— Я хорошенько проработала эту идею насчет кофейни...

— Отлично! — воскликнул он. — Так вы возьмете в аренду бывшую кафешку Джо?

— Возможно. — Я прикусила губу. С тех пор, как позвонила Бренда, я все раздумывала: стоит ли мне вообще звать Томаса себе в сопоручители, или Надю с Кристен, если вдруг Томас откажется? Если мне отказал даже Джо, то уж остальные арендодатели откажут и подавно...

— Желаю вам удачи, Эйми! И дайте мне знать, когда будете готовы выяснить, кто из нас двоих настоящий мастер приготовления кофе.

«Он что, и в самом деле думает, будто способен сварить кофе лучше меня?» — подумала я, припоминая наш разговор за ланчем в начале недели.

— Разумеется, — ответила я.

Тут вернулась официантка, неся нам капкейк «Красный бархат», в центре которого горела одна-единственная свеча.

— А это еще зачем? — удивилась я.

— У вас день рождения. Загадывайте желание.

Улыбнувшись, я закрыла глаза и представила свою будущую кофейню с логотипом над дверью. Потом открыла глаза... и за мгновение до того, как задуть свечу, у меня в сознании вдруг проявился Джеймс и те слова, что сказала мне ясновидящая: «*Он жив!*». В итоге, вместо того чтобы дунуть, я булькнула, зашипела и закашлялась.

Ян вытянул свечку из капкейка:

— О-хо-хо, молодо-зелено!

Через некоторое время Ян уже шел рядом со мной по улице, провожая меня до дома. Дойдя до своего крыльца, я поблагодарила его за чудесный капкейк.

Горящая над крылечком лампа придавала лицу Яна некую таинственность, подчеркивая резкость его черт и высвечивая проступившую за день щетину.

— Благодарю вас за такой замечательный вечер. И, похоже, — засветился он улыбкой, — я буду очень по вам скучать.

И вдруг поник головой, словно это признание застало его врасплох.

— В самом деле? Почему же?

— Я уезжаю на несколько дней в очередную фотоэкспедицию.

В моей руке брякнули ключи.

— И долго вас не будет? — тихо спросила я.

— Десять дней.

У меня дрогнули губы.

— Это ужасно долгий срок.

— Целая вечность, — подхватил он и приблизился ко мне. — Надеюсь по возвращении снова увидеться с вами.

— Мне бы тоже этого хотелось. Я очень приятно провела сегодняшней вечер.

— Я тоже.

Он легонько скользнул пальцами по моей щеке.

— Может, к моему приезду кофейня «У Джо» уже превратится в кафе «У Эйми»?

В том месте, где он прикоснулся, моя щека словно загорелась.

— Возможно.

Он пристально смотрел на мои губы. Я тихонько вздохнула. Ян улыбнулся:

— Спокойной ночи, Эйми.

— Спокойной ночи, Ян.

Я наблюдала, как он торопливо пересек улицу и скрылся за углом, направляясь к центру города. Когда он пропал из виду, я коснулась пальцами губ. Яну явно было нелегко сдерживаться, чтобы не поцеловать меня.

С того самого субботнего утра мы с Джеймсом стали друзьями не разлей вода, став даже ближе, чем сиамские близнецы.

Поприкладывая какое-то время лед к губам, он помог мне устранить то безобразие, которое учинили Робби и Фрэнки с моей лимонадной стойкой, после чего провел со мной весь остаток дня, а потом почти все воскресенье. Мы стали лучшими друзьями, которые могли делиться между собой своими самыми сокровенными мечтами, а через мгновение уже отчаянно пуляться пластиковыми дротиками.

— После колледжа мы поженимся, и у нас будет трое детей, — объявил он однажды, когда мы вместе с Ником и Кристен играли в стрелялки-догонялки с нёрфами в открытом заповеднике, находившемся позади дома Джеймса.

Потом он сказал, что хочет стать великим художником, а я тем временем якобы буду сидеть дома и печь разные вкусности. Печь, печь и печь, пока не растолстею настолько, что не смогу протиснуться в дверной проем.

— Чего-чего?! — Я чуть не задохнулась от злости и навела на него свой нёрф.

Джеймс упал на землю и, обхватив руками живот, залился хохотом.

— Ты станешь таким же толстым, как и я, — заявила я. — Если мы с тобой поженимся, я заставлю тебя есть все то, что я приготовлю. — Я застыла над ним, прицелилась и выстрелила, попав прямо в лоб. Тут же отбежала, нырнула под поваленное дерево и рассмеялась. Как я ни пыталась, все равно никак не могла вообразить Джеймса толстым.

В ту пору я больше всего любила длинные, дождливые субботние вечера. Джеймс заходил ко мне после футбольной тренировки и, измученный и разбитый, буквально валился на диван. Мы пристраивались в разные концы дивана, я читала какую-нибудь книжку, а он просматривал комиксы. Там мы и лежали, пока мамина выпечка не выманивала нас на кухню своими дразнящими запахами, от которых в животах начинало нетерпеливо урчать.

К той поре, когда Джеймсу исполнилось двенадцать лет, мы с ним были знакомы уже почти что год, а я так ни разу не побывала у него дома. Приводить домой девочек в его семье не дозволялось, пока он не поступит в старшую школу. Глупое, конечно, было правило, как объяснял мне Джеймс, возмущенно закатывая глаза, — тем не менее он ему строго подчинялся. Ему как-то довелось увидеть следы отцовского ремня на заднице брата. Томас тогда пригласил к себе одноклассницу, чтобы готовиться к экзаменам. Его отец, Эдгар Донато, вернувшись домой раньше обычного, тут же спровадил девочку домой и без малейших колебаний выпорол сына. Девочки и разные хобби в семействе совершенно не приветствовались, считаясь сильно отвлекающими факторами. Лишь учеба и спорт, по мнению Донато-старших, создавали крепкую основу всем умениям и навыкам, необходимым, чтобы оставить свой весомый след в этом мире. Его родители уже задолго расписали наперед жизни своих сыновей.

Я приготовила тогда отличный подарок для Джеймса — то, что он действительно хотел и чего никак не мог попросить у своих родителей, — и очень старательно его завернула. Впрочем, когда я позвонила в его дверь, бумага все равно измялась.

В тот день отмечали день рождения Джеймса. Приглашены были только мальчишки, но мне очень хотелось вручить ему свой подарок. Никак не могла дождаться, когда же он наконец его увидит.

Дверь мне открыл парень, которого я никогда прежде не видела. Он был выше Джеймса и явно старше Томаса, хотя и с такими же темными волосами, глазами и цветом кожи легкого оливкового оттенка, выдающим итальянское происхождение. «Должно быть, это Фил, их двоюродный брат», — подумала я. Джеймс говорил, что тот частенько к ним приезжает. Обычно это случалось, когда отец Филадельфия, дядюшка Джеймса и он же брат миссис Донато, надолго отлучался по делам. А дядя Грант очень часто улетал куда-то из страны.

Джеймсу приезды Филадельфия не доставляли ни малейшей радости. В такие дни он большую часть времени старался проводить у меня дома, нередко уходя лишь тогда, когда на улицах уже загорались фонари.

Тем не менее открывший дверь Фил как будто вполне приветливо улыбнулся:

— Ты подруга Джеймса — Эйми. Верно?

Я кивнула.

— А он дома?

— Джеймс! Марш к дверям! — прокричал он в глубину дома и вновь повернулся ко мне. — Жаль, что тебе нельзя на нашу вечеринку. Папа Джеймса ввел тут свое дебильное правило: «никаких девочек». А на самом деле он очень хотел бы тебя пригласить.

— Мистер Донато? — У меня округлились глаза.

Парень хохотнул:

— Нет, глупышка. Джеймс. Меня, кстати, зовут Фил.

— Очень приятно.

Дожидаюсь Джеймса, я нетерпеливо перекатывалась с носка на пятку и обратно.

Наконец из коридора донеслись громкие шаги, и через мгновение между Филом и дверью протиснулся Джеймс.

— Привет, Эйми! — успел он сказать, прежде чем Фил сцапал его за голову борцовским захватом и дал звонкий щелбан.

— С днем рождения, маленький ушлепок, — произнес он дурашливым мультяшным голосом, очень напоминая Лягушонка Кермита из «Улицы Сезам», и я рассмеялась.

Джеймс, извернувшись, высвободился из хватки Филадельфия и отпихнул его:

— Сам ты ушлепок, дебил.

Взгляд Филадельфия вмиг стал резким и колючим, и мне было непонятно, почему эта обзывалка так его обидела, притом что сам он только что сказал своему брату, в общем-то, то же самое.

Тут Джеймс заметил подарок в моих руках. Улыбнувшись, я протянула сверток имениннику.

— Классно! Скажи маме, что я сейчас вернусь, — обронил он Филу и выскочил на крыльцо.

Я двинулась было за ним, но потом развернулась к Филу:

— Приятно было познакомиться.

— Мне тоже, — буркнул он и закрыл дверь.

— Пошли быстрее! — крикнул мне Джеймс. — У меня до начала праздника всего тридцать пять минут.

Он устремился на задний двор и легко перескочил через забор по пояс высотой, отделявший их имение от заповедника.

— А твой кузен вроде неплохой парень, — сказала я, с помощью Джеймса перебираясь через ограду.

— Это не так, — бросил он и ринулся в ближайшую рощу.

Я так и не успела спросить, почему он так считает. Может, Фил его обижал? Может, он когда-то издевался над Джеймсом и именно поэтому Джеймс так хорошо научился драться?

— Подожди меня! — запыхавшись, крикнула я, несясь за ним следом. Содержимое подарка брякало, эхом разносясь под пологом старых дубов.

Джеймс замедлил бег, потрусив со мною рядом.

— Давай я понесу, — протянул он руки к свертку.

Я увернулась, не позволив ему забрать мою ношу.

— А что ты мне приготовила? — спросил он, перепрыгнув через небольшое бревно. — Футбольный мяч?

— Это у тебя уже есть.

Джеймс перескочил обратно.

— Футболку Стива Янга [\[5\]](#)?

— Это было бы слишком банально. — Я отпихнула его с дороги и зашагала дальше.

— Ну дай посмотреть!

— Не-а! Подождешь, еще не дошли. — У нас было одно укромное местечко: огражденная бревнами площадка, где мы часто собирались вместе с Ником и Кристен, замышляя новые похождения.

Тогда Джеймс скакнул прямо передо мной и вырвал из моих рук подарок.

— Отдай сейчас же!

Он поднял коробку высоко над головой.

— Еще нельзя открывать!

— А если мне очень хочется? Это же мне подарок! — Он подцепил ногтем полоску скотча.

— Ну и пожалуйста! Смотри себе. — Я сложила руки на груди, делая вид, будто бы мне все равно.

— Правда, что ли? — скептически прищурился Джеймс, явно пытаюсь меня подразнить.

Однако мне и самой уже не терпелось, чтобы он увидел подарок. Мне ужасно хотелось увидеть его реакцию на все то, что я выбрала для него в художественной лавке. А потому я, шурша сухими листьями, подступила поближе:

— Ну да, правда.

Джеймс разорвал бумажную упаковку и уставился на оказавшийся в его руках деревянный ящичек.

— Что это?

— Открой и узнаешь.

Джеймс опустился на колени и, поставив ящичек на землю, открыл медные защелки. Откинул с тихим скрипом крышку — и распахнул, от изумления даже разинув рот.

Он провел пальцами по щетинкам кистей, покатал на ладони тюбик с краской, на котором было написано «сиена жженая».

— Ты мне купила набор для живописи?

Я спокойно подергала рукава свитера. Может, все же лучше было купить ему кепку «Сан-Франциско Фортинайнерс», как советовал папа?

— Ты говорил, что родители тебе ни за что не купят краски — но это вовсе не означает, что их не могу подарить тебе я. К тому же, как ты вообще собираешься стать знаменитым художником, если у тебя вообще нет никаких красок?

Джеймс просиял:

— Здорово! Вот спасибо!

От гордости я даже выпятила грудь. На лице расцвела довольная улыбка, волнение пропало. Я определенно не ошиблась с подарком!

Он по-хозяйски оглядел содержимое ящичка, потом перевернул его. Кисточки, тюбики с краской, мастихины — все это вывалилось на подстилку из сосновых игл. Джеймс тут же превратил ящичек в мольберт и установил на нем рамку с холстом, входящим в комплект.

— И что ты собираешься делать? — спросила я, видя, как он выпустил на палитру каплю голубой краски.

— Рисовать для тебя картину.

— Прямо сейчас?

Он не ответил. Его внимание привлекла пронзительно кричащая голубая сойка, которая пыталась защитить свое гнездо от белки, прильнувшей к стволу дерева. Джеймс запечатлел увиденную сцену, причем его неопытные пока что мазки уже тогда казались многообещающими. Наблюдая, как он рисует, я была буквально зачарована и его занятием, и им самим. В те минуты, казалось, ничего на свете не существовало, кроме творчества Джеймса... пока издали в наш маленький чудесный мир не пробился резкий голос. Я дернула головой в том направлении, откуда он донесся.

— Тебя мама зовет!

Джеймс на миг оцепенел, и кончик кисточки завис над холстом. Кровь отлила от его лица. Мы с ним напрочь забыли о времени.

Он убрал в сторонку холст, и мы поспешно покидали в ящичек рассыпанный по земле набор. Джеймс закрыл крышку, застегнул защелки.

— Вытяни-ка вперед руки, — велел он мне.

Я послушалась, и Джеймс бережно положил холст мне на предплечья.

— Осторожней, краска еще не высохла.

Я аккуратно держала холст.

— Это тебе. — Он поцеловал меня в щеку, чуть задержавшись губами на моей коже.

От удивления я резко вздохнула. Это его прикосновение было и приятным, и совершенно неожиданным. От волнения у меня все внутри задрожало.

— Пойдем, — улыбнулся Джеймс.

Я двинулась следом за ним к его дому. Мы торопливо шагали, стараясь не повредить его первую картину. Миссис Донато ждала нас на задней террасе. Сердито сузив глаза, она пристально смотрела на Джеймса. Точнее, на то, что я заметила лишь теперь: на его забрызганные краской руки и рубашку и большие грязные пятна на коленях. Потом ее взгляд упал на деревянный ящичек.

— Что это у тебя в руке?

Джеймс быстро глянул на меня и попытался спрятать ящичек за спиной.

— Краски, — признался он.

— Краски, — повторила миссис Донато, и ее губы сжались в тонкую полоску. — Краски — это ребячество. Это мазня и безобразия. Они отвлекают от главного, заставляя понапрасну тратить время. — Она подергала сына за ворот рубашки, где виднелся голубой отпечаток большого пальца. — Я вижу, ты уже начал понапрасну терять время. Заруби себе на носу, Джеймс: в твоём будущем нет места разным легкомысленным занятиям. — Потом она перевела взгляд на меня: — Я так полагаю, это ты подарила Джеймсу краски?

Перепуганная, я покорно кивнула.

— Это, конечно, очень мило с твоей стороны, деточка, но он не может принять такой подарок. Джеймс, верни его, пожалуйста, — или я буду вынуждена выбросить его в мусор.

— Но...

— Ты вздумал мне перечить?

Джеймс опустил голову, уставясь на ботинки.

— Нет, мам.

Я поспешно забрала у Джеймса ящичек. Мне вовсе не хотелось, чтобы его мать выбросила мой подарок.

Миссис Донато шагнула к дверям.

— Иди в дом и умойся хорошенько. И переоденься: ты весь выпачкался. Живее! — рывкнула она, когда Джеймс немного помедлил у дверей, глядя на меня виноватыми глазами. — К тебе через пять минут приедут гости.

Джеймс буквально бегом помчался в дом. У меня даже сердце сжалось от обиды за него. Он ведь на самом деле очень мечтал о таком наборе для живописи.

— Иди домой, Эйми. С Джеймсом вы увидите завтра.

— Да, миссис Донато, — хмуро ответила я. От слез защипало глаза, и я поскорей смахнула их, пока они не потекли по щекам.

Я осторожно направилась к боковой калитке, неся ящичек и стараясь держать горизонтально холст, который, как мне тогда казалось, был первой и, возможно, последней картиной Джеймса. Его страсть к искусству пытались заглушить еще до того, как она сумеет заплыть как следует.

Я стала открывать тугую задвижку на калитке, от настойчивых усилий то и дело попадая в нее ящичком. В итоге крышка на нем открылась, и все содержимое вывалилось наружу.

Я опустилась на корточки, подбирая рассыпавшиеся кисточки и краски. Внезапно у самых моих рук оказались мужские туфли-лоферы. В следующее мгновение рядом на колени опустился Фил, закидывая в ящик мастихин.

— Жаль, что так с мамой получилось.

Я подняла голову:

— С твоей мамой?

Он низко опустил голову.

— Я имею в виду Клэр. Она мне все равно что мама, потому что, кроме нее, у меня, в общем-то, никого нет.

— Разве у тебя нет папы?

— Есть, — кивнул Фил. — Но я очень редко его вижу. Он все время работает. И, кстати, если ты еще не в курсе, Клэр хочет, чтобы Томас с Джеймсом, когда вырастут, тоже работали в компании моего отца. Так что, сама понимаешь, Джеймс со своим художеством совсем не вписывается в ее планы.

Я посмотрела на валяющиеся инструменты с красками. Зря только потратила на них деньги!

— И что теперь мне с этим делать?

Фил изучающе разглядывал на холсте схватку птицы с белкой.

— Очень даже неплохо. Может, тебе стоит держать все это у себя дома, а Джеймс мог бы приходить к тебе и рисовать. Тогда Клэр с Эдгаром ничего об этом не узнают. — Он сделал жест, будто застегивает рот на «молнию», и выбросил прочь воображаемый

ключик. — Если хочешь, я ничего им не скажу.

Его мысль мне очень даже понравилась.

Мы пожали друг другу руки и подобрали все оставшееся, после чего Фил вручил мне ящичек:

— Держи горизонтально, вместе вот с этим, — положил он сверху картину Джеймса. — Теперь не уронишь.

Я осторожно поднялась.

— Спасибо.

— Я понимаю, почему ты так понравилась Джеймсу. Ты очень милая.

Вспыхнув, я опустила голову.

Он открыл передо мной калитку:

— Может, завтра увидимся?

Фил мне понравился. Он совсем не походил на того грубияна и задиру, как его описывал Джеймс.

— Может быть, — согласилась я.

Однако мне не довелось увидеть Филадельфию ни на следующий день, ни вообще в ближайшие несколько лет.

Джеймс и до этого был постоянным гостем в моем доме, а с тех пор, как я позволила ему держать свои принадлежности для живописи в своей комнате, он стал заходить гораздо чаще. А поскольку мастерство его неуклонно росло, и принадлежностей этих требовалось все больше — мои родители расчистили необходимое Джеймсу пространство на застекленной террасе рядом с кухней. И год за годом, пока я помогала маме осваивать новые рецепты для ее ресторана, Джеймс все творил и творил, и его талант, а также наша с ним дружба, развивались и крепились.

На следующий день я по случаю празднования своего дня рождения оделась в обтягивающие джинсы, тонкую шелковую блузку и туфли на высоких каблуках. Кристен с Надей собирались отвезти меня поужинать в китайский ресторан.

Когда они за мной заехали, Надя тут же бросилась меня обнимать.

— Наверно, мне не следовало вчера тебя бросать, — сказала она.

— Что, твой мистер Агент-По-Недвижимости отбора не прошел?

— Липовым он оказался агентом. Пытался таким образом ко мне клинья подбить.

Я рассмеялась:

— Ну так это разве плохо?

— А может, он просто паршиво целуется? — обронила Кристен и, пройдя в центральную комнату, остановилась у стола.

Надя закатила глаза.

— Нет и нет, — ответила она нам. — Он оказался отличным мужиком. Даже очень...

Но он женат.

— Ну вот! — подняла голову Кристен.

— А что, обручального кольца он не носит? — спросила я, покрутив на пальце свое помолвочное.

— Нет, — нахмурилась Надя.

— А как ты об этом узнала? — поинтересовалась Кристен, изучающе глядя на бумажный листок в своей руке.

— Завтракала сегодня с Венди. О господи!.. — с досадой простионала Надя. — Я все болтала о нем без умолку — и вот тут она меня и просветила. — Она плюхнулась в кожаное кресло и скрестила лодыжки на подставочке для ног. — Он попросил меня представить дизайнерское предложение насчет одной, принадлежащей ему, торговой точки в Сан-Хосе, неподалеку от спортивной арены.

— Это было до или после того, как он начал подбивать к тебе клинья? — спросила Кристен. Она отложила бумажку и подняла со стола другой листок, сплошь исписанный карандашом.

— До того. Думаю, я, пожалуй, вежливо от него откажусь. — И, взмахнув рукой, добавила: — В смысле, от того предложения.

— Ну да, похоже, он не слишком-то внушающий доверие кадр. А как его зовут? — спросила я из любопытства.

— Марк Эверсон. Высокий блондин, обалденно привлекательный! — Она шлепнула ладонями по подлокотникам кресла. — Я понимаю, что это заезженное клише, — но тем не менее это так. Он меня постарше, ему около тридцати пяти. Венди очень удивилась, когда я ей о нем рассказала. Говорит, у него там вроде бы какие-то неприятности с женой.

Я фыркнула:

— Ну надо же!

— Не хочу показаться грубой и обрывать интересную тему — но ты вообще собираешься открывать свой ресторан? — помахала Кристен одним из прочитанных ею листков. На обеденном столе были сложены стопкой плоды моих долгих трудов: всевозможные разработки, бизнес-планы, расценки от поставщиков, с которыми я работала

еще в «Козле».

Я подошла к Кристен:

— Вообще-то планирую открыть.

По крайней мере, я на это очень надеялась — при условии, что мне удастся найти сопоручителя для аренды. Но прежде чем обращаться к Томасу, мне требовалось самой во всем разобраться и все разложить по полочкам. У меня ведь будет всего один шанс, чтобы преподнести свою идею.

— С ума сойти! — вдруг пронзительно вскричала Кристен. — Ты это серьезно? Как же мне нравится все то, что у тебя тут понаписано! У тебя просто фантастические идеи!

Надя, поднявшись с кресла, тоже подошла к нам. Разложив листки по столу, она выбрала тот, где были расписаны варианты меню. Я прикидывала всякие варианты с разными комбинациями ингредиентов, объединяя в своих напитках совершенно разнообразные оттенки вкуса и создавая новые, экзотические ароматы кофе. Мой кофейный ассортимент уже вполне мог потягаться с винной картой в ресторане. Оставалось только кое-что подшлифовать и подукрасить, да еще, может быть, разработать какие-то сезонные варианты меню.

Надя изумленно взмахнула листком:

— И ты действительно собираешься все это воплотить в жизнь?! Буквально с нуля?

— Ну да, собираюсь.

Она испытующе поглядела мне в глаза:

— Ну, что же, это однозначно интереснее, нежели рагу из ягненка с молодой красной картошкой.

Я забрала у нее листки, сложила их и подровняла стопку, постукивая о стол.

— Да, если бы родители продали мне своего «Ирландского козла», у меня бы не было такой свободы в освоении новых блюд. В ирландском пабе подобный лихой фьюжн просто бы не поняли.

— О чем ты говоришь! — Кристен легонько похлопала меня по плечу: — Я вообще ужасно рада, что ты решилась на этот шаг. Ты не застряла на месте.

Надя обвела глазами комнату, и ее взгляд остановился на рамочках с фотографиями, теснящимися на каминной полке, где были запечатлены мы с Джеймсом.

— Ты только скажи, чем тебе помочь. Мы могли бы с тобою вместе собрать все вещи Джеймса, если тебе слишком тяжело делать это одной. Есть немало приличных благотворительных заведений, куда бы ты могла пожертвовать его одежду. Могли бы подыскать тебе что-то с хорошей репутацией. А еще я могу тебе помочь с оформлением твоей кофейни и, если надо, порекомендовать хорошего подрядчика.

Я непроизвольно сжала в руках стопку листков:

— Спасибо, конечно, за предложение, но для начала мне нужно найти для нее место.

— Так я и с этим могу тебе помочь, — просияла подруга, — и ничего с тебя за это не возьму.

Честно говоря, я надеялась, что спрошу ее совета по части дизайна интерьера, а возможно, даже и подпишу с ней на пару договор аренды, если Томас откажется. Но я и думать не могла, что она станет работать на меня просто так. Ее предложение невероятно щедрое.

— Я буду рада любой твоей помощи, но насчет вещей Джеймса не беспокойся. Я сама о них позабочусь.

«Только, пожалуй, попозже, — добавила я про себя, — когда Лэйси и ее визитка, которую она сунула мне в бумажник, перестанут терзать мне душу, постоянно всплывая в сознании».

— Вот и славненько! — высоким голосом пропела Кристен. — Похоже, что, помимо твоего дня рождения, нам еще есть что отметить. Ну, кто готов ехать праздновать?

* * *

После праздничного ужина мы отправились в коктейль-бар ночного клуба «Синева неба» в самом центре Сан-Хосе. От ритмичной электронной музыки, казалось, вибрировал воздух. В такт ей покачивались люди на танцполе, обвивая руками партнеров.

Надя провела нас к свободному заранее забронированному столику и заказала сангрию и порцию шотов с ликером «Маракуйя» и шампанским. И потом, неторопливо потягивая свой напиток, следила за тем, чтобы этот «боезапас» своевременно пополнялся.

Когда мы прикончили первую емкость, Кристен вдруг ухватила меня за запястья:

— Пойдем-ка, именинница! Потанцуй со мной! — И вытащила меня на танцпол.

Разгоряченные тела танцующих то и дело касались нас. Кристен шутливо толкнула меня задом, и я беззаботно рассмеялась.

— Выглядишь счастливой! — крикнула она мне в самое ухо.

— Мне и в самом деле очень хорошо! — ответила я.

Естественно — я же полностью меняла свою жизнь, как и саму себя, поэтому и пребывала в довольно приподнятом состоянии духа.

После нескольких музыкальных композиций я уже запыхалась. Капли пота скатывались по груди.

— Хочу воды! — прокричала я сквозь музыку.

Мы вернулись к нашему закутку, и официантка как раз принесла новый графин сангрии и очередную порцию шотов, который мы с Кристен не мешкая употребили. Моя голова затуманилась, и я энергично потерла лицо, пытаясь прийти в себя.

— Ну, и как тебе вчерашняя выставка Яна? — спросила Надя.

Я прищурилась и посмотрела на нее.

— Его фотки — это что-то невероятное!

— Ян и сам — невероятный.

Я расплылась в дурацкой улыбке.

— Я так и знала! — Надя щелкнула пальцами.

— Но он уезжает в фотоэкспедицию, — сразу опечалилась я.

— Вы же с ним увидите, когда он вернется? — спросила Кристен.

— Возможно, — пожалала я плечами. Тут же мои брови нахмурились, губы сжались. Ян обмолвился, что будет по мне скучать, но при этом не спросил номера моего телефона. Расстроено поникнув, я прислонилась к спинке кресла. — Только вот не знаю, как с ним связаться.

Надя освежила содержимое моего бокала.

— У Венди есть его телефон. Узнаю, если хочешь.

Я тут же ожила и выпрямилась на сиденье.

— Ян невероятно приятный человек. Мне с ним было очень интересно. — Спиртное

расслабило меня, накатили чувства, и я снова улынулась дурацкой улыбкой.

Надя рассмеялась.

— Да уж, догадываюсь, — подмигнула она.

Но тут мой взгляд опустился в бокал и замер, уставившись на кусочки льда. Подтаявшие кубики плавали, словно маленькие островки, и я подумала о теле Джеймса, плавающем в воде. О том мертвом теле, которое Томас привез домой и не позволил мне даже увидеть. И о солидном, крупном чеке, который он мне так удачно вручил на похоронах. А потом еще и о пропавших невесте куда картинах. Прищурившись, я не отрывала глаз от таявших кусочков льда. Все же в этой истории было что-то не так.

Я резко вскинула голову. Надя с Кристен уже обсуждали какое-то адвокатское дело Ника. Он был атторнеем^[6] по решению деловых споров, и сейчас Кристен с облегчением вспоминала завершившуюся долгую и нудную тяжбу. Теперь Ник хоть какое-то время мог отдохнуть, и они имели возможность наконец поехать в отпуск, который откладывали вот уже восемь месяцев.

Зевнув, я стала наблюдать за людьми на танцполе. Точнее, пыталась наблюдать: в глазах у меня как-то все поплыло, пол качнулся влево. Или это меня саму куда-то повело?

Танцующие парочки двигались по площадке в сумасшедшем ритме. Сквозь бурлящие волны вздымающихся рук я вдруг увидела стоящую в самом центре танцпола одинокую блондинку с прикованным ко мне взглядом лавандово-синих глаз. Лэйси!

Я моргнула — и блондинка исчезла. Резко соскользнув на самый край сиденья, я успела уловить взглядом ее светлые волосы и зеленую блузку. Она уходила из зала. Я неловко выкарабкалась из кресла, опрокинув ненароком бокал Кристен. Красная жидкость с кусочками льда полилась на пол. Вскрикнув, Кристен подскочила и отодвинулась, чтобы вино не испачкало платье. Бормоча извинения, я торопливо обогнула кресла.

— Ты куда? — окликнула меня Надя.

— В туалет, — отозвалась я, перекрикивая музыку. Мне нужно было во что бы то ни стало догнать Лэйси, пока та не исчезла.

Я рванулась прямо через танцпол, наступая кому-то на ноги и бесцеремонно протискиваясь между вспотевшими телами. Вслед мне, естественно, неслись ругательства. Но Лэйси мне так и не удавалось догнать. Наконец я заметила, как открылась дверь в дамскую комнату. Она явно вошла туда. Я поспешила следом.

Дверь за мной захлопнулась. Из установленных в туалете динамиков лились звуки очередного ремикса. Две девицы с густо накрашенными глазами, с татуировками на теле и взъерошенными волосами прихорашивались перед зеркалом. Еще одна женщина мыла руки. Мельком взглянув на меня в отражение зеркала, она тут же ушла.

Я остановилась между длинной стойкой с раковинами и рядом кабинок. В туалете оказалось практически пусто, что было очень странно, учитывая, какая очередь обычно растягивалась сюда за дверью.

Лэйси здесь не было, я ее все-таки потеряла.

Проверив все кабинки подряд, я наконец заперлась в последней. Выйдя оттуда, я отправилась мыть руки — и внезапно увидела в зеркале отражение Лэйси. По моей коже пробежали мурашки.

Ее взгляд словно пронзил меня насквозь, я не могла ни отвести глаз, ни обернуться. Ее губы шевелились, и в моей голове словно прошелестели слова:

«Джеймс жив».

Я энергично тряхнула головой.

«Он остался жив».

— Докажи!

«Он не умер. Иначе ты бы это знала. Ты бы почувствовала. Разве ты до сих пор не чувствуешь его?»

Верно, мне все время слышался его голос. Легкий ветерок ощущался, как его прикосновение. В шуршании листвы под ногами звучал его смех. Но это все равно ничего не доказывало.

Отражение Лейси в зеркале оставалось неподвижным, она даже не моргала.

Внезапно я пошатнулась и вцепилась руками в столешницу, чтобы удержать равновесие. Ладони тут же вспотели, над верхней губой выступили капли пота, ноги словно приросли к полу. Я быстро взглянула на дверь, отчаянно желая, чтобы сейчас кто-нибудь сюда вошел. Чтобы сказал мне, что я вовсе не схожу с ума и что здесь нет никакой Лэйси, вогнавшей меня в состояние транса.

Поправлявшие себе макияж девицы в другом конце туалета собрали наконец свою косметику и ушли, даже не взглянув в мою сторону. Дверь за ними закрылась — и внезапно в помещении воцарилась полнейшая тишина, будто все шумы последовали за ними. На какое-то мгновение мы с Лэйси оказались отделены от всего мира, словно зависнув в безвоздушном пространстве. Звуков просто не существовало. Затем, так же внезапно, шумы вернулись, решительно ворвавшись в туалетную комнату. Сразу зажужжали вентиляторы, заиграла музыка, зажурчала струившаяся из крана вода. А еще мне показалось, будто в тот самый момент, когда татуированные девицы вышли, в комнату проникло что-то еще, пробиваясь ко мне упрямой, навязчивой мыслью:

«Это не Джеймс — пропавший без вести. Это от тебя нет вести».

— Меня послали, чтобы я нашла вас, — произнесла Лэйси.

Я откинула голову назад. Яркий свет ламп будто прорезал зрачки, и я несколько раз моргнула. Образы стремительно замелькали в моем мозгу, словно высвечивающиеся на длинной пленке слайды. Вот Джеймс ушел под воду, вот мимо проносятся пули. Джеймс пытается держаться на плаву в бурлящей морской пучине. Вот Джеймс, разбитый и израненный, лежит распластавшись на песчаном пляже, и над ним склоняется какая-то женщина. Ее волосы цвета воронова крыла падают на его лицо. В темных, как кофе, глазах теплится тревога. Шевельнув губами, она спрашивает его имя, но он не помнит, как его зовут.

«Джеймс! — хочется мне крикнуть. — Тебя зовут Джеймс!».

Почувствовав сильное головокружение, я упала на пол, тяжело ударившись о плитки пола. Над головой вспыхнули и медленно растаяли звездочки.

«С выпивкой был явно перебор». — это было последнее, о чем я подумала.

* * *

— Очнись, Эйми!

Щеку обожгло болью, голова словно запылала огнем.

— Ау! Проснись! Давай-ка, приходи в себя.

Я снова почувствовала резкий шлепок. В щеки будто вонзились острые булавки.

— Что это с ней? — послышался незнакомый голос.

— Она в порядке? — спросил еще кто-то.

— Просто кто-то у нас сегодня «настрелялся».

Вот это уже был голос Нади. Я улыбнулась.

— Кажется, она приходит в себя, — добавила она.

— У нее сегодня день рождения, — вставила тонким голосом Кристен.

Вокруг сразу послышался понимающий говорок, зашуршали шаги, каблучки зацокали по плиткам. Закрылись одна за другой двери кабинок, вскоре донесся звук спускаемой воды. Ко мне стремительно возвращалась реальность.

«Вот черт! Я же вырубилась прямо в женском сортире. Лежу в отключке на полу. Ой-йо!»

Поморгав, я открыла глаза и, прищурившись, увидела над собой горящие лампы и четыре пары внимательных глаз.

— Что случилось? — простонала я.

— Вообще-то, мы надеялись, что ты нас просветишь, — хмыкнула Надя.

Я помотала головой, воспоминания были слишком размыты.

— Может, у нас в какой-нибудь еде был глутамат натрия? — предположила Кристен.

Ужинали мы с подругами в китайском ресторане. У меня действительно аллергия на глутамат натрия. От этого у меня могло начаться головокружение, но уж никак не случился бы обморок.

— В меню было написано: «Не содержит глутамат натрия», — сообщила Надя.

— Зря я столько выпила, — пробормотала я. Голова немилосердно болела. То ли от алкоголя, то ли от удара о плитки пола — трудно сказать. Я подняла руки: — Помогите мне встать.

Подруги осторожно подняли меня, велев двигаться медленно, без резких движений. Две незнакомки, топтавшиеся рядом, попятились назад. Я прислонилась к стойке раковин и огляделась. В уборной толпилось немало народу, и очередь желающих тянулась, как обычно, за дверь — так, как это должно было быть. Лэйси уже не было. А была ли она здесь вообще?

В голове пульсировала боль. Я прижала пальцы к шишке на затылке и тут же жалобно заныла.

Надя озабоченно нахмурилась:

— Может, у тебя сотрясение мозга?

— Скоро пройдет, — сквозь зубы отозвалась я. Мне совсем не хотелось завершить свой день рождения в больнице. Сейчас бы лечь в постель. — Можешь отвезти меня домой?

Подруга протянула мне мою сумочку:

— Я сегодня побуду с тобой. Так, на всякий случай.

Покинув наконец уборную, мы проследовали через бар на выход. В какой-то момент у меня по коже пробежал холодок, на шее встали дыбом волоски. Я обернулась, но никого не заметила — хотя очень хорошо чувствовала, что Лэйси где-то рядом и следит за мной.

Надя, как и обещала, осталась у меня на ночь, устроившись спать рядом со мной в кровати. Чуть ли не каждый час она меня будила, пока я около пяти утра не шлепнула ее подушкой и не отправилась на диван, чтобы провести там еще четыре беспокойных часа. Наутро мы с ней двигались, словно два зомби: она — от недосыпа, а я — от похмелья. Уехала Надя уже в середине дня, взяв с меня обещание, что я непременно позвоню, если меня начнут мучать продолжительные головные боли. Тогда она непременно отвезет меня в больницу. Я дала ей слово, что все выходные буду лишь отдыхать, коротая время за старыми фильмами и новыми бизнес-планами. Это отвлечет меня от того довольно странного инцидента в туалете.

Здравомыслящая часть моего существа понимала, что Лэйси — всего лишь галлюцинация, подпитанная моим подсознательным желанием того, чтобы Джеймс действительно оказался жив. И все же промелькнувшие в мозгу картинки, где он был на краю гибели, где он едва не утонул, постоянно всплывали теперь перед глазами. Лицо Джеймса в моих видениях было сильно окровавлено, к глубоким ранам на щеке налип песок. Я старательно убеждала себя, что все это лишь иллюзия. Что этого просто не может быть. Потому что мне больно было представлять что-то иное.

Я стала просматривать свои рабочие наброски, сложенные на обеденном столе, и в который раз восхитилась логотипом своего кафе. Намеченная контуром кофейная кружка, над которой свивается в сердечко облачко пара, и на нем слова: «*Кофейня Эйми*». Этот эскиз был последней художественной работой Джеймса. Я уже представляла цветовое решение своего интерьера: яркий тыквенный, махагон и баклажановый. «Рассвет над Белизом» Яна идеально смотрелся бы на стене. Мне стало любопытно, кто же все-таки приобрел себе эту фотокартину — и мои мысли сами собой переключились на ее автора. Интересно, где он сейчас? И вспоминает ли обо мне? Сможет ли он сделать еще одну такую же фотографию?

Я снова взглянула на эскиз Джеймса и зачеркнула слово «кофейня», заменив его на «У» — так что теперь надпись читалась как «*У Эйми*». Это Ян назвал так мое будущее заведение.

Я так и сяк попробовала это название «на язык»:

— «*У Эйми*». «*У Эйми*». Пойдем-ка мы перекусим у Эйми, — сказала я бодрым голосом. — У Эйми самый вкусный кофе.

Я радостно улыбнулась. Мне понравилось, как звучит название: и просто, и легко запоминается.

В дверь позвонили, и я от неожиданности подпрыгнула на стуле. Направляясь к двери, я через окно взглянула на улицу. Напротив моего дома припарковалось такси, а на крыльце ждал Ян. Увидев меня в окне, он помахал рукой.

Тут же меня буквально окатила волна жара, щеки стали пунцовыми. Чертыхнувшись, я стала второпях приглаживать волосы — и раздраженно поморщилась, понимая, что все равно моя прическа больше напоминает птичье гнездо — причем такое же «чистое и аккуратное», как и моя помятая пижама, из которой я не вылезала с того момента, как, напившись в стельку, вернулась накануне домой.

Я с тоской оглядела свою комнату. И переодеться некогда, и спрятаться невозможно — Ян уже видел меня в окне. Слава богу, мне хоть хватило ума почистить зубы — и то лишь затем, чтобы избавиться от запаха рвоты.

Чутьочку приоткрыв входную дверь, я высунула голову, шурясь от слепящего вечернего солнца, заходящего за крыши тянувшихся вдоль улицы домов.

— Хорошо вчера повеселились?

— Угу, — угрюмо промычала я в ответ. — А что вас сюда привело?

Он немного отступил, смущенно почесал затылок, потом показал рукой на ожидавшееся его такси:

— Заехал вот по пути в аэропорт. Ночью вылетаю в Новую Зеландию. Я вспомнил, что забыл... — Он поскреб пальцами макушку.

Я вопросительно подняла бровь.

— Я забыл... м-м... — Потом решительно выдохнул и выудил из кармана мобильник. Губы изогнулись в стеснительной улыбке. — Можно я сохраню ваш номер телефона?

Внутри у меня все затрепетало, запульсировало. Первое, что промелькнуло в голове — что я избавила Надю от лишнего звонка, а себя — от чувства неловкости. Теперь ей не придется беспокоить Венди, чтобы узнать телефон Яна.

Я открыла дверь чуть шире и протянула руку, чтобы взять его телефон. Он успел открыть страницу для нового контакта и теперь лишь смотрел, как я набиваю туда свое имя и номер мобильного. Потом, пока меня не покинула храбрость, я быстро добавила свой электронный и почтовый адрес.

Когда я наконец отдала назад мобильный, Ян широко улыбнулся и, потыкав пальцем в экранчик, поднес телефон к уху. Я тут же услышала, как на обеденном столе звонит мой телефон.

Ян приложил палец к губам.

— Не снимайте трубку, — прошептал он и глубоко вздохнул. — Добрый вечер, Эйми, это Ян. Мне очень приятно было встретиться с вами на выставке, и еще приятнее — пообщаться с вами потом. Сегодня ночью я улетаю в Новую Зеландию, но пробуду там не слишком долго. Можно я вам позвоню, когда вернусь?

Тут он посмотрел на меня, вопрошающе подняв брови. Качнул головой, словно побуждая меня ответить, — и я непроизвольно кивнула в ответ.

Глаза его засветились радостью.

— Отлично. Тогда до встречи. — И он завершил вызов. — Вот, теперь и у вас есть мой номер.

Я тихо рассмеялась.

Ян убрал телефон на место и быстро поцеловал меня в щеку. От неожиданности я лишь коротко вздохнула.

— Увидимся через десять дней, — бросил он, соскакивая с крыльца, заторопился к такси и, помахав мне на прощанье, уселся на заднее сиденье.

Я подняла ладонь, провожая взглядом набиравшее скорость авто. Часто дыша, я вернулась в дом, на моих губах играла слабая улыбка. От того вихря, что вызвал Ян в моих чувствах, слегка кружилась голова. И это было уже совсем не от похмелья. Я опустилась в кресло, в котором сидела до его приезда, и вновь взялась за свои записи, улыбаясь все шире и радостнее.

К утру понедельника голова болеть перестала, и Лэйси мне удалось задвинуть подальше, на самую периферию сознания. Вся предстоящая неделя была расписана, предстояли встречи с будущими поставщиками. Еще я договорилась съездить посмотреть другие возможные точки для аренды, хотя душа у меня все-таки лежала к кафе Джо. А еще мне необходимо было позвонить наконец Томасу. Я тешила себя надеждой, что, прося его подписать вместе со мною договор аренды, я не попрошу от него чего-то невыполнимого.

Когда я собрала все свои бумаги и взяла в руки ключи, в дверь раздался звонок. Глянув в «глазок», я увидела пожилого мужчину с совершенно седыми волосами и довольно плотным телосложением. Одет он был в рубашку с короткими рукавами и брюки-хаки. Сунув руки в карманы штанов, он глядел куда-то в сторону, через двор.

Я открыла дверь, и мужчина широко улыбнулся, обнажив ряд прокуренных зубов. Я мгновенно его узнала:

— Какими судьбами, Джо?

— Давненько не видались, Эйми. — Он протянул мне свою широкую ладонь и, когда я ее пожалала, горячо обхватил обеими руками мою. — Ну, как твои дела?

— Дела... нормально.

— Я слышал, ты собираешься открывать свое кафе? — покивал он.

— Скорее, это будет кофейня для гурманов кофе и любителей деликатесов. Но мне еще надо найти помещение в аренду. — Тот факт, что его агент отказалась меня рекомендовать, я озвучивать не стала.

— Могу я войти?

— О да, конечно! Извините. — Я отступила в сторону, открыв пошире дверь.

Джо легким шагом прошел через порог — и в моем небольшом жилище от его массивной фигуры сразу стало тесно. Я закрыла дверь и обернулась. Гость с интересом осматривался вокруг, проникая любопытным взглядом буквально в каждый угол. Посмотрел на развешанные по стенам картины Джеймса, на фотографии в рамочках, стоящие на тумбе у входа, на наш помолвочный портрет на каминной полке и, наконец, устремил глаза на меня.

— Мне твои родители рассказали, что случилось. Искренне жаль.

Глубоко вздохнув, я молча кивнула.

— Джеймс был славным парнишкой. Мне он всегда нравился.

— Спасибо.

Джо взял в руки нашу с Джеймсом фотографию, снятую в тот день, когда он сделал мне предложение — почти что год назад. На ней я гордо выставляла напоказ свое новенькое колечко. Джо нахмурился, а у меня перехватило дыхание. Интересно, сумел ли он заметить на фото, как у меня под густо нанесенной косметикой скрываются царапины на щеке и синяк на подбородке?

Джо поставил на место рамочку, поправив подставку, чтобы фотография не упала. Потом снова сунул руки в карманы и повернулся ко мне.

— Моя жена умерла пять лет назад.

— Да, я помню...

Джо взял тогда небольшой тайм-аут. Обслуживание в его кофейне сразу дало сбой, и он так и не смог восстановить свои былые обороты, потеряв много клиентов. Те выбрали для себя другие рестораны и автокафе, предпочтя удобство сентиментальной ностальгии.

— Мне понадобилось немало времени, чтобы обрести какое-то подобие нормальной жизни. — Он пожал плечами: — Мне до сих пор не хватает жены.

Душой я сразу потянулась к Джо, искренне сопереживая: я-то очень хорошо знала, что он чувствует. Пустоту и невосполнимость утраты, оставившей в груди глухую брешь.

Я тихонько прокашлялась, смахнула непрошеные слезы.

— Хотите кофе?

Джо тяжело выдохнул:

— Да, если можно.

— Устраивайтесь поудобнее, — показала я на диван. — Сейчас я загружу свежую порцию.

Быстро удалившись в кухню, я вцепилась пальцами в край стола и несколько раз поглубже вдохнула, пока глаза не перестало жечь, а горло не отпустила сковывающая боль одиночества. Потом зарядила в кофемашину смесь кофейных зерен из новых образцов, полученных от моих возможных будущих поставщиков, и запустила новый цикл.

Когда я вернулась в гостиную, Джо листал один из старых журналов Джеймса «*Runner's World*». Увидев меня, он бросил номер на стол.

— Мой врач велит мне заниматься физкультурой.

Я поднесла ему чашку с кофе, от которой поднимался ароматный пар с легким оттенком жареного ореха.

— Очень полезно, например, ходить пешком, — предложила я.

— Я вот и дошел досюда от самого центра. — Джо глотнул немного кофе и удивленно расширил глаза: — Как вкусно! — Потом отпил еще. — Это и правда очень, очень вкусно.

— Спасибо, — улыбнулась я и робко добавила: — Это мой собственный состав.

Он приподнял чашку, указав ею в мою сторону:

— Не забудь включить это в свое будущее меню. Я всякий раз буду заказывать только его.

Я улыбнулась: мы с Джеймсом столько лет ходили завтракать к Джо — а теперь, возможно, он станет моим постоянным клиентом.

— Не забуду.

Между тем Джо допил кофе, отставил чашку и, потирая ладони о брюки, уселся поудобнее на диван.

— Я закрыл свою кофейню, потому что не смог выдержать конкуренции. Эти чертовы сети со своим паршивым... — Запнувшись, он кашлянул в кулак. — Хм, прошу прощения. В общем, переманили они у меня клиентов. Почему ты так уверена, что то же самое не случится и с тобой?

— Во-первых, я в этом вовсе не уверена, — честно призналась я. — А во-вторых, я и не собираюсь тягаться с сетевыми заведениями.

Он с сомнением покачал головой:

— Тогда ты прогоришь уже через считанные месяцы.

— Надеюсь, что нет. Я предполагаю предложить нечто такое, чего у них нет: *наслаждение* чашкой кофе.

Губы Джо дрогнули в улыбке:

— Кофейное наслаждение?

— Именно. Это рассчитано на тех, кто ценит особый вкус кофе. У меня будет кофе специальной обжарки, оригинального состава и к тому же медленной варки — вроде того, что я приготовила для вас, — указала я на его пустую чашку.

— Получилось славно.

— Спасибо, — кивнула я с улыбкой. — Хотя мне еще предстоит разработать полное меню, договориться с поставщиками и, что самое главное... — Я опустила голову, уставясь на свои сомкнутые на коленях ладони. — Найти для этого подходящее место.

— Я знаю твоих родителей, Эйми. Причем знаю их уже очень давно. Они хорошие люди, и к тому же очень неплохие рестораторы. Я был немало удивлен, когда они продали свой бизнес. Думал, ты унаследуешь их ресторан или, по крайней мере, выкупишь его.

Я, конечно, тоже так считала, но мне вовсе не хотелось с кем-либо откровенничать о финансовых проблемах своих родителей.

— Лучше я начну собственное дело. Мне это сейчас просто необходимо.

Этого некогда желал мне и Джеймс. Но, кроме всего прочего, теперь мне требовалось доказать себе самой, что я способна это сделать и своими силами.

— Я знаю, что ты подавала заявку на аренду моего здания.

— Да, но...

Джо поднял ладонь:

— Мой агент не вправе была тебя рекомендовать из-за проблем с кредитной историей. Да, насчет этого я тоже в курсе. А еще я понимаю, что довелось тебе выстрадать за этот год. Понимаю, почему все валится из рук, как остаются неоплаченными счета, и отчего вся жизнь застопоривается. Я тоже все это пережил. Послушай, — подался он вперед, — теперь, так сказать, настало время собирать осколки.

— За это я как раз и взялась, сэр.

— А вот я не смог — и в итоге потерял не только жену, а намного больше. — Джо кашлянул, прочистив горло. — Я принимаю твое предложение. Теперь это место — в твоём распоряжении.

Я опешила.

— А как же моя кредитная история?

— Да брось, забудь об этом, — отмахнулся он, прорезав ладонью воздух. — С кем не бывает! Мне нужен человек, которому я могу доверять. Я знаю тебя и знаю твоих родителей. Я предполагал договориться об аренде на пятнадцать лет, но тебе сдам на пять. Если ты вдруг по какой-то причине оставишь этот бизнес, тебе не придется зря платить за помещение. А если захочешь продлить наш договор, мы можем пересмотреть отдельные пункты — но я обещаю, что не потребую с тебя сумму, большую, чем прописана в изначальном договоре, даже если цены на недвижимость вырастут.

Сделав паузу, он потер крыло носа, я же в состоянии полной прострации была способна лишь в упор смотреть на своего гостя и молча кивать.

— По обыкновению, новому нанимателю предоставляют от одного до трех месяцев безвозмездной аренды на время обустройства. Я же дам тебе такой срок, какой понадобится, вплоть до самого открытия твоей кофейни — даже если у тебя целый год уйдет на перестройку.

Я моргнула, пытаясь мысленно представить его щедрое предложение в цифрах.

— Но почему вы делаете мне такое одолжение?

Джо улыбнулся, блеснув глазами.

— Ну, скажем, есть люди, которые за тобой приглядывают.

— Это мои родители вас подговорили? — сразу выпрямилась я.

— Твои родители вообще тут ни при чем. Все это только между нами — тобой и мной. Мне нужен наниматель, а тебе — место для кафе. Ну, и что ты об этом думаешь? По рукам?

Это было невероятно! Предложенная им сделка казалась просто нереальной. Какое-то время я во все глаза смотрела на Джо, а он добродушно улыбался. Его протянутая рука словно ждала от меня ответа.

Я едва сдержалась, чтобы не броситься его обнимать. Вместо этого лишь улыбнулась и пожала его руку:

— Разумеется, по рукам.

На этом Джо поднялся, и я проводила его к двери. Я чувствовала себя самым удачливым человеком на свете и, естественно, не преминула ему об этом сказать.

— Вот и славно. Тебе эта удача будет очень кстати. В моем заведении все давно уже разваливается, так что тебе там предстоит изрядно потрудиться.

— Ой, господи! Да тут работы невпроворот! — Надя провела пальцем по столешнице и, показав мне его кончик с толстым слоем грязи и жира, скривилась: — Фу, какая гадость!

— Какая прелесть! Это же просто провал во времени — прямиком в «Американские граффити»^[7]! — воскликнула Кристен и с восторгом показала мне выставленные большие пальцы.

Папа поднял голову к высокому потолку. В местах, где отсутствовали плитки, торчали провода. Оставшиеся плитки либо потрескались, либо пожелтели от протечек.

— Ну что, в целом — перспективное местечко.

— Вот видите? И я так считаю! — радостно воскликнула я.

Надя направилась в кухню.

— Подумываешь об аренде? — осведомилась она.

— Уже подписала документы.

Она замерла на полушаге.

— Что? Когда это случилось?

— На прошлой неделе.

Мы с Джо несколько дней прорабатывали разные пункты договора и наконец в пятницу его подписали. Во вторник я забрала ключи. Сегодня была суббота — первый день, когда мне удалось собрать вместе и папу, и Надю, и Кристен. Мама тем временем находилась в «Старом козле», следя за вывозом мебели, которую они с папой жертвовали в приют Святого Антония. Отец должен был потом туда подъехать.

Я посмотрела на часы, надеясь, что после отбытия папы Надя с Кристен надолго не задержатся.

— Сейчас здесь, конечно, гадюшник, — попытожил отец, вторя Наде. — Но метраж у него как раз для тебя. Просто здесь надо хорошенько приложить руки.

— И приобрести кувалду покрепче, — вставила Надя, снова вернувшись в обеденный зал. — Ты вообще проверила сам объект, прежде чем подписать бумаги?

— Ну да, я огляделась.

— Ты огляделась?! — Надя сквозь зубы выругалась. — Не пойми меня неправильно, но я за тебя очень сильно волнуюсь. У тебя, конечно, будет классный ресторан, но риск банкротства тут немалый. — Спohватившись, она виновато взглянула на моего отца, но тот лишь отмахнулся, и Надя снова уставилась на меня: — Нельзя принимать таких поспешных решений. Вот, смотри, — указала она на пятна от протечек на деревянной обшивке стен. — Ты поинтересовалась, откуда это здесь появилось?

— Нет, — раздраженно фыркнула я. — Джо предупредил, что здесь придется нехило потрудиться.

— Да уж, надо думать! Здесь вообще все надо переделать. И еще неизвестно, какие нас при этом ждут сюрпризы. — Ее взгляд перескакивал с места на место, критически цепляясь ко всем тем деталям, которые мое дилетантское око не видело в упор. — Надо было хоть мне сначала позвонить. Я бы посмотрела все как следует, чтобы ты имела какое-то представление о том, во что ввязываешься. Любая реконструкция требует затрат, причем очень быстро возрастающих. И не успеешь оглянуться — как ты уже превысишь смету или, хуже того — вообще останешься на бобах. Ты хотя бы для сравнения посмотрела какие-

нибудь другие точки?

— Зачем? — пожалала я плечами. — Здесь меня пока освобождают от арендной платы.

— Как это?! — заморгала Надя.

А папа даже присвистнул.

— Ух ты, здорово! — пробормотала Кристен, забавлявшаяся тем временем с древним кассовым аппаратом. Наконец он звякнул.

— И надолго? — уточнила Надя.

— На все время ремонта. До самого дня открытия никакой арендной платы.

Надя от неожиданности приоткрыла рот.

— На самом деле, это очень удачная для меня сделка, — добавила я. — Мне нравится это место.

На губах у отца появилась легкая улыбка. Он-то знал, что для меня это местечко особенное. Из этих окон открывался все тот же вид, что наблюдали мы с Джеймсом, заходя сюда перекусить. Все так же мимо проезжали автомобили, мамы катили коляски с малышами, все так же время от времени какой-то велосипедист юлил вдоль бордюра, уворачиваясь от машин. Сейчас за окном шел проливной дождь — первая в этом сезоне гроза. Я снова посмотрела на часы.

Надя включила свой планшет, усаживаясь на ближайший стул. Тронула несколько значков на экранной клавиатуре.

— А ты уже решила, что тут будешь делать? — поинтересовалась она.

Кристен, выжидающе глядя на меня, опустилась на стул рядом с Надей. Папа тоже придвинулся поближе.

— У меня на самом деле масса идей, — улыбнулась я. — Ну, к примеру, варить по собственной рецептуре кофе и печь к нему разные эксклюзивные вкусняшки.

— И как ты собираешься назвать свое заведение? — спросила Кристен.

— «У Эйми», — торжественно объявила я и, вытащив из папки эскиз логотипа, положила его на столик.

Все трое тут же в любопытстве прикинули к нему.

— Так и запишем: «Свежий заварной кофе и изысканные лакомства». А что, мне нравится! — похлопала меня по плечу Кристен.

Надя между тем что-то напечатала в своем планшете.

— Даже если прикинуть вчерне, ремонт здесь обойдется в копеечку: затраты на строительные работы, лицензию, страховку, на закупку мебели, найм персонала, плюс расходы на твою собственную жизнь...

— Расслабься, — перебила я подругу и стала успокаивающе поглаживать ей плечи. — Не надо так волноваться. Я буду благоразумно вести свое хозяйство.

— Вот и хорошо. Начать можешь с меня. Как я и обещала, денег я за свою работу не возьму, а еще привлеку свои связи, чтобы минимизировать твои расходы.

— Но что-то я тебе все равно должна заплатить.

Надя тихонько хихикнула.

— А я и не говорила, детка, что стану работать задарма! — Она расплылась в улыбке.

— Даже боюсь уточнять... — пробормотала я.

Подвинувшись на стуле, Надя торжественно воздела ладонь:

— Хочу всю оставшуюся жизнь получать у тебя бесплатный кофе, а еще твое фирменное лимонное печенье.

Я от души рассмеялась и пожала ей руку:

— Заметано! Так что, надолго затянется ремонт, как думаешь?

Она сложила губы бантиком, задумчиво помычала.

— Ну, если очень повезет, ты сможешь открыть заведение месяцев через восемь.

Я аж присвистнула.

— Ничего себе, как долго! — Мне не терпелось поскорее сделать первые шаги.

Сама того не сознавая, я опять взглянула на часы. Заметив это, Кристен легонько ткнула меня локтем и постучала пальцем по циферблату:

— Куда-то собираешься?

— Нет, — качнула я головой, — я просто кое-кого жду.

— И кого?

— Яна, — ответила я, запыхав румянцем.

Накануне Коллинз вернулся из поездки и сегодня утром мне позвонил. Я предложила ему встретиться здесь — так сказать, на нейтральной территории. После двух недель долгих и тяжких раздумий я так и не сумела понять: чего я, собственно, хочу от Яна? Хотя было совершенно очевидно, что сам он надеется добиться от меня гораздо большего, чем просто дружба.

Кристен просияла, словно не замечая всей сумятицы моих чувств.

— Скоро сюда приедет Ян, — сообщила она моему отцу и Наде.

Папа, прищурившись, посмотрел на меня. А Надя, поднявшись, расцвела в улыбке:

— Подозреваю, это тонкий намек, что нам пора уходить.

* * *

Когда в кафе приехал Ян — вскоре после того, как все ушли, — я занималась тем, что обмеряла прилавок с кассовой стойкой. Войдя, он энергично отряхнул волосы и куртку, порядком забрызгав пол.

— Ничего себе! Там ужас что творится! — Он резко выдохнул и, посмотрев на меня, улыбнулся: — Привет, Эймс!

Мое сердце заколотилось в бешеном ритме. Выглядел он довольно неплохо. Даже очень неплохо — хоть и напоминал сейчас этакого мокрого матерого псину.

— Ты весь промок, — протянула я руку к его куртке. — Давай-ка сюда.

— Ага, спасибо, — высвободился из нее Ян. — От самого дома бегом бежал.

— И где ты живешь? — спросила я, вешая куртку на спинку стула.

— В семи кварталах отсюда, — ткнул он пальцем в противоположном направлении от моего дома. — Так что, можно считать, соседи.

Я весело рассмеялась:

— Ну да, соседи — всего-то за полмили! Ну, как прошла поездка?

— Классно! Я сделал несколько просто потрясающих снимков. — Ян осторожно поставил на стол рядом со мной мокрый от дождя крафтовый пакет, подальше от разложенных мною листков, на которых я еще несколько минут назад представляла Наде свои задумки. Он очень старался ничего не намочить.

— Кстати, я оказался прав. — Он мягко коснулся моего плеча.

— Насчет чего?

— Я и правда по тебе скучал.

Я удивленно взглянул на него, а он довольно усмехнулся. Потом огляделся вокруг:

— Значит, ты все-таки арендовала у Джо его бывшую кафешку?

— М-м... да... арендовала... — запинаясь, ответила я, мысленно зависнув на фразе «я по тебе скучал».

— Мечтаю увидеть, что ты из всего этого сотворишь. — Он постучал костяшками пальцев по пластмассовому столику. — Уже подобрала себе хорошую кофеварку для эспрессо?

С того дня, как Ян уехал в путешествие, я едва успела разобраться со своими бизнес-планами. Сложив на груди руки, я прислонилась бедром к краю стойки.

— Еще нет. А что?

Он быстро скопировал мою позу, только одну руку приложил к сердцу.

— Счел бы за честь рекомендовать пару достойных брендов.

Я ехидно улыбнулась.

— С чего это ты возомнил себя таким знатоком? — искренне поинтересовалась я, несмотря на его откровенно игривый тон. Ведь, кроме его искусства фотографии и того, что он много путешествовал, я ничегошеньки не знала об этом человеке.

— Я, видишь ли, окончив колледж, несколько месяцев провел в Провансе. Встречался тогда с одной девушкой... бариста, и она научила меня... — Он вдруг запнулся и залился краской. Я выгнула бровь, ожидая продолжения, и уголки рта у Яна смешливо дрогнули: — В общем, много чему научила.

— Да уж не сомневаюсь, — сощурилась я.

Ян сразу выпрямился.

— Ну-ну, не будь такой ревнивой, — слегка пожурил он, и мое лицо вспыхнуло поярче, чем у него. — Иди-ка лучше сюда, я тут кое-что принес.

Сняв принесенный крафтовый пакет, он вытащил из него большую бутылку.

— Что это? — спросила я.

— Сидр.

— Ты принес мне сок?

— Ага, сок... для взрослых деток. Это крепкий сидр. Всю поездку, можно сказать, только на этом и жил. — Он похлопал ладонями по карманам, словно что-то ища. Потом обшарил висевшую на стуле куртку, залез в боковые карманы — и наконец выудил оттуда два стаканчика.

— Никогда еще не пила шотов из сидра.

Ян театрально закатил глаза.

— Ну, не обязательно же заглатывать залпом — можешь и потягивать. Эти стопки я прихватил только потому, что они помещались в кармане.

Штопором, извлеченным из другого кармана куртки, Коллинз выдернул из бутылки пробку и наполнил сидром стопки.

— Обычно этот напиток употребляется неохлажденным. Но сейчас на улице довольно холодно, так что наверное, сидр охладился. Но все равно, думаю, будет вкусно. — Он вручил мне стопку.

Я понюхала содержимое. В голове у меня тут же нарисовались свежий яблочный пирог, изысканный фруктовый тарт.

— Киа-ора! — произнес Ян, приподняв свою стопку.

— Киа что?

— Это приветствие на языке маори — это коренное население Новой Зеландии. Переводится примерно так: «Доброго здравия». Но лично я предпочитаю вариант: «Вздвогнем!»

— Вздвогнем! — повторила я и отпила немного сидра. У него оказался легкий фруктовый вкус сухого вина, совершенно восхитительный.

Ян уселся на стул, где висела его куртка, а я опустилась на другой, напротив. Он вытянул под столом ноги и подался назад, слегка задев ботинками мои лодыжки. Это мимолетное прикосновение тотчас же откликнулось в моем теле, проняв до костей. Коллинз между тем внимательно, не отрываясь, меня разглядывал.

Я поерзала на стуле, почувствовав себя неуютно.

— Тебе мама никогда не объясняла, что нехорошо так пялиться?

На краткий миг его взгляд потускнел, но тут же вновь засветился интересом.

— Если я не буду пялиться, то так и не смогу понять, почему сегодня ты мне кажешься еще привлекательней и необычней?

Загорелая кожа в уголках его глаз подернулась тонкими насмешливыми морщинками. Он пытался напустить на себя такую легкую непринужденность общения, однако видно было, что его все же что-то тяготит.

Я облизнула губы и оперлась локтями об стол, обхватив пальцами стопку с сидром.

— Скажи, тебе случалось терять очень близкого для тебя человека? — спросила я уже серьезно.

Он сразу изменился в лице.

— Да, случалось.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Мало того, что мне не очень-то хотелось посвящать кого-то в свое общение с Лэйси, я еще и не решила для себя, стоит ли посвящать Яна в нашу с Джеймсом историю. Я похоронила своего жениха и до сих пор о нем скорбела. Я буквально изнывала по нему, и эта тоска лишь подпитывала семена сомнения, посеянные Лэйси. И до тех пор, пока эти сомнения меня не покинут, я считала просто нечестным по отношению к Яну делать вид, будто я желаю от него чего-то большего, чем дружба.

— Когда мы впервые с тобой встретились... — начала я, тщательно обдумывая свои слова. Я не хотела вызвать у Яна жалость, но мне было необходимо, чтобы он понял мое душевное состояние. — Ты спрашивал, помолвлена ли я. Так вот — да, помолвлена, причем уже почти что год. Мой жених погиб в мае. Если точнее, он поехал рыбачить в Мексику и там пропал без вести. Его тело нашли спустя некоторое время, и в день нашей предполагавшейся свадьбы я была на его похоронах. Это было в июле. — Одним глотком я прикончила оставшийся сидр, утерла губы тыльной стороной ладони и с иронией заметила: — Похоже, я все-таки пью сидр залпом.

Долгое мгновение Ян ошарашенно смотрел на меня, словно весь оцепенев. Наконец он резко качнул головой, словно оправляясь от шока.

— Черт, Эйми... Прости, пожалуйста! — Он обхватил мои ладони и стал утешающе поглаживать их.

— Я так и не увидела его тела. У меня не было возможности попрощаться с ним.

Ян пробормотал что-то малопонятное и сильнее сжал мои ладони. Не оказавшись между нами стола, он бы точно привлек меня к своей груди, заключив в могучие, спасительные

объятия.

Какое-то время я молча смотрела на наши переплетенные пальцы. Руки его были сильные и теплые, ласковые поглаживания его больших пальцев и впрямь действовали умиротворяюще. В моей душе вдруг загорелась глубокая жажда дружеского единения, и по всему телу, по рукам и ногам стало расходиться живое тепло. Я подняла глаза, встретившись с ним взглядом, — и увидела в глазах Яна нечто, дарящее надежду. И в этот самый миг — с оглушительным щелчком, раздавшимся в моем сознании, — весь мой безумный, разваливающийся, опрокинутый с ног на голову мир вдруг разом воцарился на место.

— Могу лишь сказать, что ты станешь мне чудесным другом, Ян.

Он поперхнулся.

— Другом?.. — Его лицо казалось разочарованным.

— Прости. Видишь ли... — Я осторожно высвободила из его рук свои ладони и положила их на колени. — Я никогда и ни с кем больше не встречалась. Мы всегда были вместе — я и Джеймс.

— Джеймс? Ах, да... Твой жених. — Ян оперся локтем на стол и задумчиво потер ладонью щеку и подбородок с едва проклюнувшейся щетиной.

— Ты боишься оказаться наедине с кем-то другим? — тихо спросил он.

— Нет, не боюсь.

Ян вскинул бровь.

— Ну, может, совсем немного, — поправилась я. — Просто я не готова к серьезным отношениям. Еще не время.

К тому же сейчас мне надо было думать о своей будущей кофейне. И о Джеймсе. Еще года не прошло, как его погребли — если там, в земле, действительно лежало его тело. В том-то и была вся загвоздка. Из-за этого неведения я не могла заставить себя перестать цепляться за все то, что когда-то нас объединяло.

— Мои родители считают, что я была слишком зависима от Джеймса, — помолчав, добавила я.

Ян насмешливо фыркнул.

— Знаешь, то, что задумала открыть свое кафе, — он махнул рукой, обводя ладонью обшарпанное помещение, — как-то не вяжется с образом зависимой женщины. Скорее говорит о человеке, решительно нацеленном сделать в своей жизни нечто значимое.

Мои губы тронула невольная улыбка.

Ян вновь наполнил мою стопку сидром и поднял свою:

— Я предлагаю соглашение. Я готов выпить за то, чтобы мы стали с тобой добрыми друзьями, если ты обещаешь, что непременно дашь мне знать, как только тебе захочется, чтобы между нами было нечто большее.

Я изумленно посмотрела на него и, откинув назад голову, рассмеялась, искренне забавляясь столь взвешенным предложением.

Ну, что ж, почему бы и нет, в самом деле!

— Ты просто нечто! — усмехнулась я.

— Да ладно, — помотал он головой. — Всего лишь оптимист.

— Годится, — подняла я свою стопку. — Пьем за соглашение.

В то лето, когда мне предстояло пойти в старшую школу, Джеймса я знала уже целых шесть лет и уже не хотела оставаться с ним просто друзьями. Я страстно желала более серьезных отношений.

Мои мысли вовсе не представляли собой внезапной переориентации — скорее на протяжении всего последнего года во мне шла медленная, едва уловимая перемена. В точности, как бабочка неторопливо, потихоньку расправляет крылышки, осторожно выбираясь из кокона, чтобы пуститься в свой первый полет. Я начала вдруг замечать в Джеймсе такие вещи, на которые прежде вообще не обращала внимания. К примеру, его запах. От него не несло потным духом раздевалки спортзала, как от других парней из нашей школы. Приятный, какой-то особенный аромат его одеколona меня буквально завораживал, и все внутри словно переворачивалось. Когда Джеймс оказывался совсем рядом, я просто могла им надыхаться. У меня голова шла кругом! Я чувствовала себя словно в каком-то дурмане. Несколько раз заметив это за собой, я даже запретила себе прижиматься носом к его груди. Опасалась, что он надо мной посмеется или оттолкнет.

Однако, несмотря на свое тайное смятение и стыд, я все равно знала Джеймса лучше, чем кто-либо другой. И его нескончаемая тяга к живописи, и вечное давление родителей, силой направляющих сына на ту карьерную стезю, которой он для себя не желал, и его отчаяние из-за невозможности показать свои творения кому-либо, даже посторонним — иначе об этом узнают дома и не позволят ему со мною видаться, — все это в итоге сложило в моей душе совершенно пьянящую комбинацию. Я безоглядно, по уши влюбилась в своего лучшего друга и все время по нему тосковала.

У него уже начались футбольные тренировки, а кроме того, он был занят и разными другими делами, поэтому у него всегда не хватало времени. В то лето мы с ним виделись не так уж часто, но вот однажды, августовским днем, он неожиданно зашел ко мне. Я пекла тогда печенье к дню рождения Кристен и только-только вытащила из духовки противень с готовой порцией. Выпрямившись и обернувшись, я обнаружила, что Джеймс тихонько наблюдает за мною, прислонившись к дверному косяку.

Одет он был в синевато-серые брюки и парадную белую рубашку с расстегнутым воротничком. Такой наряд больше был бы уместен для субботнего похода в церковь, а не для обычного знойного четверга. И уж однозначно не подходил для футбольной тренировки.

В свои шестнадцать Джеймс вовсе не был худым и долговязым, как многие мальчишки его лет. За годы занятий футболом его фигура обрела отличную форму. Непослушные, выцветшие на солнце кудри небрежно падали на темную загорелую кожу лица и шеи.

Джеймс решительно провел рукой по волосам. Он явно что-то задумал.

— Как ты тут оказался? — спросила я, удивившись его внезапному появлению в нашем доме. Хотя чему тут было удивляться? Благодаря папе, которому надоело каждый раз, когда ко мне являлся Джеймс, открывать ему дверь (а вплоть до этого лета он заглядывал ко мне по несколько раз на дню), у того появился собственный ключ. — Разве у тебя сегодня нет футбола?

Джеймс пожал плечами:

— Решил устроить себе выходной.

У меня аж брови поползли на лоб:

— И твоих родителей это совершенно не волнует?

Громко фыркнув, Джеймс опустил голову и посмотрел на меня широко раскрытыми, невинными глазами, отчего на лбу у него протянулась тоненькая складка. Его родители определенно не знали, что он сейчас у меня.

— Отец сегодня допоздна работает, а у мамы благотворительное мероприятие, — объяснил он.

— То есть ты у нас сегодня прогульщик? — усмехнулась я, ставя противень на гранитную столешницу.

Вместо ответа Джеймс одарил меня ослепительной, во все лицо, улыбкой, от которой у меня сжалось сердце. Вспыхнув, я наклонила лицо, надеясь скрыть от него непрошенный румянец, и деловито занялась печеньем, перекладывая его на решетку охлаждаться.

— Пришел порисовать? — спросила я, услышав, как он подошел сзади.

— И увидеться с тобой.

Я невольно расплылась в широкой радостной улыбке.

Джеймс между тем привалился бочком к столу и стащил печенье. Я мигом сцапала его за запястье. Печенье зависло в каком-то дюйме от его рта. Джеймс удивленно вскинул брови, я же сердито сощурилась:

— Это для Кристен. У нее день рождения.

Он быстро сунул печенье в рот.

— Джеймс... — с укором начала я, но тут мой взгляд опустился к его губам, и мысли сразу приняли иное направление.

— Все, больше ни одного не дам, — предупредила я. Предоставь ему такую возможность, Джеймс, не моргнув глазом, слопал бы весь противень, и вовсе не по причине своего здорового спортивного аппетита. — Мне уже некогда печь новую партию.

— Ну, еще одно, — выпятил он нижнюю губу, словно надувшись.

— Ладно, — вздохнула я, не в силах ему отказать, и сунула ему в рот печенье.

Джеймс, жуя, довольно промычал.

— А чего это ты сегодня так вырядился? — кивнула я на его одежду.

— Что, я разве плохо одет? — с вызовом посмотрел он на меня.

— Нет-нет! Ты красив... То есть одежда на тебе красивая, вот, — запинаясь, объяснила я. Нарядился он явно по какому-то случаю. — И куда ты сегодня собрался?

— В смысле — где я сегодня был? — Джеймс опустил голову, обозревая свой наряд, как будто успел забыть, что на нем надето. Выражение его лица вдруг изменилось. — Это последняя матушкина затея по подготовке нас к будущей жизни со всевозможными заседаниями и зваными ужинами, — недовольно проворчал он.

Я потеряла ладони друг о друга, стряхивая приставшие сдобные крошки.

— И что она на этот раз придумала для вас с Томасом?

Уголки его губ дрогнули в улыбке.

— Какая ты симпатичная в этом фартуке, — потянул он за оборочку. — Откуда он у тебя?

— Ты не ответил на вопрос. — А еще Джеймс смутил меня, и я поскорее отвела его руку в сторону.

— Ты тоже.

Он перехватил мою кисть, мгновенно переплел наши пальцы.

Я резко вздохнула. Мы одновременно опустили головы, поглядев на наши сцепленные

вместе руки, и тут же вскинули лица, встретившись глазами. Его карие глаза засияли удивлением, и в следующий миг на губах заиграла дьявольская улыбка. Он приподнял наши руки, сгибая их в локте, а свободной ладонью обхватил меня за талию, властно притянув к себе.

От этого внезапного, столь тесного соприкосновения я невольно ахнула. Еще никогда я не оказывалась к нему так близко.

— Что ты делаешь?!

— Показываю.

— Что показываешь? — прошептала я, задрав голову к потолку.

— То, чему я научился, — с усмешкой ответил Джеймс. — Повторяй за мной. И прислушивайся к моему счету, — мурлыкнул он мне на ухо.

Он шагнул вперед, подтолкнул меня грудью и заставил отступить назад. Я споткнулась, и он обхватил меня крепче. Коснулся подбородком моей головы.

У меня все тело словно сжалось, стало неподатливым.

Джеймс уткнулся в мои волосы и усмехнулся:

— Что ты такая напряженная? Это же всего лишь я.

Ну да, всего лишь Джеймс. Причем Джеймс, держащий меня в объятиях. Сквозь свок легкую майку и его нарядную рубашку я ощутила жар его кожи и поморщилась. Это наблюдение ни чуточки не уняло мое неискушенное и в то же время бурное воображение. Впрочем, как я могла заметить, его сердце колотилось так же быстро, как и мое.

Мы медленно двинулись по кругу, и Джеймс начал считать. Несколько раз мы оступались, отдавливали друг другу носки, но наконец Джеймсу удалось размеренно вести нас в танце по кухне. Мы по-настоящему танцевали. Не скакали друг перед другом, как на школьных дискотеках — а танцевали красиво и элегантно, по-взрослому.

— Ты, значит, берешь уроки танцев?

— Угу, — тихо промычал мне в волосы Джеймс, отчего у меня по телу, до самых пальцев ног, прокатилась дрожь. — Сейчас мы с тобой танцуем вальс.

Я чуть отстранилась назад, посмотрев на него, и в то же время не забывая правильно переступать ногами.

— А к чему на деловых встречах и ужинах нужно уметь танцевать вальс?

— Для ведения переговоров, — скосил он на меня раздраженный взгляд. — По-видимому, матушка желает, чтобы мы всегда и во всем были на высоте, где бы нам ни довелось проводить сделки.

Воображение живо нарисовало мне Джеймса в деловом костюме, танцующим с красивой женщиной в узенькой юбке-дудочке и белой шелковой блузке.

— А ты что, на работе собираешься танцевать?

Я даже представить не могла, чтобы кто-то танцевал, договариваясь о заказах.

Джеймс откинул голову и рассмеялся.

— Нет, конечно же, чудачка! Чудачка ты моя! — повторил он снова, уткнувшись в мои волосы и поцеловал в макушку, отчего у меня по всему телу пронесли искорки томления. Он назвал меня «своей».

— Папа после работы посещает массу званых вечеринок и некоторые сделки заключает как раз там.

Деятельность его родителей в «Донато Энтерпрайзес» настолько отличалась от работы моих мамы с папой в ресторане! Я хорошо представляла гламурную жизнь Донато-старших.

Дамы в длинных вечерних платьях и мужчины в смокингах, потягивающие из хрустальных бокалов шампанское под оркестр из двух десятков инструментов.

Джеймс плавно провел нас вокруг кухонного островка, вернув меня к ароматному облаку свежее испеченного печенья, а мои мысли — к впервые испытанному ощущению его телесной близости.

— Что ж, у тебя очень хорошо получается, — заметила я.

Так же, как и все прочее, за что бы он ни брался — начиная с его удивительно точной игры на футбольном поле и заканчивая техникой живописи, которую он освоил самостоятельно. Его написанные акриловой краской холсты были просто потрясающими.

— Это все благодаря тебе, — польстил мне Джеймс и добавил: — Ты очень быстро учишься.

От его дыхания волосы на моей макушке тихонько трепыхались. Мы танцевали совсем близко друг от друга, и от этого, так же легко и плавно, как он вел меня под свое размеренное «раз-два-три», мне в голову скользнула одна мысль.

— А ты когда-нибудь танцевал так же близко с девочками из своего класса? — почти шепотом спросила я.

Довольно долго Джеймс молчал. Я опустила голову, чувствуя себя очень глупо и неловко, от того, что задаю такие вопросы. Однако при мысли, что он мог вот так же обнимать и других девушек, мне становилось нехорошо.

Когда это я начала столь ревниво интересоваться, где и с кем он проводит время?

С тех пор, как он признался, что я его лучший в мире друг? Или с тех пор, как он обнял меня, прижав к себе, когда я плакала из-за Роксанны Ливингстон, которая стащила из спортивной раздевалки мое белье и стала запускать его, как из пращи, к потолку, где оно зацепилось за пожарный спринклер и осталось висеть на обозрении у всей школы. Джеймс тогда порывался пойти и выбить дурь из этой Роксанны — мне же хотелось лишь, чтобы он как можно дольше оставался рядом, и я боялась ему в этом признаться.

— Нет, — наконец ответил Джеймс. — *Так* не танцевал. С тобой — это совсем другое дело.

Я вскинула голову. Лицо его было совершенно серьезным.

— С того дня, как я начал брать уроки танцев, я мечтал танцевать только с тобой.

«Правда?» — дрогнуло у меня в груди.

Джеймс немного сбавил темп, и некоторое время мы просто покачивались из стороны в сторону, пока наконец не остановились.

— И я еще кое-что мечтал сделать.

— Что же?

— Поцеловать тебя.

И он немедленно осуществил свое желание. От неожиданности я округлила глаза, вцепилась пальцами в его плечо. Наши губы соприкоснулись раз, потом другой, третий. Затем он провел языком по линии смыкания губ, и я невольно вздохнула. Тогда он проник языком внутрь и вскоре отстранился, а у меня все никак не укладывался в голове тот факт, что Джеймс меня целует.

Я изумленно вытаращила на него глаза.

— Здравствуй, — смущенно улыбнулся он.

— Э-э... здравствуй, — моргнув, отозвалась я.

Глядя на меня, Джеймс склонил голову набок, настороженно спросил:

— Ты в порядке?

— Хм... да... Кажется, да.

— Тебе кажется? — как-то нервно усмехнулся он.

Я коснулась языком своих губ. Они мелко дрожали. И вся я дрожала и трепетала от этих новых, чудесных, поистине феерических впечатлений. Я чувствовала себя, словно бабочка, предпринявшая свой первый в жизни полет.

— Почему ты меня поцеловал? — зачем-то спросила я.

— А ты не знаешь? — спросил он, и я помотала головой.

Ну да, он говорил, что я его лучший друг — но только и всего. Всего лишь друг.

— Ты мой лучший друг, Эйми, — эхом повторил Джеймс мои мысли. От разочарования у меня сразу поникли плечи, и он провел пальцем по моему подбородку, приподняв мое лицо. — На самом деле, ты для меня значишь гораздо больше. — Голос его стал тише, в нем появились нотки робости: — Я уже говорил тебе, ты знаешь меня лучше, чем кто-либо на свете. И я по-настоящему влюблен в тебя.

— О-о... — выдохнула я, округлив губы.

Тут лицо Джеймса просияло широкой улыбкой, лучезарнее и ярче августовского солнца, и он обхватил меня медвежьими объятиями, оторвав от пола.

— Господи, как же я рад, что мы снова с тобой в одной школе! Теперь мы сможем видеться гораздо чаще.

— То есть до этого мы с тобой недостаточно часто виделись? — съязвила я.

— Этим летом — нет. — Он опустил меня на ноги, однако объятий не разжал. — Слушай, ты же снова сможешь передавать мне записочки на переменах.

Мои щеки залились пунцовым румянцем.

— Мне нравились твои записки. Я по ним уже соскучился.

Я смущенно улыбнулась:

— Ну, тогда я, пожалуй, напишу тебе еще.

Джеймс наконец отпустил меня и сунул в рот еще одно печенье.

— А ну! Хватит есть печенье Кристен!

— А ты не делай его таким вкусным. — Тут он внезапно обхватил ладонями мое лицо. Не ожидая от него такого, я шумно втянула воздух. Джеймс вперился в меня восхищенным взглядом. — Бог ты мой, твои глаза вблизи еще прекраснее. Они такие голубые! Прямо как Карибское море! Можно я снова тебя поцелую?

— Да, если хочешь, — едва слышно произнесла я.

Ощущение от поцелуя было для меня настолько ново, и мне не терпелось испытать это еще раз. Затаившаяся было внутри меня бабочка опять взмахнула крылышками, готовясь совершить новый полет. Джеймс широко улыбнулся, я улыбнулась в ответ, и, счастливо рассмеявшись, мы поцеловались.

— А тебе точно не влетит, что ты здесь? — спросила я через какое-то время, подумав, как недовольны будут его родители, узнав, что он пропустил футбольную тренировку.

— За меня не беспокойся. Они ничего не узнают. Я успею вернуться до их прихода. — И, чтобы меня успокоить, он чмокнул меня в нос.

Тут затрезвонил домашний телефон, и я вмиг отскочила от Джеймса.

— Это всего лишь телефон, Эйми, — рассмеялся он. — Не бойся, твои родители нас не застукали.

— Ха-ха, очень смешно, — огрызнулась я. Щеки у меня горели ярче, чем уголь в

раскаленной топке.

Я сняла трубку, глядя, как Джеймс закатывает рукава и опорожняет карманы, выкладывая на стол содержимое: бумажник, какую-то квитанцию, монеты, ключи от «БМВ-323-С1», который подарили ему родители на шестнадцатилетие. Потом он прошел на веранду, где в уголке располагалась его маленькая художественная студия. Не отрывая глаз от Джеймса, я слушала Томаса, оказавшегося на другом конце линии, и по мере того, как он говорил, улыбка моя все более тускнела. Когда Томас закончил, я повесила трубку — и обнаружила, что Джеймс внимательно за мною наблюдает.

— Все в порядке? — насторожился он.

— Тебе надо идти. Твоя мама уже едет домой, и с ней Фил.

Джеймс тихо выругался. Со своим двоюродным братцем он по-прежнему не ладил. Однажды он застал Фила, который рыскал по его письменному столу. Я знала, что все подаренные мною открытки и разные безделушки Джеймс хранит в нижнем ящике. А еще он хранил все мои записочки и письма. Неужели Фил их прочитал? Этого Джеймс утверждать не мог, однако заметил, что исчезла наша с ним фотография. На снимке мы ели фруктовый лед на палочках, и Джеймс невзначай приобнял меня за плечи. Мне было тогда двенадцать, и я надела свое первое в жизни бикини, которое уговорила маму купить при условии, что папа никогда меня в нем не увидит. Лицезреть свою маленькую дочурку, прикрытую этими куцыми лоскутками, было бы для него чересчур. А потому, когда мама Кристен отдала мне для альбома эту фотографию, я тут же подарила ее Джеймсу. Мне не хотелось, чтобы этот снимок нашел папа — но теперь, когда я боялась, что фото стащил Фил, прежние страхи уже казались пустяком.

Джеймс оглянулся на кухню, задумчиво потирая кисти рук.

— Похоже, мне надо идти.

— Джеймс, твой отец...

Он напряженно посмотрел на меня:

— Что?

— Он уже дома и спрашивает, где ты.

Кровь отхлынула от его лица.

— Джеймс?

— Все, убегаю. Потом тебе позвоню.

Он схватил со стола ключи и устремился на выход.

— Джеймс, бумажник!

Хлопнула входная дверь. Я схватила его бумажник, в котором хранилось водительское удостоверение. Если Джеймс собирается поехать куда-нибудь дальше, чем к себе домой, за пару кварталов от меня, оно ему ой как пригодится.

Когда я выскочила на крыльцо, его «БМВ» уже сворачивал за угол. Я бегом припустила к дому Джеймса, рассчитывая перехватить его до того, как он зайдет внутрь, и примчалась, когда тот уже шел по аллее, ведущей к крыльцу.

— Джеймс! — отдуваясь от бега, окликнула я.

Он резко обернулся и изумленно уставился на меня, увидев, как я остановилась на тротуаре возле его машины. Я согнулась, опершись руками в колени и пытаюсь отдышаться. Подняв голову, протянула к нему руку:

— Твой кошелек.

Джеймс заморгал, машинально похлопав по задним карманам брюк. Потом подошел и

забрал у меня бумажник.

— Спасибо, — сказал он, внимательно всматриваясь куда-то за моей спиной.

Я глянула через плечо и увидела миссис Донато, въезжающую на подъездную дорожку.

На переднем пассажирском сиденье, вперившись в меня взглядом, сидел Фил.

— Иди домой, Эйми, — бросил Джеймс.

Я повернулась. На крыльце уже стоял Эдгар Донато, сжавший губы в тонкую сердитую линию. В ожидании Джеймса он держал дверь открытой.

Джеймс обернулся через плечо.

— Иди домой, — снова сказал он мне, на этот раз довольно резко. — Прошу тебя, — добавил Джеймс, увидев, что я даже не тронулась с места. Мой взгляд перескакивал с него на мистера Донато и обратно.

Лицо Джеймса смягчилось. Он обхватил ладонями мои щеки, мягко провел большими пальцами по скулам:

— Все будет хорошо. Иди домой. Я тебе вечером позвоню.

— Ладно.

Я проводила его взглядом, когда он заходил в дом — гордо выпрямившись и расправив плечи. Эдгар вскользь взглянул на меня и проследовал за ним в дверь, на ходу вытягивая из брюк ремень.

Припомнив, как Джеймс рассказывал мне о том, какие следы были после порки у Томаса, я невольно ахнула: «Бедный Джеймс!»

— Привет, Эйми!

Меня словно подбросило. С тревогой я обернулась на Фила, которого отделяла от меня лишь бровка тротуара.

— Давненько не виделись, — осклабился он.

Его широкая улыбка немного успокоила меня, теперь я не так беспокоилась о Джеймсе. После нашего знакомства мы не виделись пять лет, и он порядком изменился. Вообще, мне казалось очень странным, что мы с ним с тех пор не встречались, учитывая, что он часто навещал свою тетюшку.

Фигура Фила была по-прежнему выше и худощавее, нежели у Томаса и Джеймса. Шитые явно на заказ строгие брюки и белая сорочка добавляли к его девятнадцати лишние пару-тройку лет. Выглядел он в целом благородно и напыщенно. Он казался намного старше меня — и совсем не моего круга. Мне был совершенно чужд тот мир, в котором обитало семейство Донато — с его дорожными одедами и автомобилями, со зваными ужинами и официальными приемами. Люди вроде меня видели подобный стиль жизни разве что по телевизору. Мне все это казалось пугающим. И сам Фил тоже внушал мне страх.

Я снова посмотрела на дом, в волнении заламывая пальцы.

— С Джеймсом все будет в порядке?

Но Фил лишь пожал плечами:

— Похоже, Эдгар не на шутку рассердился. Что Джеймс такого натворил?

— Пропустил тренировку по футболу.

Едва эти слова сорвались у меня с языка, как внутри что-то екнуло: Фила-то это совсем не касается.

— Так, значит, наш «золотой мальчик» на деле не такой уж золотой? — издал он ехидный смешок. Потом указал рукой в сторону моего дома: — Давай провожу?

— М-м... Давай, — машинально согласилась я.

Неспешной походкой мы двинулись прочь — совсем не так, как всего несколько мгновений назад я бешено неслась к дому Джеймса. Я все еще никак не могла прийти в себя, на лбу и шее выступили капли пота. Не задумываясь, я подергала на груди майку, обмахивая тело ее тонкой материей, и тут же краем глаза заметила, что Фил внимательно следит за моими движениями. Я тут же перестала теревать одежду, неожиданно вспомнив о своей маленькой груди, которая в этом году наконец-то проявилась.

— А ты сильно повзрослела с тех пор, как я тебя видел в последний раз, — заметил Фил.

Мои и без того пылавшие после бега щеки теперь просто зажгло. Я опустила голову... и тут же округлила глаза: я по-прежнему была в своем фартуке с рюшечками, в котором пекла дома печенье. Я торопливо сдернула с себя передник.

— Ты очень мило выглядишь. Тебе он, кстати, идет, — обмолвился Фил.

Я свернула фартук в тугий комок и сложила руки на груди, пряча притягивающий его взгляд вырез на майке и свою подростскую грудь.

— А ты надолго приехал? — спросила я, переводя разговор и пытаюсь отвлечь Фила от столь откровенного разглядывания моей фигуры. И заметно ускорила шаг, желая поскорее добраться до дома.

— Ненадолго. Всего на пару дней.

— Что, твой отец опять в разъездах?

Фил криво усмехнулся, явно потешаясь надо мной. Теперь он не нуждался в чьей-то опеке на время отцовского отсутствия, как это было, когда я встретила его впервые. Теперь он был студентом колледжа. Вот черт, какой дурацкий вопрос!

Лицо у Фила вдруг стало серьезным, едва ли не взволнованным. Может, он вспомнил о Джеймсе? Я за него тоже очень переживала. У меня перед глазами до сих пор вставала картинка, как мистер Донато вытягивает из брюк ремень, и от гнева у него багровеют щеки, чуть ли не вываливающиеся из-под тугого воротничка рубашки. За последние пару лет он изрядно прибавил в весе.

— С Джеймсом же все будет хорошо, да? — снова спросила я, отчаянно нуждаясь, чтобы меня успокоили на этот счет. — Мистер Донато был слишком уж серьезно настроен.

— Ничего с Джеймсом не случится, все будет нормально. Просто мистер Донато малость перенапрягся на работе, только и всего.

«И теперь он выместит это на Джеймсе?» — подумала я и в панике взглянула на Фила.

Тот задумчиво потер пальцами подбородок.

— Послушай, Эйми. Мой отец уже совсем немощен, и Эдгару приходится управлять «Донато Энтерпрайзес», пока я не стану достаточно взрослым, чтобы принять контору в свои руки. А еще мне осталось всего два года доучиться в колледже.

Из всего, что он мне объяснял, меня сразили два момента: что он ничуть не думает о Джеймсе и что его отец при смерти. Мамочки мои, какая же я эгоистка! Поцелуй Джеймса и грозящее ему наказание меня будто оглушили.

— Очень сочувствую... Жаль, что с твоим отцом так плохо. И все же здорово, что он передает тебе компанию. Теперь по окончании колледжа тебе не придется искать работу.

— Это точно, — кивнул Фил. — Еще очень давно, когда я был совсем мальчишкой, папа говорил, что хочет когда-нибудь передать мне свое место.

Он остановился. Мы подошли к моему дому.

— Спасибо, что проводил, — сказала я.

— Всегда рад.

Я слегка взмахнула на прощанье рукой и отступила к крыльцу.

— И спасибо тебе за сочувствие по поводу моего отца. Это много для меня значит...
Погоди-ка! — позвал он, когда я уже была у двери. — А Джеймс все так же рисует у тебя дома?

Моя ладонь застыла на дверной ручке. Откуда он узнал, что Джеймс занимается живописью? Да, Фил когда-то подкинул мне идею хранить у себя кисти и краски Джеймса — но я никогда ему сама об этом не говорила. И Джеймс бы тоже не сказал. За исключением моих родителей, о том, что Джеймс устроил у нас на веранде свою студию, знали только Ник и Кристен. И уж точно ни один из них не проболтался бы об этом ни Томасу, ни тем более Филу, боясь, что те расскажут об этом его родителям.

Тут я вспомнила про свои записки в столе Джеймса. Когда мы оба учились в средних классах, я не раз ему писала, спрашивая, не собирается ли он зайти после школы ко мне порисовать, незаметно передавая ему свои послания в коридоре на перемене. Фил, должно быть, читал мои записки.

У меня ухнуло сердце, и на лице, вероятно, это отразилось, поскольку Фил сразу расплылся в широченной ухмылке — мол, «я знаю вашу тайну». У меня будто кровь отлила от головы.

— Не бойся, — кивнул мне Фил, — я не выдам секрет Джеймса. Но мне бы очень хотелось посмотреть его работы.

И он направился ко мне.

Я тяжело сглотнула. Моя рука в нерешительности повернула дверную ручку, дверь чуть приоткрылась...

— Мне не разрешают в отсутствие родителей приглашать в дом посторонних.

— Но ведь я не посторонний. И вообще, — он остановился на ступеньке крыльца, — знаешь, если с Джеймсом у тебя не сложится, я был бы рад с тобой встречаться.

Я даже опешила. Он серьезно?! Фил же меня настолько старше!

— Извини, но я не могу никого пускать. Пока, Фил! — И я быстро скользнула в дом. Мне хотелось как можно скорее скрыться от него за дверью.

— Подумай об этом, Эйми. За эти годы я часто о тебе вспоминал. Это было бы очень здорово. — На прощанье он отсалютовал, коснувшись двумя пальцами своих губ и взмахнув рукой в мою сторону, а потом скрылся из виду. Входная дверь наконец захлопнулась.

Я заперла замок и, развернувшись, сползла на пол, прижавшись спиной к двери. Закрыла лицо ладонями. Ф-фу! Встречаться с Филом! Надо же такое предложить!

Итак, он знал о занятиях Джеймса, и это был мой промах. Мне вообще не следовало об этом упоминать в своих записках. А Джеймсу не надо было их у себя хранить. Но это был Джеймс — и я не могла его винить. Он был очень сентиментален. Одаренный художник с очень чувствительной душой.

Прошло еще два года, прежде чем я снова увидела Фила. Впоследствии мы периодически с ним пересекались — к примеру, на воскресных обедах у Эдгара и Клэр. Фил частенько на них присутствовал. Слава богу, он никогда больше не спрашивал насчет творчества Джеймса.

Что же касается Джеймса, то наш первый поцелуй в тот день явился лишь началом. Благодаря ему мы перешли мостик, соединявший дружбу с более глубокими, серьезными отношениями между нами, которые со временем стали еще ближе.

Джеймс так и не признался мне, что отец крепко выпорол его ремнем, хотя шипел и уворачивался всякий раз, когда моя рука случайно задевала его поясницу. Он объяснял это потянутой на тренировке мышцей, и я не стала докапываться, в чем истинная причина его боли. Мне не хотелось заставлять его испытывать какую-то неловкость — хватило того, что он уже прочувствовал. Джеймсу явно было совестно, что он ослушался отца. Он даже дал тогда зарок до окончания школы не пропускать больше ни одной футбольной тренировки.

Июль

Спустя год после похорон Джеймса кофейня «У Эйми» была готова к открытию. Еще совсем недавно казалось уму непостижимым, что я сумею такое осуществить! Прежде вообще было трудно представить, что я когда-либо стану вести жизнь одинокой и независимой бизнес-леди. И опять же, прежде я и подумать не могла о том, что когда-нибудь стану жить без Джеймса. Но мне все-таки пришлось собраться с силами и, несмотря на невероятные сложности со строительством и собственные сомнения, чувствовала я себя вполне довольной и на удивление счастливой.

Меня терзали разные сомнения: во-первых, вопрос, способна ли я потянуть это новое для себя дело, а во-вторых — неуверенность по поводу гибели Джеймса. Свои мысли об этой истории я, конечно же, держала при себе. Спрятала от всех и крепко закупорила. Если не считать визитку с мексиканского курорта, у меня по-прежнему не было ничего, что могло бы убедить меня в том, что Джеймс жив. Мне просто требовалось найти какой-то способ начать свои поиски — но так, чтобы при этом мои родители, подруги и Томас не сочли, будто я теряю рассудок, поверив всему, что сказала мне та ясновидящая, хотя я собственными глазами видела, как Джеймса погребли. Временами мне самой казалось, что я схожу с ума — достаточно вспомнить те галлюцинации в туалете.

Последние девять месяцев пролетели в водовороте всевозможных хлопот. Частенько приезжали родители узнать, как продвигаются дела в моем будущем ресторанчике. Еще ко мне нередко навещался Ян, ненадолго отрываясь от своих фотографий. Он старательно проверял, как идет перестройка помещения — не пытаются ли, дескать, разные субподрядчики меня облапошить. Не халтурит ли кто и не пытается ли сэкономить на качестве работы. Я ему сказала, что для этого у меня есть Надя, и что с ней-то точно никто не рискнет связываться. Но я сама прекрасно понимала, что Ян использует это только как предлог, чтобы почаще быть возле меня, и потому позволила ему присматривать за процессом. Мне нравилось, когда он был рядом.

К июлю уже был нанят и обучен необходимый персонал, продукты расставлены по полкам. Резкие запахи краски и штукатурки выветрились, сменившись стойким ароматом кофейных зерен и аппетитным духом свежей выпечки. В общем, все было готово и стояло на местах.

И вот настал субботний вечер накануне, так сказать, «пробного запуска» кофейни «У Эйми», когда родителям и друзьям предстояло опробовать мое меню, а персоналу — показать свое мастерство на деле. Пока что не возникло никаких серьезных препон, чтобы отменять торжественное открытие моей кофейни на будущей неделе. Точнее, не возникло до сегодняшнего дня. Джина — мой менеджер смены и главный бариста — внезапно объявила, что уходит. Мол, подруга предложила пожить в ее квартире в Лондоне. В общем, завтрашним утром Джина предполагала улететь.

Оставалось меньше двадцати четырех часов до «пробного запуска» — а у меня не было ни одного достаточно опытного кофевара. Райана и Джилли только-только Джина обучила делу.

Я взволнованно вышагивала вдоль барной стойки. Предполагалось, что кофейня «У Эйми» будет работать по индивидуальным заказам. Завтра я могу, конечно, выкрутиться и

без главного бариста — но к официальному открытию заведения я, кровь из носа, должна иметь в штате человека, уже набившего руку в соединении сортов кофе и к тому же умеющего добавлять в напиток сиропы и специи. Того, кто имеет опыт работы с оборудованием и знает все его возможные причуды. А вдруг что-то пойдет не так?

Над дверью звякнул колокольчик, и в зал вошел Ян.

«Ян!» — осенило меня. Вот он, мой спасительный звоночек — в самом что ни на есть буквальном смысле.

Я тут же бросилась к нему:

— Мне нужна твоя помощь!

— Что случилось? — схватил меня за плечи Ян. — Ты себе что-то повредила? — Он встревоженно оглядел меня с головы до пят.

— Джина внезапно уволилась, — объяснила я и добавила: — А завтра у меня пробный запуск.

Как будто он сам о том не знал!

На лице Яна расплылась самодовольная улыбка.

— И тебе требуется моя помощь. В приготовлении кофе, надо полагать?

— Не будь таким воображалой.

Ян сложил руки на груди, и я раздраженно фыркнула:

— Да, Ян, мне необходима твоя помощь. Настал момент, когда ты можешь наконец блеснуть своими способностями за кофейной стойкой.

— О, маловерные! — Коллинз с хозяйским видом двинулся к кофемашине, и я невольно закатила глаза. Он окинул взглядом стоящие рядами емкости с кофейными зёрнами и всевозможными сиропами, чистые кофейные чашки.

С тех пор, как мы познакомились, Ян уже довольно много времени успел провести в моем доме. Мы вместе смотрели фильмы или просто разговаривали. Я при нем экспериментировала с новыми рецептами — готовила разное рагу, пекла всевозможные тарты и булочки, а Ян их пробовал. Как-то раз, застав его, когда он просматривал мою подборку с вариантами купажированного кофе, я съехидничала, что ему вовсе нет нужды изображать интерес. На следующий день он явился ко мне с несколькими рецептами кофе собственного состава, и я, подтрунивая над его дилетантскими вкусами, не преминула все же добавить его напитки в свое меню. Когда я попробовала кофе по его рецептуре, это оказалось чертовски замечательно.

Ян вызывающе поглядел на меня из-за кофемашины:

— А ты не забыла о нашем пари?

Я поморщилась, припомнив наш разговор в первый день знакомства. Судя по тем рецептам, которые я добавила в меню, у Яна был вполне реальный шанс сварить кофе вкуснее, чем это получалось у меня.

Очевидно, наступит час, когда я проглочу горькую пилюлю уязвленного самолюбия.

— Нет, не забыла. — Я испытующе посмотрела на Коллинза. А ведь он готов был мне проиграть! — Ладно, замётано. Но я все же хочу, чтобы ты сварил вот этот особый состав.

Перегнувшись через стойку, я вытащила свою подшивку с рецептами и пролистнула до «Латте Панаджи с лесным орехом», названного так в честь долины Панаджи в Индии, где производят этот сорт фундука. Рецепт был наисложнейший, для него требовалась совершенно уникальная смесь привозных кофейных зёрен и заморских специй. Джина потратила немало времени, чтобы учесть все нюансы для приготовления этого напитка:

стоило чуть-чуть не рассчитать со специями, и характерного для него, изысканного аромата уже не получалось.

Ян внимательно прочитал указания, потом потер ладони:

— Ну, что же, смотри и учись, дорогая.

Я насмешливо фыркнула и уперлась боком в выступающий край стойки.

Ян со знанием дела начал суетиться перед кофемашиной, отбирая необходимые ингредиенты. Вот перемололись зерна, запустилась функция «эспрессо» — и темная густая жидкость засочилась в предварительно подогретую им чашку. Я вдохнула чудесный пряный аромат — и моя тревожность сразу отступила.

Ян вспенил молоко и, слегка помешивая, влил его в эспрессо. Потом улыбнулся и протянул чашку мне. На поверхности кофе оказалось выведенное пеной сердечко — в точности повторяющее форму облачка пара над кофейной кружкой на моем логотипе.

— Да ты еще и в кофе-арте мастер, — пробормотала я. — Это просто восхитительно!

— Попробуй.

Я подняла чашку к носу. Фундук, корица... и что-то еще.

— Ты изменил рецептуру.

— Вышей, прежде чем судить.

Я глотнула кофе, и внутри у меня словно растеклось нагретое желе.

— Имбирь... и...

Он устремил на меня выжидательный взгляд.

— Кардамон.

Ян кивнул.

— Здорово. — Я сделала еще глоток. — Ей-богу, невероятно вкусно... Просто божественно... Ты утвержден.

— Отлично. И когда мне приступать к работе?

Я подняла на него взгляд, пытаюсь понять, серьезно он спрашивает или опять шутит.

Ян между тем аккуратно сложил полотенце и медленно двинулся в обход кофейной стойки:

— Тебе нужен менеджер смены, который хоть что-то в этом деле смыслит, — ну, а мне нужна работа.

— А как же твои фотографии?

— Я планирую, конечно, новые поездки и новые выставки. Работа мне нужна не ради денег. Просто между путешествиями я люблю чем-то себя занять. Почему, думаешь, я тут день-деньской рядом с тобой дурака валяю?

— Так это, значит, от нечего делать? — даже опешила я. — А я-то думала, это потому, что тебе нравится быть рядом со мной.

Ян легонько провел пальцем по моей щеке.

— Ну, не огорчайся так. Мне и в самом деле нравится проводить с тобой время. Причем очень нравится.

Меня сразу охватило жаром, лицо и шея запылали.

Ян улыбнулся.

— Пока что я никаких серьезных поездок не планирую. Разве что небольшие экскурсии туда-сюда на пару дней. Я подготовлю себе штатную замену на время отсутствия. Так что ты на это скажешь?

Что я скажу? Предложение Коллинза для меня явилось сущим спасением, и к тому же я

смогу видаться с ним каждый день. Хотя с тех пор, как мы встретились, я и так видела его практически каждый божий день.

— Мы заключим договор. Давай-ка я принесу документы об оформлении. Сейчас вернусь.

Пока Ян заполнял все нужные бланки, я закончила развешивать по стенам картины Джеймса, чем как раз и занималась перед неожиданным звонком Джини. В гараже раньше стояли восемь объемных коробок с холстами, а теперь у меня осталось лишь двенадцать картин, готовых для публичного показа, не считая тех, которые висели у меня дома. Управляющий склада у Томаса никаких работ Джеймса на хранение не брал. Полиция тоже не смогла ничем помочь. Заявление я написала спустя не один месяц после того, как поняла, что картины пропали, к тому же не была до конца уверена, что их действительно украли. Никаких признаков насильственного проникновения обнаружено не было, посторонних отпечатков пальцев полицейские тоже не нашли. И к тому же ничего больше в гараже не пропало.

Ян прошел через зал и придержал подо мной лестницу.

— Этих картин я еще не видел. Изумительная живопись.

Повесив холст, я спустилась вниз.

— Они хранились у меня в гараже. Было больше, но их я почему-то не могу найти.

— Что, испарились? — Ян растопырил пальцы и выдохнул: — Пуф-ф-ф!

— Похоже на то. Я уже везде их искала. Даже заявление в полицию написала.

Ян изучающе посмотрел на меня.

— Очень сожалею. Он был очень талантлив.

— Да, именно так. — Я указала рукой на примыкающую стену: — А вот эта стенка терпеливо ждет твоих шедевров.

— Ты сегодня вечером будешь дома? — спросил Ян, и когда я кивнула, добавил: — Я принесу кое-какие работы. Выберешь, что захочется, и первое, что я сделаю утром — это их повешу.

— Только если ты обещаешь мне, что при этом не станешь говорить по-французски.

* * *

Ян подъехал ко мне домой незадолго до восьми — как раз когда я закончила покрывать глазурью лимонный торт с голубикой. Я пошла открыть ему дверь. Коллинз, одетый в джинсы и черную рубашку, стоял на крыльце и смотрел на меня с хитровой усмешкой. Я открыла дверь пошире, и он занес в дом большой плоский футляр для переноски картин.

— В машине есть еще. Куда мне это положить?

Я указала на обеденный стол. Ян осторожно положил туда футляр и расстегнул на нем молнию.

— Их тут три. Две можешь вывесить в оконной витрине — если их кто-то купит, тебе причитаются проценты. А третья фотокартина — твоя.

— Моя? — Я подошла поближе.

Ян развернул изображение ко мне.

Это был «Рассвет над Белизом». Изумленно ахнув, я пристально посмотрела на Коллинза.

— Это тебе, — кивнул он.

— Ян... — выдавила я, на какое-то время просто лишившись дара речи. — Но мне казалось, ты ее давно продал.

Он с улыбкой покачал головой:

— Нет, я просто снял ее тогда с продажи. Это подарок.

То есть он почти что год держал эту работу у себя, дожидаясь удобного момента, чтобы мне ее преподнести?

У меня внутри все сжалось. Повертев на пальце кольцо, я нерешительно коснулась краешка специально состаренной деревянной рамы, напоминавшей край обтрепанного штормами дощатого пирса. И тут же представила, сколько все это может стоить.

— Я не могу принять такой подарок.

Ян окинул взглядом стены моего жилища, увешанные картинами Джеймса.

— Ну, если здесь ей нет места — значит, повесь у себя в кофейне.

— О нет, Ян, дело не в этом. Просто это слишком дорогой подарок.

И в то же время у меня даже пальцы зудели, чтобы забрать поскорее у него из рук фотокартину.

— Сама же знаешь, что очень хочешь, чтобы она была твоей, — легонько качнул он рамой.

— Это точно. — К тому же я прекрасно понимала, что для самого Яна крайне важно, чтобы эта его работа оказалась у меня. Я не смела лишиться его такого удовольствия. — Спасибо тебе огромное.

— Пожалуйста. — Он прислонил фото к спинке стула.

— Знаешь, когда я выбирала цветовую палитру для оформления кофейни, я все время вспоминала эту фотографию. Я поклонница твоего творчества.

В его глазах внезапно открылась темная глубина, подбородок напрягся.

— Спасибо.

Во мне вдруг всколыхнулось странное, непривычное желание, и я поспешно отвела взор.

— Может, хочешь пива? — спросила я неестественно высоким голосом.

Ян шумно вдохнул, уперся руками в бока.

— Да, пожалуй.

Я выхватила из холодильника пару бутылок, сдернула с них крышки и протянула одну из них Яну. Глядя, как его кадык перекачивается в такт глоткам, я невольно сглотнула.

Тут он принюхался, раздувая ноздри:

— Чем это пахнет? — И хищно посмотрел на столешницу буфета. — Там, часом, не тортик?

— Да, лимонный торт с голубикой.

— А дегустатор не требуется? — спросил он с дьявольской ухмылкой.

Я даже скривилась:

— Пиво с тортом?

— Ну да. Почему бы не попробовать? — Он принялся рыскать по кухонным ящикам. — Это джекпот. Никогда не знаешь, где и кто победит. — Наконец он нашел нож для торта.

Я достала из шкафчика две тарелки, а Ян тем временем разрезал торт. Из середины тут же засочилась ягодная начинка.

— А там что? — любопытствовал он.

— Голубика. Я всегда использую только свежие ягоды, не признаю консервы.

Ян довольно кивнул, перекладывая кусочек торта на ближайшую тарелку.

— Глазурь сделана из творожного сыра с лимонным желе, лимонным соком и цедрой.

На-ка, попробуй!

Не подумав, я подцепила пальцем немного глазури и поднесла к его рту. Глаза у Яна на мгновение вспыхнули, и тут же его губы сомкнулись вокруг кончика моего пальца. Я почувствовала, как языком он быстро слизнул глазурь, и меня до самого позвоночника словно пробило током. Я широко раскрыла глаза. Боже ты мой! Совершенно невероятное ощущение!

Я быстро вытянула палец из его туго сомкнутых губ. По кухне разнеслось тихое «чпок», и Коллинз коротко хохотнул, низким, очень сексуальным тембром. Мои щеки отчаянно горели — но куда сильнее полыхал бушевавший во мне пожар.

Ян между тем с интересом смотрел на меня, наблюдая за моей реакцией. Потом не торопясь положил в рот кусочек лимонно-ягодного торта. И вновь движение его кадыка притянуло мой взгляд, мое горло пересохло.

— Ты победила, — тихо произнес он, слизывая с губ остатки глазури.

Ян вдруг оказался совсем близко ко мне. Я даже с силой выпрямила колени, чтобы к нему не прислониться. Я частенько из любопытства пыталась представить себе, каково это будет — очутиться в его объятиях, почувствовать, как его язык касается моего — вот как сейчас, когда он слизывал с кончика моего пальца глазурь. Я подозревала, что меня ждет такое ощущение, какого я не испытывала никогда и ни с кем. И все будет совсем не так, как было с Джеймсом. Возможно, даже лучше.

Однако Ян был мне всего лишь добрым другом, и я с самого начала наших отношений ясно дала понять, что, несмотря на всю мою симпатию к нему, он для меня существует только в этом качестве.

Я на миг зажмурилась и отвернулась.

— А что еще ты привез?

Ян опустил тарелку на стол и достал из переноски еще две фотографии в рамках. Прислонил их к спинке дивана. Это были «Туманное утро» — изображение осинового рощи, запечатленное, как он рассказывал мне, в Сьерра-Неваде, и «Сумерки в пустыне».

— Тот самый снимок из Дубаи, — лукаво улыбнулась я.

— А что? — насторожился Ян.

— Ты обещал рассказать его историю. С чем у тебя связано это фото?

Коллинз поморщился.

— Я ненавижу верблюдов.

— И всё?

Ян сложил руки на груди.

— А они, в свою очередь, ненавидят меня. По крайней мере, вот этот, — указал он на последнего верблюда в караване, — точно терпеть меня не мог.

Он вновь принялся за пиво и, опустившись на диван, похлопал ладонью рядом с собой. Я тоже села, подобрав под себя ноги. Ян вытянул руку вдоль спинки дивана.

— В общем, ездить верхом — не самое мое излюбленное занятие.

— А, ну да. Вспомнить хотя бы тех мулов в Перу, — съязвила я.

— Именно. — Он отхлебнул пива. — Я долго ехал по пустыне, пытаюсь отыскать идеальную для снимка дюну. И на каждой дюне, которую мы миновали, пока не наткнулись на ту, что на снимке, эта скотина меня сбрасывала. Причем чем круче оказывался склон, тем

ему больше нравилось издеваться надо мной, поскольку я скатывался вниз и потом был вынужден взбираться обратно. К концу дня я превратился в ходящий мешок с песком. Этот песок забился в волосы, в одежду, в... — Он ухмыльнулся, не вынимая изо рта горлышко бутылки. — Ну, сама представляешь. Моей фотоамуниции тоже изрядно досталось.

— Ой, мамочки...

— Я ж говорю! В копеечку мне влетело это путешествие. Так что в ближайшем обозримом будущем меня туда уж точно не потянет.

— А чем запомнились осины?

Ян поставил на стол полупустую бутылку и развернулся ко мне:

— Другой день — другая история.

Его взгляд опустился к моим губам, и у меня от напряжения даже стянуло кожу. В комнате внезапно стало очень тихо — слышался лишь приглушенный гул кондиционера, шум проезжающих мимо по улице машин и наше сливающееся воедино дыхание. Та наэлектризованность, что я ощутила недавно в кухне, тут же вернулась, быстро заряжая тесное пространство между нами. Ян медленно, даже осторожно придвинулся ко мне поближе. Мои веки опустились, рот разомкнулся...

— Не надо, — прошептала я, когда его губы оказались совсем рядом с моими.

Он застыл, но не отстранился.

— Ты правда мне нравишься, Ян, — невольно призналась я.

По его горлу тихим рокотом прокатился смешок. В еле уловимом движении воздуха между нами я ощутила его улыбку.

— Это радует, — пробормотал он.

— И меня к тебе действительно влечет, но... — Я облизнула губы.

— Но? — переспросил Ян, почувствовав мои внутренние колебания.

По моей спине пробежала нервная дрожь. Я проглотила застрявший в горле комок, но ничего больше не сказала, и Коллинз чуть подался назад. Он нахмурил лоб, задумчиво потер нижнюю губу.

Я поставила свое пиво рядом с бутылкой Яна и, встав, отступила к камину, остановившись перед нашим с Джеймсом помолвочным портретом. Чтобы донести до Яна все то, что я должна была ему сказать, мне нужно было хоть немного от него дистанцироваться.

— Я хочу, чтобы ты знал, что я... — Мое лицо уже пылало багровыми тонами. От волнения я снова сглотнула. — Что меня к тебе тянет. Что между нами возникло нечто большее, чем просто дружба, и я это чувствую.

Палец, которым он теребил губу, замер, глаза загорелись.

— Нет, не надо, прежде выслушай меня, — замотала я головой, пытаюсь остановить Яна, когда он протянул ко мне руки. — Пока я не могу отдаться этому чувству. Да и не хочу, на самом деле. Пока не время...

В нерешительности я глубоко вдохнула, собираясь духом. За это время Ян стал для меня таким же дорогим другом, как Надя и Кристен, и потенциально мог стать еще более дорогим для меня человеком. Я полностью доверяла ему и постепенно открыла для себя, что могу поведать ему, можно сказать, все что угодно. Все, за исключением моих сомнений насчет смерти Джеймса.

Ян уже знал, как долго мы с Джеймсом встречались, и хорошо понимал, насколько трудно мне было внезапно остаться одной. Все наши планы и мечты разрушились в одно

мгновение — точно ветровое стекло в момент автомобильной аварии. Неотвратно и сокрушительно. И теперь, когда я подбирала разбитые осколки прошлого, Ян со мною вместе смеялся над разными забавными историями из нашей с Джеймсом жизни, которыми я с удовольствием делилась с ним. Или же, случалось, он давал мне вдоволь выплакаться на его крепкой широкой груди. И если кто-то действительно заслужил право знать, что меня втайне изводит и мучает, так это был как раз Ян.

— Вот скажи: если бы ты внезапно узнал, что тот, кого ты, казалось бы, навеки потерял, по-прежнему жив, но ты и понятия не имеешь, где он может находиться, — что бы ты сделал?

Морщинки на его лице углубились. Он резко вдохнул и, помолчав немного, ответил:

— Я бы обыскал весь свет, обшарил каждый уголок земли.

Я стиснула губы и сосредоточенно кивнула. Наверное, именно это мне и требовалось сделать. И начать надо было с мексиканского Пуэрто-Эскондидо.

Ян склонил голову набок, внимательно глядя на меня:

— А что произошло?

— У меня есть некоторые причины считать, что Джеймс на самом деле жив, — проболталась я.

Ян изумленно вскинул брови и даже легонько потряхнул головой:

— Что?

— Я думаю, что Джеймс жив, — очень тихо произнесла я.

— Как это? Почему? — Он засыпал меня вопросами. — Разве ты его не похоронила?

— Да, — кивнула я, — но я ведь так и не видела его тела.

— Но это вовсе не означает... — Умолкнув, он потер лицо ладонями. Потом, наклонившись вперед, оперся локтями в колени. — А почему ты считаешь, что он..? — Ян описал в воздухе круг, не в силах закончить фразу.

— Почему я считаю, что он жив? — переспросила я, крутя на пальце подаренное Джеймсом кольцо. — Это совершенно неправдоподобная история.

— И ты сомневаешься, что я в нее поверю. Потому-то ты мне об этом и не рассказывала?

Я кивнула.

— А кому-нибудь вообще рассказывала?

Я помотала головой, крутя кольцо еще быстрее.

Долгое мгновение мы с Яном напряженно глядели друг на друга. Наконец он глубоко вздохнул и протянул мне руку:

— Иди-ка сюда. Садись и все мне расскажи.

Я сжала его пальцы и позволила усадить себя на диван. Руки моей он так и не отпустил, и, когда мы повернулись лицом друг к другу, наши тесно сплетенные пальцы остались лежать на его бедре. Другую руку Ян вытянул вдоль спинки дивана. И пока не растеряла самообладание, я поведала ему и о той странной ясновидящей на похоронах Джеймса, и о том, как ездила к ее дому, и как выронила на улице бумажник, торопясь от нее скрыться. И о том, как эта женщина, возвращая мне кошелек, подсунула туда визитную карточку отеля «Каса-дель-Соль».

— Думаешь, Джеймс живет в этой гостинице?

— Если честно, то я даже не знаю, что и думать, — пожала я плечами.

Я объяснила, что, стоило мне всерьез задуматься о словах Лэйси, как мне явились очень

странные видения в дамской комнате ночного клуба. И что тут же всплыли вопросы и насчет исчезновения картин Джеймса, и насчет того, что я так и не увидела воочию его тела, которое Томас якобы доставил из Мексики. И теперь, желая, чтобы Ян понял, почему он не может стать для меня больше, чем другом, покуда я не разрешу своих сомнений, — я жаждала получить от него уверения в том, что эти сомнения вполне оправданны.

Ян несколько раз шумно вдохнул и выдохнул, храня молчание, и я беспокойно заерзала на месте.

— Ты считаешь, я совсем свихнулась, раз поверила этой ясновидящей?

— А ты действительно ей веришь? Послушай, Эйми... — заговорил он, и, не давая ответить, он придвинулся ко мне поближе. Наши колени тесно сомкнулись. — Я вовсе не считаю, будто это так уж глупо — поверить в то, что какой-то незнакомый человек говорит о том, к кому устремлены твои надежды, особенно когда ты легко уязвим и скорбишь об утрате. Это нормальная человеческая реакция. Знаешь, я расскажу тебе одну историю. — Ян уселся на диване поудобнее и притянул меня к себе поближе. — Во время своих путешествий я видел собственными глазами столько всего странного и невероятного — причем во многое не могу поверить до сих пор. На свете случаются вещи, которых мы не в состоянии объяснить. Я вот до сих пор не представляю, как меня отыскала та женщина-экстрасенс, которую отец нанял для моего розыска.

— Правда? А что тогда случилось?

Он чуть помедлил, играя с моими волосами на плече.

— Видишь ли, у моей матушки было вот тут не все в порядке, — легонько постучал он пальцем по моему виску. — И она исчезала на долгие промежутки времени. Отец тоже часто отлучался. Но однажды, когда мне было девять лет, когда мы еще жили в Айдахо, исчез я. Я пропал целых пять дней, пока отцу не удалось меня найти. Полиция оказалась бессильна, и поэтому он нанял ясновидящую. Потом она мне объяснила, что это ее магия указала, где я прячусь. Никогда не забуду, как она выглядела. У нее были очень длинные и очень светлые, почти белые, волосы. И глаза — совершенно невероятного цвета. Я тогда решил, что она ангел.

— Ангел... — задумчиво повторила я. Светлая и неземная. Как Лэйси. Внезапно у меня закололо в затылке.

— Хм-м, — качнул головой Ян и искоса взглянул на меня, в грустной полуулыбке приподняв уголок рта. — Я никогда и никому еще об этом не рассказывал.

Я была очень рада, что он со мною поделился своей историей. От этого мне стало как-то легче, я уже не считала себя совсем уж сумасшедшей.

Ян провел тыльной стороной ладони по моей щеке, и его взгляд устремился к помолвочному портрету.

— Вы с Джеймсом очень долго были вместе, и я представляю, как тяжело тебе, должно быть, его отпустить. Но только обещай мне, что ты не используешь эту ясновидящую для себя как довод, чтобы не позволить себе влюбиться опять. — Он пронзил меня взглядом: — Потому что я уже влюблен в тебя без памяти.

Когда я в пять утра приехала к кофейне, Ян уже поджидал меня у входа. Он разместил на стене свои фотокартины, и я в который раз восхитилась его работами — и в то же время порадовалась, насколько угадала с интерьером. «Рассвет над Белизом» просто идеально подходил к убранству заведения.

Наконец Ян спустился со стремянки.

— Чему ты улыбаешься?

— Я знала, что твои картины чудесно сюда впишутся.

Он бросил молоток в ящик с инструментами.

— Мои картины *везде* вписываются, — пробурчал Ян, и я шутливо похлопала его по плечу.

Когда пришел персонал, я объявила новость насчет Джинны и представила им в качестве замены Яна. Не считая моего шеф-повара Мэнди, с которой я работала в «Старом козле», и двух бариста, Райана и Джилли, я наняла еще четырех официанток и одного официанта. Сегодня, на пробном запуске, работали только двое из них, Эмили и Фэйт.

Где-то минут за десять до открытия я собрала скромный штат сотрудников. Нас ждал своего рода тест-драйв. Предстояло оценить организацию работы нового заведения, опробовать меню, выявить какие-то недостатки и получить практические рекомендации. Причем приглашены были только друзья и родственники, и все устраивалось чисто домашнему.

Я очень гордилась и самим расположением своей кофейни, и ее интерьером, мне нравилось меню, которое разработали мы с Мэнди, а от предлагаемого нами роскошного ассортимента свежесваренного кофе я была просто в восторге. Однако, увидев стоящих на улице, за окном, своих родителей, я так разнервничалась, что горло перекрыл тугой комок.

— Посмотри на меня, — шепнул мне на ухо Ян.

Я повернулась к нему. Он смотрел на меня с воодушевлением. Ян взял мое лицо в ладони:

— Все пройдет отлично. Ты будешь молодецом.

Я с готовностью кивнула.

Он посмотрел на часы и улыбнулся:

— Пора.

— Да, — отозвалась я и решительно сжала губы.

Ян пошел отпирать двери. Внезапно я остановила его:

— погоди!

Он удивленно поднял бровь, и я быстро вытерла ладони о бедра. Здесь, рядом со мною, должен был быть Джеймс, и именно ему так хотелось присутствовать при этом открытии. Но почему-то мне вовсе не казалось нечестным и неправильным, что возле меня был Ян. Единственное место, где мне сейчас хотелось его видеть — это именно рядом со мной.

Я быстро схватила Яна за руку, и он пожал мне пальцы:

— Все в порядке. Я с тобой.

Как раз это мне и необходимо было услышать. Я вдохнула поглубже и распахнула двери, приглашая в кофейню родителей и друзей.

Мое лицо охладил внезапный порыв ветра, словно неся в себе тихий голос Джеймса:

Наш пробный запуск прошел как нельзя более гладко. Ян поистине виртуозно орудовал за стойкой эспрессо, с изумительной расторопностью готовя кофе по непрерывно поступающим заказам. Райан и Джилли едва за ним поспевали — но они-то как раз еще учились. Передавая готовые заказы официанткам Эмили и Фэйт, Коллинз умудрялся еще и расширять мое, и без того обширное, меню. Приготовленные Мэнди фриттеры из цукини и панини с цыпленком по-тайски пользовались бешеным успехом.

Глядя, как Эмили обслуживает моих родителей, я почувствовала, что сердце заколотилось чаще.

— Расслабься, — спокойно пробормотал за моей спиной Ян.

Я глубоко втянула воздух. От Яна пахло сандаловым деревом и мылом с легким оттенком корицы.

— Они же всю жизнь в ресторанном деле.

— Так ведь и ты тоже, — возразил он и слегка помассировал мне плечи. — Перестань тербить фартук.

Я тут же выпустила из кулаков измятую ткань.

— А вдруг им не понравится, как у меня готовят? Или Эмили прольет им воду на колени? А вдруг...

— Они — твои родители. Иди-ка лучше, поболтай с ними.

Я шумно вздохнула.

— Да, ты прав. — И я, без раздумий, приподнявшись на цыпочки, быстро поцеловала его в губы.

Этот жест вроде бы казался вполне естественным — однако изумил нас обоих. Долгое мгновение мы ошарашенно смотрели друг на друга. Ян оправился первым. Большим пальцем он тронул мою нижнюю губу — и тут же уронил руку.

— Извини, — тихо сказала я, крутя кольцо на пальце.

— Не стоит.

Я перевела взгляд на родителей, и Коллинз легонько подтолкнул меня в направлении их столика:

— Все, иди.

Я взяла стул для себя и через плечо посмотрела на Яна. Тот послал мне улыбку, от которой у меня все внутри всколыхнулось, и вновь обратился к кофемашине. Я под села к родительскому столику, как раз между мамой и папой.

— Ну как? — спросила я, собравшись с духом. — Что вы обо всем этом думаете?

Взор у отца увлажнился, и у меня самой глаза тоже заволокло слезами.

— Я очень тобой горжусь, — расплылся он в улыбке.

— Эти фриттеры — нечто божественное, — добавила мама, когда прожевала. — Так Мэнди и передай.

— Правда? Вам понравилось? — с облегчением откинулась я на спинку стула. — Ну, слава богу! А то я просто изнервничалась.

Матушка отрезала ножом еще кусочек фриттера.

— Особое тебе спасибо, что взяла к себе Мэнди. А то я, всех распустив, очень переживала. Ведь многие работали у нас долгие годы. Мы уже стали, как одна семья. — Мама погладила мою руку: — Прелестный получился у тебя ресторанчик.

Я прикрыла рукой ее ладонь.

— Да уж, пришлось потрудиться.

— Ты замечательно со всем справилась. — Она нежно взглянула на меня: — И главное, пришла в норму после всех переживаний, случившихся за последний год. Мы с твоим отцом... — Тут она запнулась и, кивнув на отца, стала утирать глаза.

— Мы знали, что у тебя все получится, детка, — закончил за нее отец.

Матушка отпила из стакана воды.

— А почему за стойкой Ян?

— Джина вчера уволилась.

— М-м-м, — одобрительно покивала она, наблюдая за его работой. — Как удачно получилось!

Папа легонько хлопнул меня по спине:

— Одно из особенностей собственного дела. Привыкай. Джина — далеко не последний работник, который уйдет, не предупредив заранее.

Ян, должно быть, почувствовал на себе наши взгляды: он поднял голову и жестом нас поприветствовал.

Вскоре приехала Надя вместе с Марком — тем самым агентом по коммерческой недвижимости, с которым она повстречалась на выставке у Яна. С тем самым, что был женат. Увидев их вместе, я удивленно вскинула бровь.

— У нас деловая встреча, — торопливо объяснила мне подруга.

— В воскресенье?

— Марк хочет открыть свой ресторан, а я ему хотела показать, что ты тут сделала.

— Ладно-ладно, как скажешь, — подняла я ладони, словно защищаясь.

— Мы с ним не встречаемся, — стояла на своем Надя. — Он, кстати, только-только ушел от жены.

Я с интересом посмотрела на Марка, который в это время разговаривал чуть поодаль с Ником, однако его полный обожания взгляд все время устремлялся к Наде. Он определенно был без ума от моей подруги, и я ей тут же об этом сказала. Мне так хотелось, чтобы она тоже обрела свое счастье...

Надя тоже понаблюдала за Марком. Когда тот пожал руку Нику, на ее губах заиграла легкая улыбка.

— А что, начать встречаться с Марком — совсем не плохая мысль, — подбодрила я подругу. — Разумеется, после того, как он разведется с женой.

Кристен все это время фотографировала интерьер.

— Скину тебе по почте, — пообещала она. — Выложишь у себя на сайте или «повесишь» на общественном форуме. У тебя ведь уже есть свой общественный форум?

— Пожалуй, мне это лучше записать, — сказала я и, достав из кармана фартука блокнотик, быстро черкнула для памяти пару слов. Список всего, что мне предстояло сделать до начала следующей недели, неуклонно рос.

Спустя пару часов я блуждала по ресторанному залу, подходя к каждому столику и спрашивая мнение гостей о кухне и об обслуживании. За маленьким столиком в самом углу кофейни я заметила Томаса. Он сидел на том же самом месте, где мы с Джеймсом

неизменно устраивались у Джо. Вскоре и я присела напротив него. Он разглядывал развешанные по стенам работы Джеймса. Под его глазами залегли печальные тени.

— Он был безусловно талантлив. И был бы весьма польщен, что ты у себя разместила его творения.

— Жаль, их у меня совсем немного.

Увы, эти картины были не лучшими работами Джеймса.

— Я бы с радостью нашел для тебя еще.

В голове у меня тут же зародился один вопрос, и когда он оформился, я ужаснулась: я ни за что не спросила бы об этом раньше.

— Томас, — осторожно заговорила я, — ведь твоя мать не могла забрать себе его картины?

Я вдруг подумала, что, может, Клэр хотелось что-то оставить себе на память о Джеймсе, или, что несомненно хуже, уничтожить его работы. Или их мог умыкнуть Фил. Разве не мог он их стащить, а потом почувствовать себя слишком неловко, чтобы признаться, что это он стянул коробки из моего гаража? Когда в первый раз, я просила Томаса их поискать, я была чересчур убита горем, от рыданий не могла даже нормально говорить.

— Да вряд ли. Ее никогда не интересовало творчество Джеймса, — ответил он.

Я выдохнула. Даже испытал немалое облегчение от того, что работы Джеймса скорее всего не попали к Клэр, я все-таки была разочарована. Так я по крайней мере знала бы, куда они исчезли.

— А ты не хочешь ее об этом спросить?

Томас помотал головой и принялся неторопливо потягивать кофе. Черный, без сливок. Потом улыбнулся, сохраняя на лице все ту же подавленность:

— Ты много чего достигла всего за этот год.

Я непроизвольно огляделась вокруг, проникаясь царящими в кофейне звуками. В кухне брякали кастрюльки. Мэнди выкрикивала очередные заказы. Ян молот новую порцию кофе. Слышалось шипение «эспрессо» и капучинатора. Я посмотрела на свои руки — дрожащие от волнения пальцы машинально выковыривали из-под ногтей несуществующую грязь.

— Знаешь, я по-прежнему ощущаю его присутствие, вот здесь, — прижала я ладонь к груди. — И поэтому мне очень трудно поверить в то, что он мертв. Я его чувствую, даже несмотря на то что прошел целый год. Как ты думаешь... — начала я и, заколебавшись, глянула на Томаса из-под ресниц. Потом набрала воздуха и, пока меня не покинула храбрость, высказала мучивший меня вопрос: — Как ты думаешь, то тело, которое мы погребли, не могло оказаться чьим-то другим?

Томас вздрогнул и на короткое мгновение сузил глаза... Но тут же так зримо охватившее его напряжение отступило, точно океан перед цунами.

— Нет, — ответил он как-то чересчур спокойно. — Это был Джеймс.

Мой вопрос явно его расстроил, а ответ не принес мне ни малейшего успокоения.

— Извини. Забудь о том, что я спросила.

— Я чувствую то же самое, Эйми, — качнул он головой.

Я в ответ кивнула, не разжимая губ.

Наконец он отставил свою чашку:

— Спасибо за кофе. Он был чудесен. — Томас поднялся, разгладил образовавшиеся на брюках складки. — Очень рад, что Джо все же пересмотрел твою заявку. Заранее было ясно, что ты сделаешь конфетку из его заведения.

Я прищурилась, разглядывая свою обувь. Откуда он мог знать, что Джо дал мне второй шанс? Томасу я точно не говорила, что Джо сначала отклонил мою заявку. Пересмотрел он свое решение еще тогда, когда я только собиралась позвонить Томасу и попросить выступить сопоручителем.

В этот момент Томас посмотрел за мое плечо, и его лицо заметно напряглось. Проследив за его взглядом, я ничего необычного не заметила: перед стойкой стояла вереница людей, желающих себе что-то заказать; за кем-то, только что вышедшим, захлопнулась дверь.

Когда я вновь посмотрела на Томаса, он был красным как рак.

— Ты в порядке? — встревожилась я.

— Нормально, — резко ответил он. — Мне показалось, я кое-кого узнал.

Томас рывком отодвинул свой стул и, быстро попрощавшись, вышел из кофейни.

Я прибрала столик, за которым он сидел. По дороге на кухню путь мне преградила Эмили.

— Женщина за восьмым столиком просила вам это передать. — Она вручила мне открытку и заторопилась обслуживать следующий столик.

За восьмым столиком было пусто. Тот, кто там сидел, уже ушел. Я посмотрела на открытку — и мир вокруг меня словно обрушился. Это была реклама некой картинной галереи в Мексике, студии художника. На лицевой стороне был изображен рисунок, выполненный тонкой кистью, кончик которой был обмакнут в так хорошо знакомый мне «карибский голубой», которым пользовался Джеймс, подписывая свои работы. А в самом низу открытки размещалась фотография одной из его исчезнувших картин.

«Что за...?»

В этот момент из кухни донесся жуткий грохот. Посетители кафе тут же встревоженно подняли головы, глядя в направлении кухни. Я сунула открытку в карман фартука и ринулась туда. Когда я присела на корточки, помогая Мэнди собирать разбитую посуду, мои руки отчаянно дрожали, так что мне трудно было собирать осколки.

Мэнди нетерпеливо топталась рядом, пытаюсь меня успокоить, и наконец я, извинившись, скрылась в туалете. Заперев дверь, я в изнеможении привалилась к ней спиной. Я тяжело дышала, меня словно накрыло шоком. Дрожащими пальцами я вытащила из кармана открытку и посмотрела на нее еще раз.

На лбу выступили крупные капли пота. Как это возможно?

— Эйми! — постучала в дверь Эмили. — Вы там?

Я резко вздрогнула.

— Да. Минуточку.

— Вы очень нужны Мэнди на кухне.

— Передай, что сейчас буду.

Я сунула открытку обратно в карман фартука и до поры задвинула на задворки сознания всю чудовищную значимость этого открытия. Сейчас мне требовалось сосредоточиться на насущном и выдержать до конца сегодняшней день.

* * *

На семидесятипятидюймовой плазменной панели в библиотеке господина Донато

питчер бейсбольной команды «Нью-Йорк Метс» решительно вскочил на свою горку на стадионе «AT&T Park» в Сан-Франциско. Был конец девятого, то есть последнего, иннинга в игре против «Джиантс», и все базы были уже заняты. «Метс» опережал противника на три очка. Питчер послал мяч к «дому». Снаряд прорезал воздух со скоростью девятюсто две мили в час и тютелька в тютельку вметелился в битку Барри Бондса. Тр-рессь! Мяч взмыл в воздух, пролетел над полем и упал прямо в перчатки болельщику — через два ряда от стены, отделяющей секцию трибуны. Готово! Хоум-ран!

Джеймс и Томас вскочили с мест. Они вопили и улюлюкали, вскидывая руки и хлопая друг друга в ладони.

— Все, конец игры! — сложил руки в замочек Томас. — Настало время расплатиться.

Тихо выругавшись, Эдгар Донато склонился вбок в своем кожаном кресле и вытащил бумажник. Достал оттуда две стодолларовые купюры.

— Я уже говорил тебе, Эйми, как удручает меня то, что ни один из моих сыновей не остался до конца верен «Метсам»?

— Да, говорили, сэр. И даже не один раз. — И мы с ним улыбнулись друг другу.

В Лос-Гатос семейство Донато переехало из Нью-Йорка. Оба мальчика — и Том, и Джеймс — быстро переориентировали свою спортивную приверженность на «Сан-Франциско Фортинайнерс» и «Джиантс».

Эдгар вручил каждому сыну по купюре, и Томас с Джеймсом довольно стукнулись сжатыми кулаками. Потом Джеймс наклонился, взял мое лицо в ладони и запечатлел на моих губах громкий, смачный поцелуй.

— С меня ужин, детка. Как-нибудь на днях.

— Звучит как приглашение, — улыбнулась я, касаясь губами его губ.

Джеймс выпрямился и сунул деньги в передний карман.

— Только тебе придется приехать на свидание в Пало-Альто. У меня на этой неделе экзамены, и я не смогу сюда вернуться.

Эдгар зажег сигару и принялся раскуривать ее короткими затяжками, отчего табак на кончике занимался ярко-оранжевыми вспышками.

— Расскажи-ка мне, Эйми, — проговорил Эдгар, наполняя легкие дымом, — ты уже как-то определилась со своими планами? Чем собираешься заняться после окончания школы?

— Да, сэр, определилась. — Я подвинулась на краешке дивана так, чтобы оказаться лицом к мистеру Донату, сидевшему рядом со мной в кресле. Выпуск ожидался уже через шесть недель. В меня это вселяло всевозможные страхи и тревоги и вместе с тем до глубины души будоражило неизвестностью. — Вам уже известно, что в ближайшие два года я буду учиться в колледже «Де Анза» и смогу по-прежнему помогать своим родителям в «Старом козле». А потом я планирую поступить в Кулинарную академию в Сан-Франциско и закончить образование там.

— Что ж, очень здоровое намерение с твоей стороны, — кивнул Эдгар, сжав лежавшие на коленях ладони. Дым от его сигары поднимался вверх легкими завитками, создавая между нами туманную завесу. — Когда твои родители решат отойти от дел, ты сможешь заняться их бизнесом.

Джеймс закатил глаза. С Эдгаром это была обычная история. Мол, родители ответственны за то, чтобы оставить своим отпрыскам доброе наследство, а отпрыски ответственны за то, чтобы суметь этим наследством распорядиться.

— Пожалуй, это интересная мысль, — неохотно согласилась я.

— А я думаю, что после окончания Академии Эйми откроет собственный ресторан. — Забрав у меня пустой бокал, Джеймс отнес его к бару. Я тут же услышала за спиной щелчок открываемой крышки и шипение — он вскрыл новую банку и налил мне еще колы.

— Даже не знаю, — пожала я плечами. — Возможно, когда-нибудь у меня и появится собственное заведение. Однако в первую очередь я понадобится своим родителям.

Томас вслед за Джеймсом прошел к бару и налил себе новую порцию виски.

— Если ты откроешь ресторан, я буду есть там каждый день.

Я рассмеялась, глядя на Томаса через плечо:

— Ты же растолстеешь!

Томас выразительно приподнял бутылку с виски в сторону Эдгара, и тот согласно кивнул.

— Мне, кстати, нравится, как готовят у твоих родителей в «Козле».

Я изумленно уставилась на него:

— А вы что, там обедали?

— Да, и не раз.

Родители ни разу не упоминали, что видели у себя родителей Джеймса. Мне всегда казалось, что их паб сильно не дотягивает до предпочтений четы Донато.

Тут в комнату вошла Клэр.

— Через пару минут Мари будет готова подать ужин, — объявила она.

— Это хорошо, — посмотрел на часы Томас. — Мне еще надо вернуться домой и подготовить предложение для нашего партнера «Шахайя Тик». Во вторник лечу в Индонезию.

Томас только недавно закончил Стэнфордский университет. В свои двадцать два он уже успешно управлял несколькими довольно крупными дочерними предприятиями «Донато Энтерпрайзес».

Из коридора донеслись громкие тяжелые шаги.

— Фил, милый! Вот уж не ожидала тебя увидеть! — воскликнула Клэр, и ее лицо засветилось радостью. — Ты поужинаешь с нами?

Все повернули головы к вошедшему в библиотеку Филу. Он крепко обнял Клэр, что-то шепнув ей на ухо. Потом обвел глазами комнату, и его взгляд остановился на мистере Донато.

— Можно вас на пару слов, Эдгар? — заявил Фил, высвобождаясь из объятий Клэр.

Мистер Донато поднялся с кресла, разгладил на брюках складки и ответил:

— После ужина.

— Вы отменили сделку с «Костасом», — упрекнул его Фил, проигнорировав ответ Эдгара. — Зачем вы это сделали?!

Лицо Эдгара побагровело, глаза сузились. Он гневно посмотрел на Фила:

— Сегодня воскресенье. Я же сказал: обсудим это после ужина.

— Нет! Обсудим сейчас! — взорвался Фил.

Я аж подпрыгнула на месте. Джеймс весь напрягся, выпрямил спину. Томас прищурился.

Фил прошел в глубь библиотеки и остановился возле дивана, возвышаясь надо мной.

— Вы целую неделю не отвечали на мои звонки! — прогремел его голос у меня в ушах.

Я вскочила на ноги и ретировалась к бару. Мы с Джеймсом настороженно

переглянулись.

— Сделка с «Костасом» была для нас невероятно выгодной. «Донато» при этом получили бы огромную прибыль.

— А за счет чего? — спросил Эдгар тем же возмущенным тоном, что и Фил. — Они производят мебель из бразильского ореха. Все наши исследования и проверки подтверждают, что их древесина поступает не из возобновляемых лесохозяйств. Она приобретает нелегально.

— Чушь собачья! Сами с ними поговорите! Я сейчас наберу номер их президента.

— Не трать напрасно время. «Донато» сотрудничает лишь с экологически грамотными производителями мебели. И «Костас» к ним не относится. Все, конец дискуссий. — Эдгар резко воткнул сигару в пепельницу и, прихватив наполненный Томасом стакан с виски, направился к двери, оставив Филадельфию стоять в центре комнаты.

— Нет, так просто вы от меня не уйдете! — зарычал Фил, когда Эдгар был уже у порога. — Я еще не закончил!

Я посмотрела на Джеймса, который неподвижно застыл возле меня. Интуитивно я чувствовала, что передо мной происходит не просто обсуждение какой-то отмененной сделки.

Фил ткнул пальцем в сторону Эдгара:

— Вы не имеете права что-либо предпринимать, не посоветовавшись сначала со мной!

— Как президент компании я имею на это полное право!

— Вы меня выставили полным тупицей!

Эдгар рассмеялся:

— Это уж ты сам таким выставился. Хочешь, чтобы тебя иначе стали воспринимать в «Донато»? Хочешь, чтобы я сам прочил тебя на место президента? Тогда заканчивай свои авантюрные выходки и прекращай устраивать рискованные сделки. Вот тогда и поговорим. Я не допущу, чтобы ты развалил нашу компанию, наделав всяких глупостей. В противном случае...

— В противном случае — что? — издевательски ухмыльнулся Фил. — Передадите бразды правления своему «недотепа Томми»^[8]? Да у него хребет слабоват, чтобы быть президентом. Все наши клиенты будут об него ноги вытирать. Фирме нужен настоящий лидер, у которого хватит духу проворачивать эти ваши «рискованные сделки», если мы вообще хотим поднять нашу компанию на новый уровень. А уж никак не этот вот Джимбо^[9], — ткнул он пальцем в Джеймса. — Он больше времени будет малевать разные цветочки да трахать свою девку.

Я невольно ахнула, стора от стыда. Джеймс резко смял банку содовой, которая была у него в руке. Никогда не видела его таким разгневанным.

Тяжело дыша, Фил диким взглядом обвел комнату, заметив наши ошарашенные лица. Наконец его взор остановился на Джеймсе, который тоже смотрел на него, яростно сверкая глазами. На лице у Филадельфию вдруг проступило недоверчивое изумление:

— А они что, еще не знают? И ты все эти годы от них это скрывал? — Он зашелся низким и хриплым смехом. — Обалдеть! А ты, оказывается, куда лучше умеешь хранить секреты, чем я думал. Bravo, Джимбо! — И он театрально захлопал в ладоши.

— Фил, не надо... — подала я голос.

— А это означает, — он резко повернул ко мне голову, — что насчет нас троих она тоже до сих пор не в курсе? — Он по очереди указал пальцем в Джеймса и Томаса, после

чего ткнул себе в грудь.

— Лучше... заглохни... — тихо прорычал Джеймс.

— Джеймс, о чем это он говорит? — поинтересовалась Клэр. Ее лицо заметно побледнело. — Он что, хочет сказать, что ты занимаешься рисованием?

— Это означает, что твоему сыну нет никакого дела до «Донато Энтерпрайзес», — ответил за Джеймса Фил. — Он хочет лишь рисовать красивые картины, и занимается этим с тех самых пор, как ты велела ему отдать обратно подарок Эйми. — Фил сложил на груди руки. — На самом деле, у него получается очень недурно. В смысле, в живописи. А уж как он там трахает свою подружку, я не имею понятия.

У меня будто кровь отлила от тела, я была не в силах двинуться с места. Ну, почему он так жесток и безжалостен? И как он, черт возьми, узнал, что Джеймс действительно талантлив? Он что, разве видел его картины? Я попыталась вспомнить, не доводилось ли ему когда-либо заходить в наш дом. И уж точно не припоминала, чтобы родители хоть раз упоминали, что Фил к нам заглянул.

Однако несмотря на все потрясение от того, что Фил рассказал о нашей тайне, мне были понятны его грубые, бестактные нападки. Он был отчего-то крайне зол и обижен и теперь пытался выместить это на нас с Джеймсом.

Между тем Фил снова уставился на меня, с ухмылкой склонив голову набок:

— А может, ты нас просветишь насчет вашей интимной жизни?

— Фил! — в ужасе вскрикнула Клэр.

Джеймс рванулся было к нему, но Томас ухватил его за пояс и с силой оттащил назад.

— Он этого не стоит, — увещевал он Джеймса. — И никогда того не стоил.

— А ну, выметайся прочь из моего дома! — проревел Эдгар.

Фил, как укушенный, крутанулся к нему.

— «Донато» все равно будет моим! — завопил он, брызгая слюной. — Он мой по праву рождения! И будет моим!!! — Тяжело топая, Фил вышел из библиотеки и с такой силой хлопнул дверьми, что они даже, спружинив, приоткрылись.

— Фил! — устремилась за ним Клэр.

Джеймс в ярости отпихнул от себя Томаса. Мне стало за него страшно. Картины Джеймса вполне могли поспорить с теми утонченными творениями искусства, что украшали стены родительского дома, и когда взлелеянный им в тайне талант вдруг с такой грубостью раскрыли перед всеми, это стало для него ударом, подлым и болезненным. Такого Джеймс точно не никогда простит Филу.

Эдгар прошелся к окну и, сунув руки в карманы, тяжелым взором уставился на задний двор.

— Так ты у нас, значит, художник?

Джеймс поджал губы, лицо его напряглось.

— Его картины, мистер Донато, достойны крупной галереи, — сказала я, поскольку Джеймс молчал. Он тут же дернулся головой в мою сторону, сверкнул глазами. — Это правда, Джеймс! — пылко прошептала я.

— И этому ты хочешь посвятить свою жизнь? — спросил Эдгар у Джеймса. Голос его звучал огорченно.

— Я уже не знаю, какого черта я хочу! — И Джеймс в неистовстве вылетел из комнаты.

— Наверное, нам все же стоило позволить ему спокойно рисовать, — задумчиво пробормотал Эдгар своему отражению в окне. Пожав плечами, он посмотрел на меня: —

Клэр никогда не одобряла эту мысль. Она не хотела, чтобы у наших сыновей было серьезное увлечение, способное вдохновить их на какую-либо иную карьеру, нежели в компании «Донато». И я ее в этом поддерживал, невзирая на то, хотели мальчишки там когда-либо работать или нет. С тех пор, как их прадед основал эту компанию, в ней неизменно трудились все сыновья в каждом поколении. То же самое мы ждали от наших сыновей. — Он вновь отвернулся к окну. — Еще одно горькое сожаление, с которым мне теперь придется жить.

Томас подошел ко мне, тихонько потер мне ладонью плечо:

— Ты в порядке?

Я посмотрела на Томаса.

— Фил мерзавец, — сказал Томас и начал мне объяснять, что же так подействовало на Фила, что он так разошелся. — Видишь ли, мы с ним оба претендуем на место президента компании, которое занял мой отец после того, как умер дядя Грант — это отец Фила. А как ты слышала, Фил в последнее время принимает далеко не самые мудрые деловые решения.

Я кивнула, на самом деле не слишком вникая в то, о чем мне говорил Томас.

— Пойду-ка я посмотрю, как там Джеймс.

Извинившись, я выскочила из комнаты и побежала искать Джеймса. Тот уже сидел в машине и даже завел двигатель. Я быстро скользнула на переднее сиденье, и, едва захлопнулась дверца, Джеймс включил передачу. Шины с визгом рванулись по асфальту, и я быстро начала пристегиваться ремнем.

Джеймс поехал окольными путями, направляясь в сторону Бульвара Скайлайн и нашей заветной лужайки — особого местечка, где мы любили с ним бывать наедине.

В том, как резко Джеймс переключал передачи, явственно проступала бушевавшая в нем ярость. Он закладывал крутые повороты и все больше увеличивал скорость. Я даже схватилась за ручку дверцы:

— Какой смысл мчаться на нашу полянку, чтобы любить там друг друга, если мы по пути туда где-нибудь разобьемся?

Джеймс снизил скорость, и уголок его рта приподнялся было в легкой улыбке. Но он тут же выругался и хлопнул ладонью по рулю:

— Но откуда он это знает, черт его дери?

— Кто? Фил? Наверное, из наших с тобой записок.

— Из наших чего?

— Из записочек, которыми мы втихаря обменивались в школе. Помнишь, однажды ты засек, как он рылся в твоём письменном столе? Наверное, как ты и подозревал тогда, он их прочитал. — И еще я снова рассказала Джеймсу, как несколько лет назад Фил провожал меня до дома.

Джеймс скосил на меня взгляд.

— Ты мне об этом не рассказывала, — буркнул он.

Остановившись перед съездом на Скайлайн, Джеймс взглянул в зеркало заднего вида. Сзади нас нагоняла машина с включенным дальним светом.

— Да нет, рассказывала. Ты еще обозвал Фила идиотом и сказал, что даже не хочешь о нем говорить. Тебе вообще никогда не нравилось его обсуждать. К тому же тогда тебе куда интереснее было, что называется, прибрать меня к рукам. Помнишь? Это было как раз после нашего первого поцелуя.

Джеймс широко улыбнулся и бросил на меня страстный взгляд:

— Это я помню.

Я смутилась.

— Как бы то ни было, Фил обещал мне хранить нашу тайну. Сама же я никогда и никому не признавалась в том, что ты занимаешься живописью.

— Ну, судя по всему, он не способен держать язык за зубами. — Джеймс вывернул на трассу Скайлайн. — В следующий раз увижу — точно отметелю как следует.

Автомобиль с включенным дальним светом все так же следовал за нами, мощными фарами, точно прожектором маяка, освещая салон машины Джеймса. Выругавшись еще раз, Джеймс быстро глянул во внутреннее зеркало:

— Этому дебилу давно бы надо фары переключить.

Я посмотрела в боковое зеркало. Машина позади прочно засела у нас «на хвосте», оставив между нами дистанцию не больше длины автомобиля.

— Вот чего я никак не могу понять: откуда Филу известно, что ты действительно хороший художник?

— Он что, получается, видел мои картины?

Я помотала головой:

— Да нет, он ни разу не заходил ко мне домой. По крайней мере, при мне. И родители тоже ни разу не заикались, чтобы он к нам приходил. Хотя они никогда не говорили, что твой отец бывал в «Ирландском козле». Сегодня я впервые об этом услышала.

Джеймс вздохнул:

— Ну что, теперь мои родители все знают.

Я погладила его по бедру.

— Ну, тебе уже все-таки не пятнадцать лет. Теперь они не смогут запретить тебе рисовать.

— Я знаю. Просто... — Он потер свою руку. — Мне не хотелось, чтобы они узнали об этом таким вот образом.

Для меня это было что-то новенькое.

— А ты что, как-то планировал их в это посвятить?

Джеймс пожал плечами.

— Я представлял, как приглашу их в картинную галерею — и они страшно удивятся, обнаружив там выставку моих работ. Что, может, даже купят себе какую-то картину и повесят, к примеру, у себя в библиотеке. Черт, надо будет им что-нибудь преподнести.

Ах, Джеймс! У меня даже сердце замерло от переживаний за него. Джеймсу требовалось не просто признание его творчества. Он хотел, чтобы его родители воспринимали его искусство не просто как какое-то мимолетное хобби.

— Глупая была идея, — пробурчал он.

— А по-моему — замечательная.

— Теперь все равно поздно.

Джеймс проехал мимо поворота, ведущего к нашей лужайке. Я обернулась через плечо:

— Ты пропустил наш съезд.

— Знаю.

Его взгляд быстро перескакивал с дороги на внутреннее зеркало и обратно. Джеймс промчался еще несколько сотен ярдов и шустро съехал с трассы, пропустив идущего впритык водителя вперед.

Я даже ахнула:

— Похоже на машину Фила!

Джеймс подождал, пока та машина скроется за изгибом дороги, и развернулся, направляясь обратно, к съезду на наше местечко.

Наконец Джеймс свернул на проселок и выключил фары.

— Так, на всякий случай.

— Ничего себе! Он, должно быть, дико взбешен, раз кинулся за нами в погоню.

— Я не знаю, кто это был, но все равно не собираюсь рисковать. Я не хочу, чтобы кто-нибудь сейчас знал, где мы находимся.

— А что он, кстати, имел в виду, когда говорил о вас троих? — спросила я Джеймса, имея в виду его, Томаса и Фила.

Я почувствовала, как Джеймс напрягся.

— Да ладно, все нормально. Ты не обязан мне это говорить.

Он заглушил мотор.

— Тут нет ничего важного. Забудь.

И все же Джеймс явно умалял значимость какого-то факта. Из него до сих пор выплескивалась через край ярость и еще какие-то эмоции, и я затруднялась их определить. Он совершенно очевидно был чем-то сильно встревожен, хотя мне велел ни о чем не волноваться. Я рассудила, что придет время, и он сам обо всем мне расскажет.

Джеймс открыл дверцу машины, и тут же в салоне вспыхнула лампочка. Я часто заморгала, пока глаза привыкали к свету.

— Идем, — улыбнулся Джеймс. — Мои родители, наверно, огорчатся, что мы не явимся на ужин, но мне сегодня еще надо вернуться в Стэнфорд и приниматься за учебу. — Его улыбка стала дразняще-шаловливой: — Пойдем, развеемся немного.

Джеймс прихватил из машины тонкие одеяла, а также айпод и динамики «Jawbone» и двинулся по тропинке. Я поспешила за ним, вслед за Джеймсом перебравшись через низенькую ограду и петляя между деревьями. Наконец они расступились, открыв перед нами огромное звездное небо. Наше любимое местечко находилось на высоком горном кряже, открывающем чудесный вид на горы Санта-Круз. В эту прохладную весеннюю ночь на небе не было ни облачка.

Джеймс включил айпод, запустив «The Way You Move» рэперского дуэта «OutKast».

У меня даже брови поползли на лоб:

— Любопытный выбор. Ты у нас сегодня, значит, боевой и дерзкий?

Джеймс поиграл плечами и медленно, невероятно сексуально расплылся в улыбке. У меня внутри все задрожало.

— Иди ко мне, детка. — Он притянул меня в свои объятия, наклонился, чтобы поцеловать. Но не успели его губы коснуться моих, как все его тело внезапно напряглось. Джеймс поднял голову, настороженно взглянув через мое плечо.

У меня холодок пробежал по коже.

— Что такое?

Он напряженно сощурился, но потом мотнул головой и опустил взгляд на меня:

— Показалось.

— Может, какое-то животное?

— Может быть, — ответил Джеймс и чмокнул меня в нос. — Ты очень красивая.

Я улыбнулась и, отступив на шаг, стянула через голову свой тонкий свитерок, бросив его на землю. Джеймс довольно усмехнулся. Потом в ночи раздался звук расстегиваемой на

моей юбке молнии. Улыбка с лица его исчезла, глаза проводили сползающую по ногам юбку. Наконец, выбравшись из балеток, я перешагнула через нее.

Легкий ветерок, пахнувший свежим ананасом и древесным дымом, обдувал мою кожу, было довольно прохладно. Я сжала руки в кулаки:

— А здесь холодно!

— Как же ты прекрасна!

Джеймс шагнул ко мне, крепко прильнул губами. Он обхватил меня за талию и, просунув пальцы под резинку трусиков, стянул их вниз, одновременно опускаясь на колени и целуя меня в бедра. Я резко вздохнула, вся дрожа от сырого воздуха и его влажных поцелуев.

Вскоре он отшвырнул трусики к беспорядочной горке моей одежды и увлек меня вниз. Расстегнул на мне лифчик и, целуя обнажившееся тело, уложил меня на одеяло, тут же прикрыв другим, чтобы я не замерзла. Потом торопливо разделся сам и юркнул под одеяло, притянув меня к себе.

— Я люблю тебя, — прошептал он у самых моих губ и поцеловал их.

— Я тоже тебя люблю.

Приподнявшись, он за чем-то потянулся, и вскоре послышался звук разрываемой фольги. Джеймс чуть поерзал под одеялом, натягивая презерватив, и тут же вошел в меня, энергично задвигавшись. Я сцепила руки у него за шей, обхватила ногами талию, подстраиваясь под его нарастающий ритм.

— Только не отпускай, — шепнул он мне в самое ухо и стал яростно пробиваться в меня резкими иступленными толчками.

— Ни за что.

Минуло уже четырнадцать месяцев после того, как Джеймс отправился в Мексику, и год, как я его похоронила. В каком-то смысле я продолжала жить дальше, но это не всегда удавалось. Одежда Джеймса по-прежнему висела в нашем общем шкафу, а в домашней студии покрывались пылью его кисти и краски.

Сев за письменный стол, я стала просматривать фотографии с сегодняшнего открытия кофейни, их прислала мне по электронной почте Кристен. Я вглядывалась в каждый снимок, надеясь обнаружить на нем одну-единственную женщину, которую никак не ожидала увидеть еще когда-нибудь. Там были фотографии родных и друзей, соседей, моих сотрудников. Мимолетные снимки бариста за работой и суетящейся в кухне Мэнди. Вот Ян за кофеваркой. Ян с моими родителями. Ян с Надией. Вот Ян стоит возле своих фотокартин, висящих в рамках на стене. Я продолжала просматривать фотографии. Ян, снова Ян.

«Черт тебя дери, Кристен, сколько ж ты его там наснимала! И черт тебя дери, Ян, что так отлично везде выглядишь!»

Я кликнула на следующий снимок — и тут же резко вздохнула. Вот она! Сидит за восьмым столиком в углу, как раз у стыка двух стен — с картинами Джеймса и с фотографиями Яна. Лэйси! Она держит в руке ту самую открытку, что передала мне через Эмили, и смотрит прямо в объектив Кристен. Ее необычайные лавандово-голубые глаза удивленно распахнуты — она явно не ожидала, что Кристен ее сфотографирует.

Почему же она так быстро ушла после того, как оставила мне открытку? И почему не отдала ее мне лично? Может, ее спугнула Кристен со своей фотокамерой? Или испугало что-то другое — или кто-то другой? Может, Томас? Он ведь, помнится, увидел кого-то, выходящим из кафе. Ему показалось, что он узнал этого человека, и у него в тот же миг изменилось настроение. Его определенно что-то обеспокоило. Может быть, это была именно Лэйси?

Я вытащила из заднего кармана открытку из художественной галереи. Галерея эта — «Эль-Студио дель Пинтор»^[10] — находилась в Пуэрто-Эскондидо, в Мексике. Открытка была небольшая — всего три с половиной на пять дюймов. А изображение написанной акриловыми красками картины — и того меньше, с ноготь на большом пальце. Я внимательно разглядела этот снимок, взволнованно постукивая костяшками пальцев по зубам. Я точно видела эту картину несколько лет назад — на веранде моего родного дома, она стояла на мольберте Джеймса. Этого никак не могло быть! Изображение на открытке являлось точной копией «Шумящих дубов» — картины Джеймса, написанной акриловыми красками, на которой запечатлены деревья, растущие в заповеднике, расположенном за его родительским домом.

Я перевернула открытку. Галерея располагалась в том же городке, что и гостиница «Каса-дель-Соль», визитную карточку которой я обнаружила у себя в бумажнике почти что год назад. Вытянув средний ящик стола, я порылась среди бумажек и вскоре нашла ту самую визитку, которую, несомненно, именно Лэйси и подсунула в мой кошелек.

Открыв новое окно на экране компьютера, я нашла сайт гостиницы «Каса-дель-Соль». С тех пор, как я последний раз сюда заглядывала, ничего не изменилось. Ничего необычного в жизни курортного отеля не произошло. Потом попыталась найти в интернете картинную галерею «Эль-Студио дель Пинтор» в Пуэрто-Эскондидо. Ничегошеньки. Ни своего веб-

сайта, ни каких-либо ссылок. Я попыталась поискать ее другими путями, но ни один не привел к этой студии в Пуэрто-Эскондидо. Тогда я погуглила адрес. На экране тут же появилась масса ссылок. Я кликнула на одну из них. Фотография, выложенная на сайте агентства недвижимости, демонстрировала старое здание с облупившейся краской и местами осыпавшейся штукатуркой. Никакой информации к снимку не прилагалось. Было лишь указано, что последний раз его просматривали как минимум два года назад, и что объект продан. Выходит, тот, кто приобрел этот дом, недавно открыл в нем свою студию — причем сделал это в течение последних двух лет.

Почему же Лэйси с такой настойчивостью направляет меня в Пуэрто-Эскондидо? Ведь Джеймс-то улетел в Канкун. Там поселился в отеле «Плайя-дель-Кармен» и отправился на яхте порыбачить у побережья Косумель. Томас говорил, что привез его тело из мексиканского штата Кинтана-Роо — а вовсе не из Оахаки.

И если все это не случайно — спрашивается, почему Джеймс солгал мне насчет своих разъездных планов? А может быть, солгал и Томас? И это означает, что все это время правду мне говорила только Лэйси?

И Джеймс действительно жив?

Сердце тяжело бухнуло в груди, и я решила позвонить Кристен:

— Можно я к тебе заеду?

* * *

Кристен и Ник Гарнер жили в городке Саратога, в десяти минутах езды от моего дома. Дверь мне открыла Кристен в махровых домашних шортиках и футболке «Хэлло, Китти», с хвостом, высоко собранным на голове, который мерно покачивался при каждом ее шаге, когда подруга вела меня в глубь дома.

— Ник на кухне. Не возражаешь, если он к нам присоединится?

— Нет, конечно, — помотала я головой. — Он знает Джеймса лучше, чем кто-либо из нас.

— Вот и я так подумала. Послушай, Эйми... — Остановившись в коридоре, Кристен повернулась. — У меня все же большие сомнения. Все, что ты сказала мне по телефону, больше похоже на...

— На сумасшествие, я знаю. — Трясущимися пальцами я поправила на плече ремешок сумочки. — Но я все равно должна выяснить, что происходит.

Кристен мягко положила ладонь на мое плечо:

— Вот почему ты ни с кем не встречалась с тех пор, как Джеймс... м-ммм... исчез?

— Он все время в моей голове.

Кристен коротко кивнула.

— Ну, посмотрим, что скажет Ник.

Ее муж стоял возле кухонной тумбы, наливая в матовый стакан бурый эль. На нем была футболка и спортивные шорты, волосы блестели от пота. Ник играл в футбол во взрослой лиге городского досугового центра. Судя по его виду, он только что вернулся с игры.

Ник предложил мне пива, но я отказалась.

— Поздравляю с открытием, — сказал он.

— Спасибо. А что ты себе заказывал?

— Средиземноморский омлет. У меня теперь новое любимое блюдо. — Он погладил живот.

Я довольно улыбнулась. Щедро сдобренный козьим сыром и солеными оливками, со свежим фенхелем и зеленым душистым укропом, этот омлет пользовался огромным успехом.

— Надеюсь увидеть тебя еще.

— Можешь не сомневаться. — Ник допил пиво, потом энергично потер ладони: — Ну, и что там у нас?

Я вытащила из сумочки открытку и визитную карточку, положила их на тумбу.

— Визитку этого отеля мне сунула в кошелек Лэйси.

Ник непонимающе поднял бровь.

— Ну, это долго рассказывать, — отмахнулась я и указала на открытку из картинной галереи: — А вот это она передала мне сегодня через мою официантку Эмили.

Ник резко вскинул голову:

— Она что, сегодня там была?

— Ну, очевидно, да.

— Эйми говорит, я ее даже сфотографировала, — пояснила Кристен.

Ник выпрямился, произвольно придвинувшись поближе к жене:

— А она тебе ничего не сказала?

— Нет, — покачала головой Кристен. — Там было очень много народу. Прежде я ее ни разу не видела, а потому и не поняла, кто она такая.

— Я тебе сейчас ее покажу, — достала я телефон и пролистнула присланные мне снимки до фото Лэйси.

— Ааа, теперь припоминаю, — пожала плечами Кристен. — Мне кажется, я ее спугнула, сняв на камеру. После этого она как-то сразу исчезла.

— Ее зовут Лэйси Сандерс, и мне кажется, ушла она потому, что увидела Томаса. Она экстрасенс и профайлер, специализирующийся на неразрешенных тайнах и исчезновении людей, — объяснила я специально для Ника.

Он внимательно взгляделся в открытку.

— Кристен говорит, ты впервые встретила с этой женщиной на похоронах Джеймса.

— Теперь я уже не стала бы так их называть, — призналась я.

— Эта Лэйси гналась за ней по всей парковке возле церкви, — сказала мужу Кристен. — И сообщила Эйми, что Джеймс жив. Надя тогда решила, что она какая-нибудь мошенница, и я не могла с ней не согласиться.

— Да я, в общем-то, тоже была с этим согласна — пока не обнаружила, что большая часть работ Джеймса пропала. А теперь вдруг я получила вот это, — постучала я пальцем по изображению картины на открытке. — Боюсь, что Лэйси все-таки говорила правду.

Ник задумчиво потер правое плечо.

— Не торопись с выводами, — посоветовал он. — Пока еще рано что-то говорить. А что сказали копы, когда ты заявила о краже?

Помнится, когда я только обнаружила, что картины исчезли, я сказала Кристен, что заявлю об этом в полицию. Должно быть, она обмолвилась об этом Нику.

— Они ничем мне не смогли помочь. В гараже не обнаружили никаких отпечатков пальцев, кроме моих и Джеймса. Причем не нашлось никаких признаков постороннего проникновения — так что еще даже возник вопрос, а были ли вообще украдены картины? Самое лучшее, что я смогла сделать — это подать заявление. Теперь, если картины всплывут

на каком-нибудь аукционе или на черном рынке, полицейские смогут сверить их с описанием.

— Теперь-то они могут оказаться где угодно, — заметила Кристен.

— Например, в Мексике, — предположила я.

Ник пожал плечами:

— А еще в Европе, в Азии. Или в соседнем городе. Или у соседей в гостиной. Если вот это, — постучал он пальцем по открытке, — картина Джеймса, то вполне возможно, что владелец галереи приобрел ее из некоего неизвестного источника. Я бы хотел побольше узнать о той женщине, которая тебе это передала. А еще мне не хотелось бы, чтобы кто-либо из вас двоих с нею общался. Подозрительная какая-то дамочка.

— Я мало что могу о ней добавить, кроме того, что живет она в Кэмпбелле. На лужайке перед ее домом выставлена табличка, рекламирующая ее услуги ясновидящей. Еще там написано... — Тут я запнулась, уставившись куда-то между ними.

— Что написано? — переспросил Ник.

— Что она читает по ладоням и картам Таро.

Он презрительно фыркнул, и его взгляд стал суровым:

— Ты что, была у нее дома?

— Нет, в сам дом я не заходила, — поспешила я оправдаться. — Она и так меня испугала до жути.

— Наверно, лучше держаться от нее подальше, — посоветовал Ник.

— Если не считать того раза, то всегда она ко мне подходила, а не наоборот. И говорила всякий вздор о Джеймсе. Или же мне казалось, что это вздор.

Ник отхлебнул еще пива.

— Такое впечатление, что эта дамочка с большим приветом, — усмехнулся он.

— Но почему она тогда так скрывается? — спросила Кристен.

— Вот именно, — согласилась я. — Я бы предпочла, чтобы она вышла открыто и все мне объяснила.

— Тут масса причин, почему она не может это сделать, — объяснил мне Ник. — Возможно, кто-то нанял ее, чтобы подбросить тебе информацию. Или выманить тебя к ним. Какая бы ни была причина, эти люди не хотят обнаруживать себя, и это наименее правдоподобное объяснение.

— А наиболее правдоподобное? — спросила я.

— Что она обычная мошенница, аферистка. Она подбрасывает тебе наживку, — помахал Ник открыткой, — потом завоевывает твое доверие и сообщает, что у нее есть еще какая-то информация. А потом начинает выуживать из тебя деньги. А часто она с тобой контактировала?

Я покачала головой:

— Она никогда даже не заикалась о деньгах.

— Это потому, что она тебя еще до конца не обработала. Попробуй ее игнорировать, и, возможно, она от тебя отстанет.

— А что, если она продолжит осаждать Эйми?

— Значит, будем добиваться мер пресечения.

Я покусала нижнюю губу.

— А что, если... — осторожно заговорила я, тихонько постукивая туфлей по шкафчику. — Что, если она говорит правду?

Ник очень серьезно на меня посмотрел:

— Поверь, я очень тебе сочувствую, Эйми. Гибель Джеймса стала ударом для всех нас, и особенно для Томаса. Он любил своего брата и всегда, как мог, его защищал. Расти при таких родителях им обоим было очень непросто.

— Это я знаю, — кивнула я, подумав о том, скольким оба они — и Джеймс, и Томас — успели пожертвовать за эти годы.

— Томас унаследовал такой бардак в их фирме, которого врагу не пожелаешь, и теперь управление этой компанией буквально вытягивает из него жизнь, — продолжал Ник. — Честно говоря, я сильно удивился, увидев его утром на открытии твоего заведения. Он едва находит время, чтоб поесть. Он очень порядочный и честный человек, который не остался бы в стороне, если бы вдруг возникли какие-то вопросы относительно смерти Джеймса. Если бы такое случилось, он бы первый вылетел в Мексику, чтобы во всем разобраться.

Ник выдохнул, его лицо смягчилось. Он оперся руками о столешницу.

— На самом деле, очень трудно поверить в то, что Джеймс жив. С чего бы он вдруг оставил свою семью? И с чего бы он вдруг расстался с тобой? Мне очень жаль, Эйми, но Джеймса больше нет.

От слез у меня защипало глаза, и я быстро смахнула непрошенные слезы. Ник только что озвучил те же вопросы, что я без конца задавала себе сама. Хотя мое мнение о Томасе больше уже не было столь же возвышенным, как у него. А что касается Лэйси, то для меня она так и осталась таинственной фигурой.

Я забрала со стола визитную карточку с открыткой, сунула обратно в сумочку.

Ник накрыл мою руку ладонью:

— Если это как-то тебе поможет, у меня есть знакомый частный детектив, который иногда делает для меня кое-какую работу по гражданским делам. Его зовут Рэй Майлз, и он малость... — Ник поколебался. — Ну, все равно тут иначе не скажешь. В общем, он немного себе на уме — но очень хорош как детектив. И еще: он стоит недешево. Я пришлю тебе его координаты. И позвоню ему, предупрежу. Он может разузнать подноготную этой Лэйси, а также заглянуть в галерею, посмотреть, чье имя указано на той картине и где ее приобрели.

Ник потыкал пальцем в телефон, и через пару секунд мой мобильник прожужжал, получив сообщение.

Мы еще несколько минут поболтали о том о сем, и я ушла. Утром мне надо было очень рано вставать — готовиться к официальному открытию «У Эйми».

Уже поздним утром следующего дня я незаметно скользнула в свой кабинет в кофейне и позвонила Рэю. Мы коротко обсудили ситуацию. Я сказала, что хочу убедиться, действительно ли Лэйси — та, за которую себя выдает, летал ли Джеймс на самом деле в Канкун, а также узнать, каким образом галерея в Пуэрто-Эскондидо завладела его работой. Рэй назвал мне стоимость своих услуг, и Ник оказался прав. Его частный детектив стоил чертовски дорого, а свободная наличность в моей казне после окончательных расчетов с подрядчиком и субподрядчиками таяла на глазах. И поскольку мое обращение не было таким уж срочным и выглядело как чистое любопытство, Рэй согласился взяться за мое дело, когда у меня появятся деньги. К тому же все равно он сейчас работал над другими делами и помогать мне сможет лишь через восемь-десять недель. Достаточно времени, чтобы скопить нужную сумму.

Лэйси я больше не видела — как будто и не существовало вовсе. Она ворвалась в мою жизнь и тут же из нее вылетела, прежде чем я сумела осознать, зачем наши дорожки

пересеклись. В первый месяц после открытия «У Эйми» Томас по несколько раз в неделю заглядывал выпить кофе. Потом его визиты стали намного реже и не так регулярны. Всякий раз, когда я его видела, он казался мне все более отрешенным. Его щеки ввалились, тело исхудало. «Донат Энтерпрайзес», как ни крути, забирало все его силы. Там, где Эдгар Донато стремительно набирал лишний вес, Томас однозначно усыхал.

В середине октября — как раз после моего двадцативосьмилетия — у меня оказалось достаточно средств, чтобы нанять Рэя. По крайней мере, результаты его поисков помогли бы мне закрыть наконец эту главу моей жизни, и я смогла бы полноценно двигаться вперед — и душой, и телом, и сознанием. Рэй обещал, что через пару недель пришлет мне отчет, и тогда я смогу решить, что делать дальше.

Когда мы с ним встретились, чтобы обсудить детали, я сидела у себя в гостиной на шенилловом диване, и, к моему большому удивлению, в мои мысли постоянно вмешивался Ян. Его непоколебимая поддержка на протяжении всего этого года и наша дружба, ставшая еще теснее и глубже, очень помогали мне. Его улыбка, что-то расшевеливавшая в самой глубине моей души, и ощущение тепла его тела всякий раз, как он оказывался рядом, стали мне необходимы. С помощью Рэя я смогла бы наконец дать Яну то, чего он жаждет.

«А сама-то я хочу того же самого от него? — спросила я себя и не задумываясь ответила: — Да!!!.. Но что, если Рэю удастся отыскать Джеймса?»

Я посмотрела на наш помолвочный портрет, на котором мы с Джеймсом приникли друг к другу в объятиях под нарисованным небом и заходящим солнцем, на фоне полыхающих оранжево-красными красками декораций. И тут меня охватила дрожь. Пальцы и колени мелко затряслись. И не от предвкушения такого варианта развития событий, а от страха. Ведь если Джеймс и правда жив, это значит, что вокруг меня происходило нечто очень серьезное, а я была слишком неопытной и наивной, чтобы это замечать.

Ноябрь

Во второй четверг ноября Рэй наконец прислал мне весточку. Электронное письмо от него пришло ранним-ранним утром, когда я крепко спала. Я прочитала его перед тем, как отправиться в свою кофейню, и потом перечитала еще раз семнадцать.

Из-за этого послания у меня не было ни малейшего желания как-то реагировать на особое внимание ко мне Алана Кэссиди, тем более учитывая тот факт, что встречаться с этим господином я совсем не собиралась.

— Вот, Алан, ваш заказ. Как всегда: тройной ванильный латте, обезжиренный, без сливок, с двойным ореховым сиропом. Что-нибудь еще сегодня желаете? — спросила я несколько раздраженным и нетерпеливым тоном.

Однако он продолжал улыбаться.

— Вы продолжаете восхищать меня, Эйми. — Потянувшись в карман своего явно шитого на заказ костюма, Алан вытащил два билета и раскрыл их веером. — Сегодня «Шарки»^[11] играют. Не составите компанию?

Я быстро взглянула на билеты. Приглашал он меня уже не в первый раз, и, зная Алана, места были хорошими.

— Извините, Алан, нет, — помотала я головой. — Но за приглашение спасибо.

Его лучезарная улыбка погасла, и билеты мгновенно исчезли в недрах кармана.

— Не сегодня, так завтра я непременно придумаю, куда вас пригласить, и вы просто не сможете отказаться. — Он попрощался, отсалютовав мне своим кофе на вынос, и неспешно побрел к выходу.

Ян что-то проворчал за моей спиной, и мне послышалось его тихое: «Ох, чувак...».

Когда я начала готовить очередную чашку эспрессо «Хаус Бленд»^[12], я вдруг краем глаза заметила, как Эмили передает Яну деньги. Тот сложил пятерку пополам и сунул в задний карман. Потом взглянул на меня и невинно улыбнулся.

— Это что такое? — вскинулась я.

Он широко раскрыл глаза. Почувствовав себя неловко, я извинилась.

— Вы меня опустили на пять баксов. — Шутливо задев мое плечо, Эмили прошла мимо и, взяв пластмассовый тазик, принялась протирать столы после утреннего наплыва посетителей.

Я перевела недоуменный взгляд на Яна. Он тут же повернулся ко мне спиной, вынимая из поясной петли влажное полотенце, и принялся обтирать кофемашину. При этом еще и начал насвистывать. Я недовольно поджала губы. В его свисте явственно ощущалась победная ухмылка.

— Ян? — потребовала я объяснений.

— Алан уже как минимум неделю пытается тебя куда-нибудь пригласить, — указал он подбородком на выход. — Эмили утверждает, что ты вот-вот сдашься перед его напором.

— Это как? — сложила я руки на груди.

— Ну, что станешь встречаться с этим придурком. — И он весело хохотнул, словно такая мысль показалась ему ужасно смешной.

— Положим, Алан никакой не придурок, а вполне нормальный парень. Просто он немного...

— С особенностями? — подсказал Ян.

Я сердито нахмурилась, и он стрельнул в меня озорным взглядом.

— Молчи, — буркнула я.

Что из того, что Алан всякий раз заказывал себе девчоночий кофе? Какое мне вообще до этого дело!

Я надорвала пакетик из фольги с молотым кофе, и потянувшийся из него чудесный аромат сразу же поднял мне настроение. Прикрыв веки, я глубоко вдохнула. Всю усталость и напряжение после пятичасового стояния на ногах вмиг как рукой сняло.

— А вдруг бы ты сегодня сломалась?

Я резко открыла глаза и тут же сощурилась, глядя на самовлюбленную физиономию Яна. Даже двухдневная щетина, подернувшая его подбородок и щеки, не могла спрятать его самодовольства. Какой все же соблазнительной казалась мне его улыбка! Рукава на его рубашке были закатаны, открывая предплечья с золотистыми волосками — того же цвета, что и его непослушные волнистые волосы.

— Хотя теперь уже не важно, — пожал он одним плечом. — Спор-то я уже выиграл.

Я засыпала кофе в фильтр.

— А ты, значит, не думаешь, что я могу с ним встречаться?

— Без шансов. — Он скосил глаза на мое помолвочное кольцо. — Ты все равно не согласишься ни на какие свидания. Ни со мной, ни с кем-либо другим.

Большим пальцем я повернула кольцо, пряча бриллиантик в ладони.

— Ну, а вдруг очень захочу?

«В один прекрасный момент», — добавила я про себя.

Ян скрестил руки на груди:

— Так докажи на деле. Давай с тобой встречаться?

У меня перехватило дыхание. За все те месяцы, что я его знала, он первый раз предложил мне это так прямо.

— Ян, ты же знаешь, я не могу.

Еще не пришло время. К тому же я все прокручивала в голове послание Рэя.

— В смысле, не хочешь, — буркнул он и вернулся за кофемашину.

— А он, знаешь ли, прав, — сказала, оказавшаяся совсем рядом Надя.

Она оперлась на витринную стойку с выпечкой и салатами и поприветствовала меня двумя пальцами. Возле нее остановилась и Кристен. Обе были одеты по-спортивному, щеки покраснелись после утренней пробежки по холодку.

Я с силой потерла ладони, счищая несуществующие комки теста.

— То есть вы считаете, что мне следует согласиться?

Надя кивком указала на Яна, который уже обслуживал следующего посетителя.

— Ты ведь ему и правда очень нравишься.

Это я и без того прекрасно знала. Ян уже не раз искренне посвящал меня в свои чувства.

— Он мне друг и к тому же теперь у меня работает, — нашла я после некоторой заминки.

— Ну, если ты так считаешь...

Я поморщилась. Даже я понимала, что этот довод совсем не убедительный.

— Идите-ка отсюда. Кофе вам сегодня не светит, — огрызнулась я и, отвернувшись к раковине, пустила воду. Надо было срочно перемыть грязные чашки.

— Сейчас, Надя, будет готов кофе, как ты любишь.

— Спасибо, Ян. — Она оторвалась от витрины.

— Предатель! — одними губами прошептала я ему, и Коллинз смешливо фыркнул.

Надя взяла со стойки для прессы бесплатную районную газету и, проглядывая колонки на передней полосе, двинулась через зал.

Кристен между тем скользнула ко мне за стойку и оперлась на бортик раковины.

— Надя ведь о тебе же беспокоится. Как, впрочем, и все мы. — Какое-то время Кристен молча смотрела, как я отмываю особенно грязную чашку с уже высохшими потеками кофе и отпечатавшейся на ободке невероятно яркой, пунцовой помадой. Это режущее глаз пятно я стала оттирать с пушей усердностью, повернув посудную губку абразивной стороной.

— Что случилось? Что тебя так взбудоражило? — спросила подруга, не дождавшись моего ответа.

Я раздраженно выдохнула.

— Утром получила письмо от Рэя.

— От того частного детектива? И что он пишет?

Я стряхнула с чашки воду, и она, выскользнув из руки, разбилась в раковине. Я злобно выругалась.

— Ты в порядке? — Рядом со мной тут же возник Ян.

— Нормально, — рыкнула я.

Однако он задержался на мне взглядом, задумчивая потирая лоб.

— Я в порядке. Спасибо, — уверила я Яна уже более мягким тоном.

Он еще немного подождал, после чего вернулся варить кофе.

— Извини, — пробормотала я Кристен и начала собирать осколки из раковины.

Кристен мне помогала.

— Рэй подтвердил, что Джеймс действительно летал в Канкун, — заговорила я очень тихо, чтобы не услышал Ян. — Джеймс действительно поселился в отеле «Плайя-дель-Кармен». Есть и ссылки на статьи из местных газет о пропавшем американце, свалившемся за борт, и записи о бронировании им поездки на яхте, и свидетельство о смерти — все настоящее, не поддельное. Также Рэй пообщался с владельцем турфирмы — и это полностью совпадает с тем, что говорил мне Томас.

Из-под заколки у меня выбилась прядь волос, и я раздраженно откинула ее с лица. Мои губы дрожали.

Кристен погладила меня по спине.

— Ты уже почти два года сомневаешься в гибели Джеймса. Я рада, если Рэй сумел тебе помочь. Может, это даст тебе какое-то успокоение.

— А еще он ничего не смог выяснить насчет Лэйси. Она нигде не значится. Тоже исчезла. Из города она уехала. Владелец дома, где она жила, — некий Дуглас Чин. Дом он сдает внаем. Так что, кроме визитной карточки, открытки и фотографии Лэйси, мне нечего было даже предъявить... Господи, какая же я идиотка! Я теперь так расстроена... Нет, я... — горестно покачала я головой, — я страшно разочарована... причем сама собой. Я так успела себя накрутить, надеясь, что и его исчезновение, и его похороны — всего лишь фикция.

— А насчет картины на открытке что-нибудь выяснилось? — спросила Кристен.

— Хозяин той самой галереи «Эль-Студио дель Пинтор» — сам художник. Утверждает, что картина — его, а какое-либо сходство со стилем работы другого художника — якобы полная случайность. И пока я лично не побываю в этой галерее, мне придется

довольствоваться тем, что говорит мне Рэй, поскольку я не могу себе позволить его туда командировать.

— И что ты теперь собираешься делать?

То же, что и несколько месяцев назад.

— Жить дальше, — пожала я плечами.

— Что ж, по-моему, у тебя это великолепно получается. Ты открыла свой ресторанчик, и он успешно работает, — подбодрила меня подруга, потом указала кивком на Яна: — А еще, когда ты будешь готова с кем-то встречаться, скажи мне. Я знаю одного классного парня, которому бы этого очень хотелось.

— Ха-ха, очень смешно, — фыркнула я.

Ян между тем закончил делать для Кристен мокко с топпингом из взбитых сливок и поднес ей чашку.

— Можешь сказать Надии, — махнула я рукой в сторону зала, — что я принесу ей сейчас кофе. Уже заправила кофеварку.

— Все-таки она свое получит, — усмехнулась Кристен.

Я взяла с сушилки чистую чашку:

— Если я этого не сделаю, она заявится сюда и нацедит себе кофе сама. Так что игнорировать ее нет никакого смысла.

* * *

Домой я в тот вечер вернулась совсем поздно. Я несколько часов намывала в своей кофейне пол, столы, шкафчики, стойку — словно надеясь как-то уничтожить свое отчаяние и подавленность. Не помогло. Я все равно пребывала в невероятно угнетенном состоянии.

Вероятно, днем мне доставили посылку — она дожидалась меня на коврик у двери. Подхватив ее под мышку, я зашла в дом, кинула сумочку и ключи на привычное место. Потом прошла в кухню и осмотрела почтовую упаковку. Обратного адреса на ней не значилось — был только мой адрес да штемпель международного отправления. Из Мексики. На печати, проставленной поверх марок, было написано: «Оахака, Мексика».

У меня ёкнуло сердце. Я торопливо вскрыла посылку. Внутри, завернутая в пузырчатую пленку, лежала картина. «*На лужайке*». Миниатюрная версия той работы в акриле, что висела у меня на стене гостиной. Причем холст, который я сейчас держала в руках, был оригиналом. Это я, помнится, убедила Джеймса изобразить нашу заветную полянку в крупном размере, потому что мне очень нравились и царившие там краски, и то, как высокие травинки влажно поблескивают в свете раннего утра. В правом нижнем углу, выведенные «фирменным» оттенком Джеймса — «карибским голубым», который он смешивал под цвет моих глаз, — тем цветом, который он всегда использовал для авторской подписи, виднелись его инициалы. «*Дж. К.Д.*».

У меня нещадно задрожали руки. Я перевернула холст. Сзади к нему была приклеена записка, написанная от руки на маленьком листочке почтовой бумаги с логотипом отеля. Уже знакомого мне «Каса-дель-Соль».

«Дорогая Эйми,

Вот вам доказательство. Опасность наконец-то миновала, и Джеймсу ничто не грозит. Меня просили вас разыскать. Ему пора узнать правду. Приезжайте в Оахаку.

Лэйси»

Джеймс — жив?! О господи! Джеймс — жив!

Меня всю так затрясло, что я едва не выронила из рук картину. Над верхней губой и над бровями выступили крупные капли пота. Живот скрутило от спазмов.

Что вообще происходит?!

«Нет никаких весомых доказательств того, что Джеймс жив», — так начиналось электронное послание Рэя. — Не тратьте ваше время и деньги. Не вижу ни малейших причин продолжать расследование. Рекомендую прекратить поиски».

Те факты, что раскопал Рэй, полностью соответствовали всем документам и свидетельствам, касающимся Джеймса. Гибель его случилась в точности в то время, что указывал Томас.

Тогда какого дьявола картина Джеймса оказалась в Мексике?

Я утерла струившиеся по лицу слезы, которые заметила только сейчас, и взялась за телефон. Набрала номер единственного человека, способного меня понять.

— Алло? — послышался вялый сонный голос.

— Кристен, Джеймс правда жив!

* * *

Забронировав себе без промедления номер в отеле в Пуэрто-Эскондидо, я почти весь остаток ночи провела, то глядя в потолок, то меряя шагами комнату. В голове был только Джеймс.

Провалилась в сон я лишь под утро. В 4.06 меня разбудила Надя, громко забарабанив в парадную дверь. С осоловелыми после двухчасового сна глазами я добрела до прихожей.

— Ну, наконец-то, — сказала Надя, когда я ей открыла, и решительно прошла мимо меня внутрь. — Держу пари, ты никак не ожидала меня увидеть в этот глухой час.

Одетая в сверкающий стразами, броский спортивный костюм и шерстяной шарф, обмотанный вокруг шеи, она остановилась посреди комнаты, между кожаными креслами.

Я заперла дверь.

— Кристен проболталась.

— Да, она звонила пару часов назад. Она всю ночь страшно дергалась, волнуясь, что ты сделаешь какую-нибудь глупость. — Надя стрельнула глазами на мой чемодан на колесиках, который я поставила в уголок у входной двери. — Типа в одиночку дунешь в Мексику.

— Вы не сможете меня остановить, — вскинула я подбородок.

— Собралась в Оахаку? Не самое, скажу я, безопасное местечко для путешествий.

— То же самое можно сказать и обо всем штате Калифорния, — парировала я и удалилась на кухню. Вполне можно было уже и кофе себе сварить: я все равно уже не легла бы спать до вылета.

Надя последовала за мной.

— Кристен очень беспокоится. Она не хочет, чтобы ты туда ехала.

— И подслала тебя, чтобы меня отговорить.

— Она же знает, что ее ты не слушаешь.

— Тебя я тоже слушаться не стану. — Я загрузила молотый кофе и запустила кофеварку. — Во второй половине дня я вылетаю, и мне без разницы, что вы там об этом скажете. Я все равно поеду.

И я направилась к спальне.

— Ну и хорошо.

Я застыла.

— Что?

Надя подошла ближе и вперила в меня пристальный взгляд своих зеленых глаз, в столь ранний час напрочь лишенных косметики.

— Я сказала: «Хорошо». Я сама хочу, чтоб ты туда слетала.

— Почему?

Она повела плечами.

— Потому что с тех пор, как не стало Джеймса, ты словно увязла в болоте.

— Ничего я не увязла...

— А ты посмотри вокруг себя! — взорвалась подруга. Я вздрогнула, будто она меня ударила. Обычно, чтобы Надя так всплила, надо было сильно постараться, так что, похоже, встревожила я ее не на шутку. — У тебя же тут повсюду Джеймс! Его одежда до сих пор в твоём шкафу, его фотографии — куда ни плюнь, повсюду! Пора уже как-то двигаться дальше!

— Я попыталась...

— Значит, плохо попыталась!

— А ресторан...

Но она лишь отмахнулась.

— Ладно, открыла ты свой ресторан. Честь тебе и хвала! Какой прогресс — если взглянуть снаружи! Но вот здесь, — она уткнула мне в грудь ладонь, — ты все равно увязла на месте. Ты у нас прямо ходячая хрестоматия по части стадий переживания горя! Так основательно проплась по всем до единой! Люди умирают, Эйми. И ты тут ничего не можешь поделать, кроме как собраться с силами и двигаться дальше. Почему ты никак не можешь принять тот факт, что Джеймс мертв?

— Потому что он не мертв! — яростно парировала я.

Надя уперлась кулаками в бока и ненадолго зажмурила глаза. На ее глазах блеснули слезы.

— Послушай, я понимаю, почему ты так себя ведешь. После того как мой отец бросил маму, мне действительно очень, очень тяжело было это пережить, пока я наконец не приняла для себя тот факт, что его больше нет. Он от нас ушел — и я его отпустила. Полностью и навсегда — как отрезала. — Она прорезала воздух между нами ладонью. — Вот только знаешь, какая тут возникла беда?

Я с сомнением качнула головой, не представляя пока что, к чему она клонит.

— Для меня после этого оказалось очень просто посылать куда подальше любого парня, пытающегося как-то со мной сблизиться. Я никому из них не доверяла. Ведь он все равно меня бросит — не сейчас, так через месяц, но рано или поздно это случится. Я ему наскучу,

и он уйдет. А потому уходить должна я, пока ему не представилась такая возможность. — Надя резко вдохнула, у нее сбилось дыхание. — Знаешь, что во всем этом самое скверное? — Что?

Надя сложила руки, крепко прижав их к груди.

— Что я очень одинока. Вот так-то. Признаюсь, как на духу: я и впрямь совершенно одинока. И знаю, что с тобой сейчас происходит то же самое. И ты всегда будешь чувствовать себя одиноко, пока не отпустишь Джеймса.

Часто моргая, я уставилась в пол. Да, я действительно была одинока, но моя ситуация была совсем не такой, как у нее.

— Знаешь, я уже бесчисленное число раз порывалась сложить по коробкам одежду Джеймса, упаковать его художественные принадлежности. Они уже давно покрылись пылью, я так долго к ним не прикасалась. — Я указала на комнату, которую Джеймс когда-то приспособил под студию и которую я теперь использовала как кабинет. — Всякий раз, как я пытаюсь избавиться от его вещей, меня как будто что-то останавливает. То ли я просто нутром чувствую, что он жив, то ли меня не покидает надежда, что однажды он вдруг появится на пороге нашего дома. Уж не знаю. Но это чувство все равно присутствует, и никуда от него не деться. Так что, как видишь, у нас с тобой совсем не схожие ситуации. Ты знала, что твой отец никогда не вернется. А вот насчет Джеймса — вполне возможно, что он захочет сюда возвратиться. И я должна это выяснить. Мне надо знать о нем все наверняка.

— Вот потому-то я и хочу, чтобы ты поехала в Мексику, — ткнула меня пальцем подруга. — Хочу, чтобы ты сама убедилась, что эта ясновидящая тобой манипулировала. Может, тогда, когда ты поймешь, что она тебя водила вокруг пальца и врала тебе насчет Джеймса, — вот, может, тогда ты наконец позволишь себе его оплакать и сможешь, черт возьми, нормально дальше жить.

Я даже оторопела. А ведь вполне могло так оказаться, что Надя права. Что Лэйси мною просто манипулировала.

— А что, если я его найду?

— Ты серьезно? — склонила она голову набок. Я упрямо скрестила на груди руки, и лицо ее сразу стало серьезным. — А ты, допуская, что он жив, никогда не задавалась вопросом, почему он не здесь, с тобой, а где-то далеко?

Я кивнула. Естественно, задавалась, причем постоянно.

— И какие у тебя в связи с этим планы?

Я посмотрела за ее плечо, прикованная взглядом к картине Джеймса «На лужайке», где он запечатлел «наше место». Весь пейзаж был выполнен в разных оттенках зеленого, изображая нашу заветную полянку ранним свежим утром, в ту пору, когда зима потихоньку сменяется весной. Там все было таким спокойным, уютным, мягким — и таким заманчивым. И девственно нетронутым — именно таким, каким я и хотела сохранить это место в памяти. А вовсе не помятым, как обычно случалось после нашего пребывания там.

На следующий день после того, как Джеймс сделал мне предложение, я сняла со стены эту картину. Джеймс пришел в ярость и потребовал, чтобы она осталась на месте. Нам приходилось делать вид, будто ничего на нашей лужайке не случилось и Фил не подобрался к нам практически вплотную, пытаясь разрушить наши мечты. В итоге картина так и осталась висеть на стене. Интересно, Лэйси знала об этом, когда посылала мне ее миниатюрную версию?

— Я хочу сказать Джеймсу, как сильно я его люблю. Как я тоскую по нему и хочу,

чтобы он вернулся домой.

— Ну, а если он не хочет возвращаться домой?

Я опустила глаза.

Надя резко вздохнула.

— Ты же не собираешься остаться там? Как же твоя кофейня? Ты же горы своротила, чтобы добиться того, чего добилась. Неужели ты сможешь так просто все бросить?

— Нет, конечно! Я...

Я не имела понятия, что буду делать в том случае, если Джеймс откажется возвращаться. Я любила свою кофейню, и мне нравилась новая жизнь, которую я для себя создала, и я не могла от этого отказаться. Как не могла и отпустить Джеймса. Время еще не наступило. Я должна была его найти и выяснить, почему он уехал.

— Мне надо лететь в Мексику.

Надя долгим пристальным взглядом посмотрела на меня. Потом сердито фыркнула, уперла руки в бока, покачала головой... и наконец крепко меня обняла, уткнувшись подбородком в мое плечо.

— Я понимаю, что тебе надо туда ехать, но, пожалуйста, не делай это в одиночку. Погоди-ка...

Она быстро прошла через комнату и, открыв входную дверь, поманила рукой кого-то, кого я не видела. Через несколько секунд в дом вошел Ян с большой спортивной сумкой и фотокамерой в чехле. Все это он положил на пол рядом с моим чемоданом и с опаской взглянул на меня.

Надя закрыла дверь и остановилась рядом с Яном.

— Он уже собрал вещи и готов лететь хоть сейчас. Осталось только узнать информацию насчет твоего рейса и отеля.

Я сердито нахмурилась, и Надя вскинула руки, как будто защищаясь:

— Это его идея, не моя. Он сам предложил поехать вместе с тобой.

Я застонала. Этот их тайный сговор казался просто смехотворным.

— Не волнуйся, — поднял обе руки Ян, — насчет кофейни уже все улажено. Замещать тебя будет Триша. Она сейчас уже на месте. Ну, и Мэнди поможет.

Триша была еще одним менеджером смены, но я еще ни разу не оставляла ее за старшего. Моей правой рукой в тех случаях, когда я не могла по какой-то причине приехать в кофейню, всегда был Ян. И как теперь я оставлю всем заправлять Яна, если он улетит со мной?

— Мы с Кристен поможем с открытием и закрытием заведения, и вообще, если вдруг возникнет что-то непредвиденное, — продолжила Надя. И тут же нервно засмеялась: — Надеюсь, что ничего не сгорит...

Я задумчиво покусала нижнюю губу, переводя взгляд с одной на другого. Они же оба выжидающе смотрели на меня. Наконец Ян сунул руки в карманы джинсов и шагнул ко мне.

— Поедем, найдем его, — произнес он мне на ухо.

Я нахмурилась, услышав в его голосе нотку обреченности. То страстное желание, которое он испытывал ко мне и которое я время от времени замечала на лице Яна, исчезло, и теперь мне невероятно хотелось увидеть это снова. Возникшее в груди ощущение пустоты быстро заполонило мою душу.

«Пускаться на поиски Джеймса — большая ошибка», — мелькнуло в голове.

В этот момент просигналила кофеварка, и я резко дернулась. Все, о чем я только что

думала, вмиг куда-то разлетелось. Я безвольно опустила руки.

— Ну, что же... Надеюсь, паспорт ты не забыл?

И быстрее, чем фокусник вытягивает из рукава исчезнувшие карты, Ян вытащил из заднего кармана паспорт.

— Я без него даже из дома не выхожу.

Часть вторая

Изумрудное побережье

Пуэрто-Эскондидо, Мексика

После девятнадцатичасового перелета с двумя пересадками я зарегистрировалась в «Каса-дель-Соль», в роскошной прибрежной гостинице Пуэрто-Эскондидо с видом на пляж Сикатела, и села отдохнуть в вестибюле в ожидании приезда Яна. Был уже вечер четверга, и до открытия международного чемпионата по серфингу оставалось два дня — этого я не предусмотрела, в спешке бронируя себе билет и номер в гостинице. Соревнование было одним из целой череды мероприятий в рамках ежегодного *Fiestas de Noviembre*^[13], когда здесь целый месяц празднуют разные события местной культуры и щедро отдают дань национальным традициям.

Просторный вестибюль буквально кишел туристами и серферами, их доски были расставлены вдоль стен и лежали на полу возле багажа. По саманным плиткам пола постояльцы туда-сюда раскатывали чемоданы на колесиках. Влажный соленый воздух то и дело сотрясали оглушительные взрывы смеха. За арками входных проемов величаво шумели океанские волны, и аромат прибоя разливался по вестибюлю, смешиваясь с едким запахом потных тел утомленных дорогой гостей, к тому же щедро умащенных солнцезащитными кремами. Я пристроилась как можно дальше от толпы, и вся эта суэта сразу же превратилась в неназойливый фон.

Мои нервы были на пределе, чутко реагируя на любую мелочь, точно готовая сдетонировать взрывчатка. Мне было не по себе еще с того момента, как я ступила в салон самолета в Сан-Хосе, и пока такси не доставило меня на парковку гостиницы, меня непрерывно мутило, а кожа покрывалась противной липкой испариной. Стремясь отыскать Джеймса, я в то же время страшно боялась действительно его найти. Его гибель и похороны оказались фиктивными. Долгие месяцы Томас мне лгал, а Джеймс от всех скрывался. И меня, и всех прочих заставили поверить в то, что Джеймс погиб.

И вот теперь, спустя немалый срок, после всей этой лжи — способна ли я буду принять его обратно?

На этот вопрос у меня не было ответа.

Почувствовав головокружение, я прислонилась к опорной колонне и продолжила ждать Яна, который летел другим рейсом, поскольку на мой все места оказались распроданы. Судя по его последнему сообщению, он уже мчался сюда в такси.

Ко мне подошла женщина с высокими скулами и карими, с оттенком цикория, глазами. Темно-темно-каштановые, почти что черные волосы, блестящими гладкими прядями ниспадали по хрупким плечам, едва касаясь бейджика менеджера отеля, приколотого к лацкану пиджака. Судя по надписи на бейдже, звали ее Имельда Родригес.

Женщина протянула мне стакан воды:

— *Hola, señorita*^[14]. Добро пожаловать в «Каса-дель-Соль». — И тут же озабоченно сдвинула брови: — Вы хорошо себя чувствуете?

Я с благодарностью приняла у нее стакан и жадно припала к воде.

— Да, теперь хорошо. Благодарю вас.

— Жара и влажность — наши злые духи. Они всегда подбираются незаметно. Так что советую вам побольше пить. — Улыбнувшись, она быстро окинула меня взглядом. — Вы приехали на *torneo*^[15]?

— На что? — заморгала я. — А-а, нет. Я не увлекаюсь серфингом. Никогда даже не

пробовала. Хотя и живу у океана, но уже довольно долго там не была. Ни разу после...

«После смерти Джеймса», — закончила я про себя и уткнулась в стакан, допивая воду и гася в себе желание показать ей картину Джеймса. На краю сознания вдруг замаячило упоминание Лэйси об опасности.

Имельда забрала у меня пустой стакан.

— Что тогда вас привело в Пуэрто-Эскондидо?

— Искусство.

— *Sí*,^[16] это замечательно, — покивала она. Ее четкий и уверенный английский был щедро напитан испанским ароматом. — В Оахаке много чего можно посмотреть. В нашем городке, конечно, больше занимаются серфингом и рыбалкой, но есть и пара-тройка галерей.

— А вы мне не подскажете, где находится вот эта? — Я все же полезла в сумку за открыткой, переданной Лэйси, и показала ее Имельде.

— Это очень интересная галерея. Причем она совсем недалеко. Отсюда можно дойти пешком. — Она указала через арки у входа в вестибюль на дорогу, расположенную уже за пределами гостиничной территории. — Давайте я вам лучше покажу. *Un momento*. — Имельда воздела палец, и вслед за ней я двинулась к журнальному киоску возле стойки консьержа. Там она раскрыла карту Пуэрто-Эскондидо и указала на место между пляжами Маринеро и Сикатела. — Мы находимся вот здесь, а вам надо добраться вот сюда. Эта галерея — на эль-Адокин, по этой улочке очень любят гулять туристы.

Она снова постучала пальцем по карте, только уже совсем в другом месте:

— А вот здание нашего городского муниципалитета. Сегодня вечером там будет музыка — если вам это интересно, и вы любите потанцевать. А через несколько дней можно посмотреть парад, если вы здесь пробудете до той поры. На праздничных гуляниях у нас очень весело.

Я взяла в руки карту, стараясь запомнить маршрут и близлежащие улицы, и наконец ее сложила.

— А вот и рекламный проспект этой галереи. — Имельда подняла со стола киоска глянцево-буклет, гораздо более широкий, чем та открытка, что прислала мне Лэйси. — Работы Карлоса исключительно талантливы.

Сам хозяин галереи «Эль-Студио дель Пинтор» — Дж. Карлос Домингес — изображен там не был, однако на буклете были представлены несколько выставленных в галерее картин, выполненных в акриле. Я не увидела среди них исчезнувших работ Джеймса — и все же почерк художника был схожим.

— А в галерее у Карлоса не выставляются другие художники? — спросила я.

— Пространство в центре зала порой использует один местный скульптор, но в основном там картины Карлоса, в акриле и в масле. Кстати, сразу несколько наших художников приобрели большую известность в художественном сообществе Оахаки. Вы ищете кого-то конкретно?

— Одного давнего друга.

Улыбка на лице Имельды дрогнула.

Тут в вестибюле поднялся гул голосов, привлекая ее внимание. Новые гости бурно выражали свое недовольство расселением. Они, дескать, бронировали себе бунгало, а их заселили в полулюкс.

— Удачи вам в поисках вашего друга, — вновь повернулась ко мне Имельда, — и

приятного отдыха. А теперь — прошу меня извинить.

И она быстро удалилась, не дав мне возможности ее поблагодарить.

В телефоне у меня раздался звук пришедшего сообщения: Ян приехал. Я вышла из вестибюля и встретила его у входа. Одежда на нем была вся помятая, лицо небрито. В целом полет — со всеми пересадками и задержками — занял у Яна двадцать два с лишним часа. В общем, вид у него был такой, будто его несколько кварталов волочило вслед за грузовиком.

Увидев меня, Коллинз помахал рукой, и на его измученном лице просияла радостная улыбка.

Я тоже улыбнулась и помахала ему в ответ.

Он расплатился с таксистом, перекинул через плечо сумку с фотокамерой и забрал из машины свой багаж.

— Ну, как прошел полет? — спросил он, подойдя ко мне.

— Очень уж долго, — простонала я.

— Это ты мне рассказываешь? — посетовал он и махнул рукой в направлении стойки бронирования: — Пойду-ка зарегистрируюсь. Присмотри за моими вещами. — И он опустил к моим ногам багаж.

Через несколько минут Ян вернулся ко мне, держа в руке ключ-карту.

— Надо бы выпить пива, — сказал он.

Я сморщила нос:

— Тебе надо бы душ принять. Тут на террасе кафе с видом на океан. Сходи в номер, приведи себя в порядок, а я тебя там буду ждать.

Он потрогал на груди футболку, обветривая взмокшее тело:

— Хорошая мысль.

Через двадцать минут меня усадили за столик, откуда открывался чудесный вид на побережье внизу. Огромные волны обрушивались на белый песок, тянущийся до самого конца гостиничного пляжа. По периметру кафе тихо шелестели пальмы.

Чай со льдом мне подали одновременно с появлением Яна. Увидев заказанный мною напиток, он поморщился:

— Ты серьезно? — И поднял два пальца, подзывая официанта: — *Dos cervezas*^[17].

— *Si, señor.* — Официант кинул нам на стол пару бирдекелей и пошел к бару передать заказ.

Ян переоделся в полосатые шорты, помятую оксфордскую рубашку и шлепанцы. Еще влажные после душа волосы лежали завитками. Он уселся напротив меня, опустив сумку с камерой на стул между нами, и глубоко, всей грудью вдохнул.

— Господи, как же я люблю Мексику!

Я тоже вдохнула — однако ощутила только присутствие Яна. Меня буквально захлестнуло жаром возбуждения, сильным и неприкрытым. Я испуганно отвернулась, устремив взгляд на патио с бассейном.

— Ты в порядке? — забеспокоился Ян.

— Да, все отлично. — Я подняла с шеи волосы, однако это мало помогло мне хоть немного остудиться.

Вернулся официант, неся нам пиво. Свое я отставила в сторонку, и, когда Ян поднял бутылку, подняла стакан чая со льдом.

Ян насупился:

— С чаем не чокаюсь.

— Не хочу, чтобы от меня пахло алкоголем, когда встречу с Джеймсом.

— *Если ты с ним встретишься.* — Ян надолго припал к бутылке, изучая меня взглядом.

Мое лицо, видимо, стало настороженным, поскольку до меня дошло вдруг очевидное: Ян желал меня так же сильно, как я желала отыскать Джеймса. И я действительно должна была его найти — или, по крайней мере, отыскать ответы на вопросы по поводу его смерти. Это был единственный, на мой взгляд, путь, чтобы продолжать жить дальше.

Я показала Яну проспект галереи. Он вскинул бровь:

— Это что, та самая студия?

Я кивнула.

— Вот скажи, разве эти картины не похожи на работы Джеймса?

— То есть ты и правда считаешь, что все это время он жил себе спокойно в Мексике и рисовал? — Ян внимательно посмотрел на проспект и пожал плечами. — Стиль вроде как похож. Трудно сказать. Слишком тут все мелко.

Я всмотрелась в изображение картин.

— Я могу сказать.

Ян снова глотнул из бутылки.

— По мне, так все картины одинаковы.

— Так же, как и твои снимки — такие же, как у других фотографов?

Ян, скривившись, поставил пиво на стол.

— Намек понял.

Я вновь придвинула к нему буклет:

— Джеймс однажды объяснял мне, что у каждого художника существуют вполне определенные особенности его художественного стиля. Ван Гог, к примеру, писал цветовыми пятнами. Моне расщеплял цвета, красками передавая восприятие света. Кинкейд с удивительной достоверностью изображал свет — его картины словно сияют изнутри. У Джеймса тоже были свои особенные черты.

Ян наклонился над столом:

— Так, и что я должен тут увидеть?

— Излюбленной техникой Джеймса была акриловая живопись. Акриловые краски высыхают быстрее масла. Работая над крупным замыслом, он смешивал сразу большую порцию красок, чтобы обеспечить в картине постоянство цвета. И один из его излюбленных цветов был голубовато-зеленый. Он еще называл его: «*Les blues de mon bébé*»...

— Блюз моей малышки^[18]? — насмешливо фыркнул Ян.

Я раздраженно отмахнулась:

— Этот оттенок передавал цвет моих глаз.

Ян красноречиво закатил глаза, однако я оставила это без внимания.

— Этой краской Джеймс подписывал все свои картины. Так же, как и этот художник, — постучала я кончиком пальца по пятнышку «карибского голубого» на одном из изображений.

Ян прищурился, и мы, едва не касаясь лбами, стали внимательно разглядывать лежащий между нами проспект. Наконец Коллинз откинулся назад и вздохнул.

— А тебе не кажется, что ты просто заставляешь себя что-то разглядеть в этом проспекте? Лично я там ничего такого не замечаю.

— Вот, взгляни-ка на одну из картин Джеймса...

Я пролистала галерею снимков в своем телефоне, остановившись на фотографии с

картиной «Долина Напа», где подпись Джеймса отчетливо выделялась на фоне горчично-желтых полей, и передала мобильник Яну.

Внезапно он побледнел, резко вскинул на меня глаза:

— Где это снято? Это что, висит у тебя в кофейне?

— Этой картины ты не видел, — зарделась я. — Она в моей спальне.

— Это не картина. — Он быстро высветил экран, и я уловила там пятно коротких светлых волос.

— Ой, прости... — Похоже, я случайно кликнула не на ту фотку. — Дай-ка я найду ту, что надо.

— Кто эта женщина? — показал он на экран.

— Это та самая консультант-ясновидящая, которая рассказала мне о Джеймсе. Ее зовут Лэйси.

— Ты хочешь сказать — Лэйни? Когда она была у тебя в кофейне?

— Это пробное открытие. Фотографировала Кристен.

Ян изумленно прикрыл рот ладонью и, прищурившись, всмотрелся в снимок.

— Как же я ее там не заметил?

— Ну, она недолго там была. — Я с подозрением посмотрела на Яна. — Кстати сказать, зовут ее Лэйси Сандерс.

Коллинз помотал головой.

— Это Лэйни. Элейн Сандерс. Это та самая ясновидящая и профайлер, которую когда-то нанял мой отец. Я столько лет пытался ее найти!

Я ахнула:

— Так, значит, она и есть тот самый твой ангел?! Но почему она изменила свое имя?

— Все очень просто. Она не хочет, чтобы ее могли найти. — Ян вернул мне мобильник. — Ты не перешлешь мне ее фото?

Я кивнула, потыкала пальцем по значкам на экране.

— По крайней мере, один факт нам о ней известен.

— Это какой?

Его телефон пикнул, приняв от меня сообщение.

— Что Лэйси была здесь. Она написала мне записку на почтовой бумаге с логотипом этого отеля. Кто-то здесь непременно должен был ее видеть. Может, в отеле даже остался ее адрес?

— Может быть, — как-то отстраненно отозвался Ян. Он устремил взор в бескрайнюю даль океана, полностью погрузившись в свои мысли.

Так и не тронутая бутылка пива стояла, запотевшая, возле едва пригубленного стакана с чаем. «Чего уж теперь!» — решила я и подняла бутылку:

— Давай-ка чокнемся!

С трудом отвлекшись от дум, Ян взглянул на меня:

— За что?

— За нас. И за то, чтобы мы с тобой оба отыскали то, что ищем.

Ян пристально посмотрел на меня, и по его взгляду мне стало понятно, что он совсем не хочет, чтобы я нашла то, что ищу. Для него это означало потерять всякий шанс сблизиться со мной. Сразу почувствовав себя неловко, я сглотнула.

Допив пиво, Ян поднялся, кинул на стол несколько мексиканских купюр.

— Ну что же, ладно, пошли искать твоего живописца.

Улица Адокин — участок бульвара Альфонсо Перес Газга, к вечеру становящийся исключительно пешеходным, — тянулась параллельно пляжу Принципаль. Вдоль всей улицы пестрели яркие и броские витрины, над головой колыхались разноцветные праздничные растяжки, развешанные поперек брусчатой мостовой. Там и сям по углам покачивались уличные артисты, колотившие в стальные барабаны. Мы пробирались сквозь толчею гуляющих туристов, и с каждым шагом я все более ускоряла темп.

— Что за спешка-то такая? — спросил Ян, фотографируя красивое бирюзовое здание с причудливыми полосами теней, освещенное заходящим солнцем.

— Вечереет уже, — кивнула я, призывая Яна следовать за мной, и заторопилась дальше.

Ожидаемые в грядущий уикенд соревнования по серфингу привлекли к себе любителей этого вида спорта со всего земного шара. И все в этот час, словно сговорившись, сошлись на улице Адокин — так в Мексике южно-африканские наречия то и дело перемежались австралийским говором. Прогуливающиеся туристы что-то ели, пили, смеялись, танцевали. И постоянно мешались на моем пути.

Неожиданно схватив меня за руку, Ян дернул меня назад и, обогнув вместе со мной плотный затор из туристов, остановился, чтобы снять на камеру двоих пожилых мужчин. Те неспешно попыхивали сигарами у входа в табачную лавку. У обоих из-под подолов рубаш с растекшимися пятнами пота проглядывали отвисшие животы. Выглядели они совсем не привлекательно — да и пахли, надо думать, так же.

Что уж такого примечательного нашел в этой парочке Ян, и почему не поленился остановиться, чтобы их запечатлеть? Такие снимки он уж точно ни за что не станет вывешивать на своих выставках.

Наконец Ян отпустил мою руку и сбавил шаг.

— Переведи немного дух. Оглядишься по сторонам — здесь, право, есть что посмотреть.

— Я сюда приехала не достопримечательностями любоваться, — огрызнулась я.

Он закрыл лицо камерой и нажал на кнопку. Полыхнула слепящая вспышка, и в глазах у меня замелькали искры.

— Вот черт... — Он сменил режим съемки. — Извини, я не хотел. Оплешность новичка. — Он вывел на экран снимок и, хохотнув, развернул ко мне камеру, чтобы я посмотрела фото: — Прелесть! Взгляд человека, застигнутого врасплох. Тебе, кстати, идет.

— Хватит уже фоткать, — рыкнула я.

Судя по той карте, которую показывала мне Имельда, до галереи оставалось уже каких-то два квартала, и мне хотелось поскорее до нее добраться.

— Но почему? Вечерние огни — это же просто идеальная подсветка.

Я нетерпеливо фыркнула, и Коллинз, повесив камеру на шею, мягко потрепал мое плечо:

— Расслабься, Эйми. Ты же вся, как туго скрученная пленка в катушке. И вообще, вполне вероятно, что студия уже закрылась. Да, похоже, мои планы на это путешествие несколько меняются, — кивнул он в сторону уже заходящего за горизонт солнца. — Следующая моя выставка будет полностью посвящена Пуэрто-Эскондидо. На выходных снимаю чемпионат по серфингу. Еще хочу сделать несколько фотографий здешних достопримечательностей и культурных событий.

— Ты же не выставляешь фотографии с изображением людей.

— Кажется, в этот раз у меня просто нет выбора, — сказал он таким унылым тоном, будто эта мысль его сильно удручала.

Свои сбережения Ян собирался потратить на путешествие к тропическим лесам Коста-Рики — а вместо этого, пожертвовав личными планами, отправился сопровождать меня в Мексику. «Потому что я ему далеко не безразлична», — шевельнулось у меня в голове.

Я потеряла руками лицо, выдохнула себе в ладони.

— Извини.

— Не стоит. Только обещай мне от души насладиться поездкой, даже если тебе не удастся найти Джеймса. Хотелось бы знать, что не напрасно потратил деньги.

Кивнув, я отняла от лица руки. Ян был, конечно, прав. Тот факт, что в этом городе, возможно, есть картины Джеймса, совсем не означает, что и сам он здесь.

И, следуя совету Яна, я глубоко вдохнула всей грудью — сразу ощутив и дым сигар, и аромат жарящейся на решетке рыбы, распространяющийся от киоска с тако через дорогу. Я тут же мысленно сделала себе пометку добавить в весеннее меню «У Эйми» какую-нибудь мексиканскую изюминку. И даже стала чуточку покачиваться в такт уличным барабанам. На моих губах заиграла легкая улыбка.

— Вот так-то лучше, — улыбнулся мне в ответ Ян и, щелкнув фотокамерой, запечатлел это мгновение. На этот раз вспышки уже не было. — Давай-ка, что называется, осмотримся на местности. Сегодняшняя наша цель — найти эту самую студию. А уже завтра сможешь пообщаться с Карлосом, хорошенько выспавшись ночью. А то ты слишком уж...

— Туго скрученная, как пленка?

— Именно. — Он опустил голову, глядя на камеру в руках и пытаясь скрыть веселую улыбку.

Я сердито насупилась.

— Ты ведь не веришь в то, что я его найду, верно?

— Я этого не говорил. — Он внимательно посмотрел на меня.

— Ты все это воспринимаешь, как забавное приключение.

— Эй, давай-ка ты, — поднял он ладони, защищаясь, — не спеши с вы...

— Ты не хочешь, чтобы я его нашла.

Тяжело вздохнув, Ян посмотрел вдоль улицы, потом вновь устремил взгляд на меня.

— Я сам не знаю, чего хочу. Я... — Он стиснул губы.

— Ты — что?

Коллинз запустил пальцы глубоко в волосы. Я продолжала свирепо на него смотреть, и он пожал плечом:

— Я просто хочу видеть тебя счастливой. Хочу, чтобы ты жила каждым мгновением и улыбалась радостно и непринужденно — когда у тебя все лицо озаряется светом. Это так прекрасно!

Я изумленно заморгала. От его слов у меня перехватило дыхание.

— Ну вот, у тебя снова лицо человека, пойманного врасплох, — пробормотал Ян и двинулся дальше в направлении галереи.

Я ошарашенно глядела ему вслед. Сделав несколько шагов, мой спутник обернулся:

— Ты идешь?

— М-м... да...

По дороге Ян делал новые снимки. Я старалась двигаться в его темпе, останавливаясь

там, где останавливался он, и считая своим долгом замечать все то, что происходит вокруг. Между тем Коллинз снова изменил настройки в фотоаппарате и навел объектив на какое-то очень старое строение. Мне тут же стало любопытно, что он такого интересного нашел в этой глинобитной развалине, и, естественно, я спросила о том Яна. Вместо ответа он взял и «щелкнул» меня.

— Прекрати снимать! — вскрикнула я, схватив за ремешок фотокамеры.

Ян со смехом увернулся.

— Я не прекращал снимать с того самого дня, как занялся этим делом. С чего ты вдруг решила, что я сделаю это теперь?

Я пошла с ним рядом, стараясь попадать в ногу. Пересекая улицу, Ян задержался взглядом еще на одном здании.

— А как ты начал фотографировать?

Однажды он, помнится, сказал, что интересовался фотографией с детства.

— Мой отец работал спортивным фотографом. Как-то раз я стащил у него без спроса фотоаппарат и пошел на задний двор снимать жуков. — Он смущенно взглянул на меня. — Наделал просто дикое количество снимков. А поскольку было это еще до того, как у всех появились цифровые фотокамеры, то, когда папа проявил пленку, на ней оказалось полкатушки жучков. Когда отец это обнаружил, я думал, что он мне вкатит по первое число, а он вместо этого отдал мне свой фотоаппарат.

— Отдал свой фотоаппарат? — изумленно переспросила я, представив в воображении те дорожные камеры, которые видела в руках у спортивных фоторепортеров — с огромными объективами и непременно на штативах для придания им устойчивости. — Сколько ж тебе было лет?

— Восемь. Да, отдал мне свой. Для отца это был хороший предлог, чтобы купить себе новый, который он уже успел присмотреть, — объяснил Ян.

Тут он остановился и указал на рисованную табличку на здании перед нами:

— Все, пришли.

Я поглядела на свое отражение в витринном окне «Эль-Студио дель Пинтор». Внутри здания было темно. Как и предполагал Ян, галерея уже закрылась. Внезапно у меня задрожали ноги, и я машинально потянулась за его ладонью.

Коллинз встретился со мною взглядом в отражении окна и крепко взял за руку:

— Все хорошо, Эймс. Я с тобой. — Потом, вытянув шею, посмотрел за угол дома. — Мне кажется, вход со двора.

Он потянул меня за собой и вскоре щелкнул задвижкой на кованой железной калитке. Пережившие немало дождей, старые петли тихо закрипели. По всему дворику стояли в кашпо красивые растения и тропические цветы. По стенам пышными лианами тянулась бугенвиллея, выставляя к солнцу пурпурные, похожие на папиросную бумагу, цветы. Из керамического, покрытого глазурью фонтанчика бежала вода, заглушая журчанием шум с улицы.

Задний двор делили с галереей еще две конторы: мастерская по производству эксклюзивной керамики и агентство недвижимости, дверь у которого была распахнута и чем-то подперта.

Я постучала в стеклянную дверь студии, на которой с обратной стороны болталась табличка.

— А что там написано? — спросила я Яна.

— «Почувствовал прилив вдохновения. Ушел ловить рыбу, или писать картину, или бегать. Скоро вернусь, хотя скорее всего не очень скоро», — пробурчал Ян. — А мы с этим парнем нашли бы, пожалуй, общий язык!

Я прижалась носом к стеклу, — в точности как дети у магазина со сладостями, — приставив по бокам к глазам ладони, чтобы избавиться от бликов.

Размеры студии и в половину не дотягивали до галереи Венди в нашем городе, но от выставленных там произведений захватывало дух.

— Какие прекрасные картины, — выдохнула я, отчего на стеклянной двери тут же возникло запотевшее пятно.

По двум стенам, которые мне удалось рассмотреть от двери, были развешаны холсты, выполненные в различной технике — и маслом, и в акриле, и акварелью. Там были и океанские пейзажи, и солнечные закаты, и, по всей видимости, местные достопримечательности. Затесались среди них и несколько портретов. Что висело на ближайшей ко мне стене, я увидеть не могла, а во всю стену напротив шло окно, выходящее на главную улицу. На полу в центре зала, на пьедесталах из мореного дерева, возвышались скульптуры.

В дальнем углу помещался маленький столик, заваленный красками, бумагой и кистями. Над ним возвышался миниатюрный мольберт. Это сразу напомнило мне столик для поделок, который когда-то стоял в моей детской. Вдоль стены позади этого захламленного столика высились стопки книг и газет.

— Интересно, Карлос сегодня еще вернется? — произнесла я, не отрываясь от двери, отчего стекло снова запотело, и я вытерла его тыльной стороной ладони.

Ян окинул взглядом дворик.

— Подожди. Дай-ка схожу выясню. — И он скрылся в агентстве недвижимости.

Я же вновь обратилась к галерее, внимательно разглядывая картины. Несмотря на разные техники, почерк на них был очень схож. Они определенно были созданы одним и тем же художником. Но с моей точки обзора невозможно было разобрать подпись автора на холстах.

Я отошла от двери и потеряла затылок, который уже стал мокрым от волнения и влажного воздуха. В окне агентства недвижимости было видно, как Ян разговаривает с менеджером, однако журчание фонтанчика во дворе перекрывало их голоса. Мне хотелось узнать, когда вернется Карлос, и выяснить, как зовут художника, написавшего все эти картины. А в особенности — какой конкретно оттенок голубого использован для подписи автора на произведении из рекламного буклета.

Я вернулась к парадному входу и стала разглядывать работы в витринном окне. Там была выставлена скульптура чайки, ныряющей в океанскую волну, акварель в рамочке, на которой художник вывел на фактурной бумаге свое имя теми же оттенками серого, что и горизонт с пробуждающимся солнцем, и картина акрилом с голубой подписью. Я стала изучать характер мазков на последней. И насколько мне хотелось верить, что именно Джеймс создал это произведение, настолько же я в этом сомневалась. Сходство, конечно, присутствовало, но были и огромные различия. В отличие от картин, висевших у меня дома, где техника мазков была всегда контролируемой и сдержанной, здесь она отличалась эксцентричностью и какой-то беззаботностью. Она была *раскрепощенной* — вот какое определение сразу приходило на ум. Впрочем, в конечном итоге живопись была столь же чарующей, что и та, которая висела у меня дома. Кстати, и подпись на картине была сделана

в той же непредсказуемой манере, что и вся работа. И то ли в этом голубом пигменте было добавлено слишком много зелени, то ли просто тон стекла искажал цвет. Чтобы лучше рассмотреть, надо было попасть внутрь.

Ян тоже обогнул дом, заговорив со мной еще от кованой калитки:

— В агентстве недвижимости мне сказали, что Карлос вообще любит закрываться пораньше. Он, дескать, занимается марафонским бегом. Селина — так зовут агента, с которой я разговаривал, — видела, как он уходил в таких вот коротеньких беговых шортиках. — Он поднял руки с растопыренными пальцами и тут же стиснул ими воздух, точно тесто.

Расширив глаза, я даже кашлянула.

— Это она так сделала, не я. Я лишь доподлинно воспроизвел.

Я закатила глаза к небу.

— Селина предполагает, что сегодня он уже не вернется, так что давай попробуем попасть сюда завтра. Только пораньше, ладно? Как указано в табличке на двери, он открывает «около десяти». — Ян изобразил в воздухе кавычки.

Я поджала губы и рассеянно кивнула. Увидев мое опустошенное лицо, Ян сразу сник.

— Ну же, Эймс, — подергал он меня за рукав, — тебе надо радоваться. Ты ж на целый шаг приблизилась к разгадке дела об исчезновении жениха.

Я метнула на него гневный взгляд.

— Я, между прочим, выяснил, что здесь, — он ткнул большим пальцем на окно, — находится галерея, а студия Карлоса — в помещении этажом выше. Он проводит там занятия живописью.

Чувствуя, как Ян за мною пристально наблюдает, я не могла оторвать глаз от картины акрилом в витринном окне. Может, я слишком долго на нее смотрела — но оттенок подписи как будто стал иным. То ли немного изменилось освещение, то ли я просто заставляла себя увидеть то, чего на самом деле не существовало?

Ян нетерпеливо пошаркал ногой.

— Что не так?

Я постучала пальцем по нижнему углу окна.

— Голубой не совпадает. Я надеялась... — У меня оборвался голос. На что я надеялась? Что встречу тут рисующего до умопомрачения Джеймса, и он страшно обрадуется, что я его наконец нашла, и он тут же уедет со мной домой? Что за пустая и нелепая мечта!

Я тяжело опустилась на деревянную скамейку под окном.

Ян присел рядом со мной и обхватил меня рукой за плечи:

— Завтра ты получишь ответы на все свои вопросы.

Он взглянул на часы и кивнул в сторону рынка в полуквартале от нас:

— Пойдем-ка купим чего-нибудь перекусить. И возьмем пива. Прихватим все это на пляж, будем ужинать и любоваться закатом.

Я невольно улыбнулась:

— И фотографировать?

— Ну, разумеется, — ухмыльнулся он.

— Ты лучше сходи купи еды, а я подожду здесь.

Я еще не готова была уйти отсюда. Привалившись к стене, я надела темные очки-капельки.

Ян легонько похлопал меня по ноге:

— Скоро вернусь. — Он поднялся и пошел поперек улицы, но на полпути все же обернулся и крикнул: — Только глупостей не наделяй!

Я помахала ему вслед и из безопасного укрытия своих солнцезащитных очков стала разглядывать прохожих. Тихо прожужжал мобильник, приняв сообщение — новое в длинной очереди неотвеченных эсэмэс и голосовой почты, пришедших за последние двадцать четыре часа.

Я вытащила телефон из сумки.

Очередное послание от Кристен: *«Позвони мне!»*

Открыв почту, я просмотрела последние письма:

«Поверить не могу, что ты рванула в Мексику! Добралась нормально?»

«Где ты там остановилась?»

«Ну как там, в Пуэрто-Эскондидо?»

«Что-нибудь уже выяснила?»

«Ты нашла ЕГО?»

Еще было голосовое послание от мамы: *«Зачем тебе понадобилось в Мексику, Эйми? Джеймса нет. Ты гоняешься за призраками. Мы с папой очень за тебя волнуемся. Позвони нам!»*

Я позвонила Кристен. Та ответила уже на втором гудке.

— Бог ты мой! — вскричала она, выделяя каждое слово. — Ну, в голове не укладывается, что ты туда сорвалась! О чем ты только думала?! Черт, твои посетители как-то странно на меня смотрят. Подожди, не отключайся, дай-ка зайду в твой кабинет...

В трубке послышалось шуршание одежды, шаги — Кристен, судя по всему, зашла в кабинет и закрыла за собой дверь.

— И тебе здравствуй, — сказала я, когда она наконец снова приложила к уху трубку.

Кристен поглубже вдохнула.

— Я просто в бешенстве, что ты не послушала Надю! Как ты могла так довериться этой Лэйси?! Ты ведь даже толком не знаешь эту тетку! А вдруг она какая-нибудь душегубка, и ты можешь стать ее очередной жертвой? Зачем ты поехала?!

— Сама знаешь, я не могла иначе. И, кстати, Надя со мною согласилась.

— Она... что?! — Кристен приглушенно выругалась. — Она же должна была тебя от этого отговорить.

— А она что, тебе не рассказала?

— Нет! Когда она сказала, что нам придется какое-то время помогать тебе в кофейне, то как-то упустила *столь незначительную* подробность. — Кристен ненадолго умолкла, и я представила, как она потирает переносицу, что делала всегда, о чем-то напряженно думая. — Ч-черт... С тобой все в порядке?

— Да, отлично.

— И где ты сейчас?

— Сижу на скамейке перед галереей «Эль-Студио дель Пинтор».

— И?..

— И пока ничего. Галерея уже закрыта. Придется прийти сюда снова завтра утром. Ян пошел купить что-нибудь на ужин, а я сижу и жду. Ну, как там, в кофейне?

— Толпа народу! Все столики заняты. Но ведь это хорошо, верно?

— Это замечательно! — улыбнулась я, уже заскучав по своим будничным хлопотам.

— Можешь позвонить мне завтра? Нет, погоди, я лучше сама тебе позвоню. В общем,

будем на связи, ладно? Мне за тебя как-то неспокойно.

Мы с Кристен попрощались, и я наконец сунула телефон обратно. Вновь принялась разглядывать идущих мимо людей. Одни не торопясь фланировали по улице, останавливаясь у окна галереи и заглядывая внутрь. Другие куда-то спешили, глядя себе под ноги и совершенно не замечая царящей вокруг атмосферы праздника.

«Успокойся, сбрось обороты, — сказала я себе. — Оглядишься вокруг. Здесь столько всего нового можно увидеть, столько насладиться».

Ян был прав. Я так стремилась к финишной черте, что по пути совсем не наслаждалась самим бегом. Сколько вообще времени я уже впустую потратила на поиски Джеймса?

Ни открытка, ни картина еще не доказывали, что он жив. Выходит, я пыталась искать разгадки там, где их, может быть, и не существует. Как в голубой краске на авторской подписи да в картинах, напоминающих художественный почерк Джеймса. Все было как-то не так.

Как и вон тот, бегущий в мою сторону, мужчина, очень похожий на Джеймса. Он замедлил бег и наконец перешел на быструю ходьбу. Взглянул на свои спортивные часы. Его тренировочная майка, пропитавшаяся потом, облепила грудь. К плечу ремешком крепился айпод, от которого тянулись к голове проводки, расходясь к воткнутым наушникам.

Когда он приблизился, я неуверенно поднялась, мои ноги задрожали.

— *Hola*, — одними губами произнес он мне и с улыбкой прошел мимо.

Я уставилась на него, изумленно разинув рот.

Он остановился, вытянул из правого уха наушник.

— *¿Está usted bien?*^[19]

Я ничего не ответила, лишь смотрела на него во все глаза.

Он смерил меня взглядом.

— Вы американка? — спросил он с сильным акцентом. — С вами все хорошо? Взгляд у вас такой, будто увидели призрака.

«Ты гоняешься за призраками», — сразу вспомнилось мне.

Сердце отчаянно заколотилось, пульсом отдаваясь в ушах. Кровь отлила от лица, перед глазами все поплыло, и я слегка покачнулась.

Шагнув ближе, он чуть наклонился, пытаясь заглянуть в мои спрятанные за темными стеклами глаза сквозь собственные солнцезащитные очки-маску.

— Могу я вам чем-то помочь?

Говор его был жарким, непривычным слуху. Слова словно сами скатывались с языка.

Это какое-то сумасшествие! Получается, он все это время, с самого начала был здесь?! Все эти проклятых девятнадцать месяцев?!

В голове неистово забурлил целый водоворот вопросов, однако произнести я смогла лишь его имя:

— Джеймс?

Он выпрямился, став ростом аккурат шесть футов и дюйм. Лицо просияло широкой, до боли знакомой улыбкой.

— Понятно. Я и есть тот самый призрак. — Он протянул блестящую от пота ладонь: — Я — Карлос.

Я без сил опустилась на скамейку.

— Почему ты уехал?! — закричала я. — Черт возьми, Джеймс, я же ведь тебя похоронила!

Внутри меня яростно боролись желание надавать ему пощечин и крепко его обнять.

Он остановился в добрых трех футах от меня, повернув голову к улице, словно кого-то выискивал взглядом. Потом тыльной стороной ладони вытер со лба пот и, нахмурившись, спросил:

— П-почему вы так на меня смотрите?

Сам он глядел на меня так, будто никогда прежде не видел.

«Прикоснись же ко мне!»

Я резко всхлипнула.

«Обними меня!»

Я всхлипнула снова. Горло судорожно хватало воздух, и я все вдыхала, снова и снова. От этих коротких резких вдохов расперло легкие, выдохнуть при этом не получалось.

«О господи, я не могу дышать!»

Я с силой ударила себя в грудь.

Он опустился рядом со мной на корточки. Губы его шевелились, но я не могла разобрать ни слова.

Я схватила его за плечи.

«Коснись же меня, Джеймс!»

Это он и сделал, взяв меня за оба запястья. Его рот снова шевельнулся.

— Успокойтесь, — скорее угадала, чем услышала я.

Я посмотрела на его губы. На его такие красивые губы...

— Прошу вас, сеньорита, успокойтесь.

Я почувствовала, как его рука взяла меня за затылок, крепко уткнув лицом в колени. Под веками тут же полыхнули искры. Легкие внезапно заработали, и я втянула в себя соленый океанский воздух и... его запах.

«Господи, его запах! Это мой Джеймс!»

Отпустив мой затылок, он поднял с глаз очки, и у меня вновь перехватило дыхание. На меня внимательно смотрели глаза Джеймса.

— Вот и все. Маленький фокус! — улыбнулся он.

И улыбка была — Джеймса.

— Джеймс! — прошептала я. В душе вспыхнула несказанная радость. — Я тебя нашла!

Все так же улыбаясь, он покачал головой.

— Сфокусируйте на мне взгляд и слушайте мой голос. Хорошенько вдохните... — Сам он, расширив ноздри, втянул воздух, и я повторила за ним. — Хорошо. Теперь медленно выдохните.

Большим пальцем он провел по внутренней стороне моего правого запястья, как раз над локтевой подкожной веной. От этого легкого, как крылом мотылька, прикосновения, моя рука словно превратилась в желе.

— Закройте глаза и прислушайтесь к моему дыханию, — велел он, и я опустила веки.

И сразу мир вокруг поглотила тьма, звуки улицы исчезли. Остались только мы вдвоем

— так, как это бывало всегда. Широкая и сильная, как у Джеймса, ладонь держала мою руку. И дыхание его звучало, как у Джеймса — в спокойном, размеренном ритме, так, как всегда он дышал, просыпаясь рядом со мною по утрам.

Однако, когда он попросил меня открыть глаза, голос его звучал совсем не как у Джеймса. Он был густым и спокойным, хотя при моих измотанных нервах действовал раздражающе. Приправленные сильным акцентом, слова его звучали низко и немного скрипуче, как у пожилого человека. Темно-каштановые волосы были убраны назад эластичной повязкой. От левой брови и через скулу лицо рассекал розоватый шрам. Телосложение было как будто тоньше, хотя какие-то его машинальные движения казались невероятно знакомыми. Так он, к примеру, привычно склонил голову набок, изучая сейчас мое лицо.

Я нервно сглотнула.

— Джеймс?

— Нет, увы.

У меня задрожали губы.

— Это же я, Джеймс, — Эйми. Неужели ты меня не узнаешь?

— Да я бы рад. Вы не из тех, кого легко забыть, — легко усмехнулся он.

Разозлившись, я сдернула с лица очки.

— Черт подери, Джеймс! Посмотри же на меня как следует!

Он посмотрел. На какую-то долю секунды в его глазах мелькнуло замешательство и тут же без следа исчезло. В них не было ни капли узнавания, лишь некоторая встревоженность.

— Джеймс? — бессильно простонала я.

— Меня зовут Карлос. Похоже, вы меня с кем-то перепутали.

И вот я изумленно смотрела на сидевшего передо мной на корточках человека — а он непонимающе смотрел на меня, ничегошеньки ко мне не испытывая. Я была ему совершенно незнакома.

У меня покатилась слеза, и Карлос осторожно смахнул ее с щеки большим пальцем. Прикосновение его показалось мне крайне неприятным. Все-таки этот мужчина был для меня чужим.

— Это моя галерея, — кивнул он на дом за моей спиной. — Может, хотите воды или еще чего-нибудь? Может, вам надо позвонить?

Мне хотелось поскорее уйти. Необходимо было собраться с мыслями, решить, что делать дальше.

«Что делать? Отправляться домой». — У меня упало сердце.

— А вас кто-нибудь сопровождает?

— Нет, — машинально ответила я, но тут же, опомнившись, кивнула, указав в сторону рынка: — Со мной друг, Ян. Он пошел купить еды.

Мужчина выпрямился, предложил мне руку.

— Хотите, я провожу вас до рынка?

— Нет, спасибо. — Я поднялась без его помощи.

— С вами точно все будет хорошо? — спросил он, быстро окидывая меня взглядом.

Я ничего ему не ответила, поскольку не знала, что сказать. С разбитыми чувствами, обескураженная и потерянная, я побрела прочь от Джеймса. Или от Карлоса. Или от того, кем он там ни был.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Ян встретил меня в секции овощей и фруктов. Он заморгал, явно не ожидая меня увидеть и вообще не понимая, откуда я взялась. В руках я держала клубничину, нервно перекатывая ее между пальцами. Какое время Ян просто переводил взгляд с моих рук на лицо и обратно. Потом встревоженно нахмурился:

— Что такое, Эйми?

Уголки моего рта опустились.

Ян перехватил корзинку со снедью в другую руку.

— Что случилось?

У меня задрожала нижняя губа, повисли руки. Ягода плюхнулась на пол, сама я повалилась следом.

Уронив корзинку, Ян успел подхватить меня на руки. Рыдая, я прижалась к его груди и еще долго не хотела отпускать.

На пляже Маринеро, лежа на шерстяном одеяле, которое Ян приобрел у какого-то уличного торговца, мы наблюдали закат солнца. Огненный диск уже уткнулся в самую линию горизонта, на фоне разлившихся по небу оранжевых и красно-розовых оттенков. Набегающие волны неторопливо целовали влажный берег.

Ян жадно поглощал тако с рыбой и, всякий раз кусая кукурузную лепешку, приговаривал, как дико он проголодался. В промежутке между двумя тортильями он схватил фотоаппарат и запечатлел разворачивавшуюся перед нами живую картину. Я тем временем тихонько ковырялась в своем салате, распихивая по сторонам фасоль и авокадо и потеряв к еде всякий интерес.

— Такосы у них просто офигенные! В меню «У Эйми» обязательно надо включить что-нибудь такое. Думаю, тут все дело в соусе. Особую пикантность дает, конечно, чипотле^[20], — добавил Ян с набитым рыбой и тортильей ртом. Потом, заметив, что я закрыла крышку на своем контейнере «на вынос», озабоченно насупил брови:

— А ты чего не ешь?

— Может, поем попозже.

Уткнувшись подбородком в согнутые колени, я ворошила ступнями песок. Нагретый на поверхности солнцем, уже на пару дюймов ниже он был заметно прохладнее. Песчинки щекотно просыпались между пальцами. В этом их легком касании моего тела я пыталась ощутить прикосновение Джеймса, как пыталась услышать его голос в дыхании бриза. И впервые с тех пор, как я его похоронила, я не почувствовала ничего. Мне никогда еще не было так одиноко.

Ян кивнул подбородком в сторону океана:

— А что, волны тут как будто неплохие. Как думаешь, с фут или два? Я читал, дальше по берегу, возле нашего отеля, на Сикатела — где будут завтрашние соревнования, — волны могут достигать даже тридцати или даже сорока футов. — Он сунул в рот уже третье тако и прошамкал: — Вот это я понимаю!

— Угу... — Я закрыла глаза, напитываясь последними в этот день лучиками тепла, потому что в сердце моем было холодно и пусто.

В какой-то момент я почувствовала, как передо мной, заслоняя свет, растопырилась широкая ладонь.

— Видишь, дальше по берегу, за пляжем Принципаль, рыбацкие лодки? Женщина на рынке мне сказала, что можно выбрать себе рыбу прямо из лодки, посмотреть, как нам ее почистят, потом препроводить людей с рыбой до ресторана, где нам приготовят ее на ужин. Дескать, будет тогда свежайшая. Надо будет обязательно попробовать, прежде чем отправимся домой.

«Домой. Без Джеймса», — подумалось мне.

В молчании Ян съел последнее тако, а я тем временем стала, не открывая глаз, прокручивать в памяти минувший вечер. Наконец я услышала, как Ян, покончив с едой, вытер руки и отложил в сторону контейнер. Потом почувствовала на себе его изучающий взгляд.

— А ты уверена, что это был Джеймс? — спросил он через какое-то количество времени.

— Да. — «Или все же нет?» Я пожала плечами и пробормотала: — Я не знаю. Карлос очень на него похож. Ну... почти похож. У него на лице огромный шрам, — провела я пальцем себе по виску и скуле.

Ян навел объектив на сияющую лучистую полоску, еще оставшуюся там, где черный океан встречался с темнеющим небом. Нажал на кнопку.

— Если это Джеймс, он должен был бы тебя узнать. Ты бы непременно увидела какую-то реакцию.

— Вероятно, да, — безжизненно отозвалась я. — Может, у него амнезия.

— Тогда он должен был бы проявить к тебе больше любопытства. Он бы поинтересовался, не связана ли ты как-то со своим прошлым.

— Он вел себя так, будто у него нет никакой потери памяти. Как будто это совершенно иной человек.

Ян вдруг замер, пронзив меня взглядом.

Я подняла к нему лицо:

— Ты что?

— Ничего, — покачал он головой. И вновь отвернулся к горизонту, держа перед собой фотокамеру. Однако на сей раз он не сделал ни одного снимка. Он как будто полностью погрузился в свои мысли, унесясь за долгие мили от песчаных пляжей Пуэрто-Эскондидо.

До открытия «Эль-Студио дель Пинтор» оставалось еще два часа, однако уже двадцать минут я все разглядывала Карлоса — с той же сосредоточенностью, с какой бы изучала его творения. Я стояла на тротуаре через дорогу, наблюдая за ним сквозь широкое витринное окно галереи. Карлос был занят тем, что развешивал экспозицию. Время от времени он останавливался, чтобы оценить общую картину, то сцепляя кисти за затылком, то рассеянно потирая руки. В точности, как Джеймс.

В какой-то момент Карлос удалился внутрь дома, и я, прислонясь к фонарному столбу, стала ждать, когда откроется галерея. Туристы толпами двигались в сторону пляжа, неся с собою полотенца и благоухая солнцезащитной косметикой. Я же делала вид, будто читаю роман в мягкой обложке.

Прошло еще двадцать минут, Карлос так и не появился. Я дошла до конца 285-й страницы, с молниеносной скоростью по диагонали проглядывая книгу. Терпение мое, как и роман, подходило к концу. Наконец я убрала книжку и пересекла улицу, подойдя к дверям галереи.

На входной двери по-прежнему висела табличка «Закр^ыто» с размашистой подписью, которую Ян переводил мне накануне, однако я все равно вошла внутрь. Над дверью звякнул колокольчик, и я невольно затаила дыхание, ожидая, что выйдет Карлос. Он не появился, и я двинулась по периметру экспозиции. А вдруг я обнаружу здесь украденные работы Джеймса?

Остановившись перед акриловой картиной на противоположной стене, я вгляделась в подпись автора. «Дж. К.Д». Изображенный на картине солнечный закат сильно напомнил мне работу Джеймса «Бухта Халф-Мун-Бэй», однако подпись на ней все же разнилась с его манерой письма. Буквы здесь были более наклонными.

Сделав полный круг, я остановилась у письменного стола в глубине зала. Вдоль стены за ним были составлены книги, охватывающие множество жанров и эпох, — от Стивена Кинга до Шекспира. Были и романы с названиями на испанском, и разного рода руководства на английском языке. Журналы «*Runner's World*», «*Outside*» и «*Sport Fishing*» высились тремя отдельными стопками.

На столе лежали россыпью бланки заказов, несколько выпусков местной газеты и целая коллекция грязных кофейных кружек. Еще я увидела буклет со списком всех работ Карлоса, от самых ранних его техник до уже мастерской работы кистью.

— *Ya cerramos*, — раздался голос у меня за спиной. — Еще закрыто.

Резко обернувшись, я увидела Карлоса.

Он застыл в дверном проеме, ведущем в другую комнату. На его лице медленно проступила улыбка.

— *Hola, señorita*. — Он прошел в главный зал галереи. — А я все гадал, увижу ли вас снова. Эйми, верно? — спросил он, тут же переключившись на английский.

Кивнув, я тихонько сунула буклетик в задний карман.

В воздухе между нами разливался едкий запах скипидара и тунгового масла, исходивший от кусочка ветоши, который Карлос держал в руке, оттирая пальцы от высохшей краски. На нем были джинсы с заниженной посадкой и футболка с фотопечатной эмблемой прошлогоднего чемпионата по серфингу. А еще он был босиком.

«Босой, загорелый и очень сексуальный», — мелькнуло у меня в голове. По груди, по шее в мгновение полыхнул жар, распространяясь быстрее лесного пламени.

И хотя последние сорок пять минут я, можно сказать, за ним подглядывала, я все равно оказалась не готова к тому, что он предстанет передо мной и я вновь увижу и завитки его волос, и изгиб бровей, и рельеф носа. Переносица явно была сломана, и срослось не совсем правильно.

— Все думаете, что я — ваш Джеймс? — спросил он небрежным тоном.

— Извините, — опустила я на миг глаза. — Но вы невероятно на него похожи.

Глаза у Карлоса заиграли весельем:

— Он был, должно быть, очень симпатичный.

— Да, был... В смысле, есть.

Его лицо вдруг стало обеспокоенным:

— Как вы сегодня себя чувствуете?

— Уже лучше, спасибо. А вы весьма талантливы, — обвела я рукой галерею. — Где вы учились?

— Да по большей части самоучка. Некоторое время назад посещал курсы в одном заведении немного севернее отсюда.

— А долго уже работает ваша галерея?

— Около двух лет. — Он с особым усердием потер въевшееся в правую ладонь пятно краски.

«Посмотри же на меня! Вспомни меня!»

— А вы надолго в Пуэрто-Эскондидо? — спросил он.

— На два-три дня.

— И что вас сюда привело?

— Ищу друга. Мы потеряли с ним связь.

Он подвесил ветошь к ременной петле.

— Так вы нашли этого своего друга?

Этот же самый вопрос всю ночь крутился в моей голове, и я почти что не спала.

— Нет, не нашла. Пока не нашла.

— Надеюсь, вы его найдете, — улыбнулся мне Карлос.

«Надеюсь, он меня узнает».

— Я тоже.

Через плечо Карлоса я заметила написанную акрилом картину, очень похожую на одну незаконченную работу Джеймса, где у самого края океана в блаженной позе застыла женщина. У Карлоса пейзаж был куда ярче и красочнее того, что висел у меня дома. У Джеймса картина была написана в серых и коричневых тонах, и женщину на его полотне отчаянно заплескивало водой.

— Можно я вам кое-что покажу? — спросила я и полезла в висевшую на плече сумку за телефоном. Мне хотелось найти там снимок с картиной Джеймса и сравнить его акриловую технику с почерком Карлоса. Я быстро пролистала фотографии, случайно остановившись на нашем помолвочном снимке. Рука дрогнула, и фотография открылась передо мной во весь экран.

— И что у вас там? — заглянул через мое плечо Карлос.

«Вот черт...»

Пришлось показать ему экран мобильного.

— Это Джеймс. Видите, как сильно вы с ним похожи?

Карлос нахмурился и, обхватив ладонью мою кисть, поднес телефон поближе к себе.

Он изучал фотографию на экране, а я внимательно смотрела на него, ожидая какой-то реакции: нахмуренного лба, вскинувшейся брови, едва заметного расширения зрачков — хоть чего-нибудь, способного выдать, что он все же что-то скрывает от меня. Ничего подобного!

«О Джеймс! Что же такое с тобой случилось?»

Оторвав наконец взгляд от телефона, он посмотрел на меня и печально улыбнулся:

— Джеймс был вам очень дорог.

Я кивнула. В горле словно застрял комок.

— Сходство, конечно, есть. Хотя носы у нас немного разные. Да и лоб у меня, пожалуй, выше. — Он смешливо прищурился, и возле глаз побежали тонкие морщинки. — А может, просто волос стало меньше.

Я перевела взгляд от фото на Карлоса и обратно. Он был прав: нос у него и впрямь потоньше, даже без учета предположительного перелома. Да и вообще, не принимая во внимание ни нос, ни линию волос на лбу, ни шрам — Карлос казался совершенно иным человеком.

Он качнул головой, указывая на следующий зал:

— Мне надо закончить с рамами, у меня заказы. Так что, если вам не угодно взглянуть на какие-то другие мои работы... — Запнувшись, он сдвинул брови. — Я смогу еще раз вас увидеть?

Уже лучше! Мне хотелось понаблюдать за тем, как он работает — так, как я обычно наблюдала за Джеймсом, — и мне необходимо было найти хороший повод побыть рядом с Карлосом.

«У него же мастерская-студия!» — осенило меня, и я вытащила из кармана буклет.

— Мне бы очень хотелось побывать на одном из ваших занятий.

Он вздернул уголок рта:

— В самом деле?

— Написано тут весьма заманчиво.

— Вы прежде занимались живописью?

Я прикусила нижнюю губу.

— А пальчиковое рисование считается?

Карлос рассмеялся:

— Нет, не считается. К тому же занятия у меня в мастерской проходят только по будням. Завтра суббота, а вы сами сказали, что приехали лишь на два-три дня.

Мои плечи поникли, а мозг в то же время добавил оборотов: мне надо было срочно придумать какой-то повод снова его увидеть — что-то правдоподобное, но не банальное. Нечто такое, что не выставит меня свихнувшейся дамочкой, преследующей мужчину, как две капли воды похожего на ее жениха.

Карлос между тем выдернул из заднего кармана тряпочку и пальцами стал машинально скатывать ее края.

— А знаете что? Давайте встретимся здесь завтра в десять. Я вам покажу основы живописи, если вы мне обещаете после этого разделить со мною ланч. Как вам такое предложение?

— Звучит чудесно! — улыбнулась я, чувствуя, как по мне расходится радостное,

отогревающее душу, сияние. К завтрашнему ланчу я уже точно буду знать, действительно ли Карлос — это Джеймс.

* * *

Я скользила взглядом по струдившейся в пляжном кафе толпе туристов. Ян сказал, что мы с ним встретимся здесь, но я нигде его не видела.

Прожужжал мобильник, приняв новое сообщение: «*Обернись назад*».

Я обернулась. Ян махал мне от столика на двоих у самого края открытой террасы.

— Ты пришла сразу после меня, — сказал он, когда я опустилась на сиденье напротив него.

Я поудобнее уселась на стуле, огляделась вокруг. Раскинувшийся внизу пляж был буквально набит битком, особенно дальше, у самой воды, где любители позагорать наблюдали за отчаянными смельчаками на досках, покоряющими «Мексиканский пайплайн»^[21].

— Не представляю, как нас занесло в самое средоточие этого хаоса.

— Я тоже. Но ведь, скажи, классно!

Я кивнула на лежащий на столике ноутбук:

— И как ты собираешься здесь что-то снимать?

— У меня невероятная способность отстраняться от любого шума. Ну-ка проверим... — Нажав несколько клавиш, он развернул ноутбук монитором ко мне. Весь экран заняла фотография гигантской волны, свивающейся вокруг серфера, который уже едва не исчез в стремительно сужающейся водяной трубе. Ян так отредактировал свое фото, что вода напоминала окрашенную газировку. Солнечный свет играл и искрился в ее насыщенных бирюзовых тонах.

— По вполне очевидным причинам я назвал эту фотографию «Мексиканский пайплайн».

— Невероятное фото! Когда ты это снял?

— Сегодня утром, пока солнце не начало совсем уж припекать. Надо было видеть эту воду, Эймс! Волны там просто сумасшедшие! Поди, пятнадцать, а то и все двадцать футов! И водяные трубы потрясающе глубокие — в общем, занятие не для слабаков. — Ян рассказывал все это, возбужденно расширив глаза и яростно жестикулируя. Руками он показывал, как двигались волны, как они разбивались о берег. Потом снова развернул к себе ноутбук и пробежался пальцами по клавиатуре. — Я уже начал корректировать фотографии, отбирая те, которые использую для следующей выставки.

Я стащила с его тарелки кусочек уже остывшей картошки фри. Оторвавшись от экрана, Ян посмотрел на меня:

— Ну, а твои как дела? Нет, не рассказывай. — Он тут же поднял руку, расправив ладонь. — Ты нашла Карлоса и заставила его признаться, что он Джеймс.

— Ха-ха, не смешно. Хотя да, я действительно с ним встретилась. — Я стянула еще ломтик.

Ян придвинул тарелку ко мне поближе.

— Надо было мне сказать. Я ведь хотел пойти с тобой.

Утром, когда я проснулась, Ян уже ушел на пляж. А поскольку, пока я завтракала, он так

и не вернулся, мною успело овладеть жгучее нетерпение, и я отправилась в галерею одна.

— Я была в полнейшей безопасности.

Ян набычился.

— Откуда тебе это знать? Ты сама вчера вечером призналась, что вовсе не уверена, что это Джеймс. А вдруг этот Карлос — какой-нибудь серийный убийца?

Я даже закатила глаза.

— Послушать тебя и Кристен — так я и до завтрашнего утра не доживу.

— Если ты и дальше будешь сбегать из отеля, чтобы встречаться с незнакомцами...

— Ян!..

Он вскинул руки.

— Я не собираюсь извиняться, что пытаюсь быть бдительным. Просто обещай, что будешь осторожна. И, по крайней мере, ставь меня в известность, если куда-то уходишь. Так, на всякий случай.

Я прожевала успевший размякнуть во рту ломтик.

— Ладно.

— Спасибо, — с облегчением вздохнул Ян. — А теперь рассказывай, что у тебя сегодня произошло.

— Сорок пять минут я, сгорая от любопытства, пялилась в его окна с противоположной стороны улицы, а потом зашла в галерею и пообщалась с Карлосом.

— И?..

— И ничего. Не могу пока разобраться. Карлос стройнее и загорелее. Даже волосы у него светлее, чем у Джеймса.

— Ну, этому есть простое объяснение. Солнце и время.

— Верно. У него знакомый мне запах, и некоторые жесты — те же самые. Но у него другое лицо: и нос тоньше, и скулы поуже.

«Как будто он надел маску», — добавила я про себя.

— В общем, как бы то ни было, у меня есть еще пара дней, и за это время я рассчитываю узнать его получше. Я записалась на занятия в студию живописи.

Ян громко фыркнул.

— Что такое?

— Ты? На живопись? — Он хохотнул, продолжая что-то настукивать на клавиатуре.

— Молчи! — рыкнула я и съела еще ломтик картошки. — Если он и правда Джеймс, то должна быть какая-то весомая причина тому, что он меня не узнает. Должно быть, у него амнезия. Как еще это можно объяснить? Что-то мне подсказывает...

— Ты голодна? — Ян попросил задержаться у нашего столика идущую мимо официантку и указал ей на меня.

— Один гамбургер, пожалуйста. И к нему побольше картошки фри, — усмехнулась я, взглянув на Яна.

— Что будете пить? — торопливо спросила она, чиркая что-то у себя в блокнотике.

— Она будет пиво, — сказал за меня Ян.

— Я буду «Май Тай»^[22].

Ян изумленно охнул, хлопнув ладонью по столу:

— Тогда сделайте два.

— Что-нибудь еще для вас? — спросила его официантка и ненароком взглянула на экран его ноутбука. — Это что, Люси?

Ян застыл, переводя взгляд с меня на официантку, которую, судя по бейджику, звали Ангелина.

— Вы ее знаете? — выпрямился он на стуле.

— Она мне напомнила подругу Имельды Родригес. Госпожа Родригес — менеджер нашего отеля, — объяснила она, увидев, что Ян нахмурился. — Люси останавливалась у нас несколько недель назад, а женщина у вас на фото очень на нее похожа. Она частенько здесь бывает.

От барной стойки что-то крикнули, и Ангелина взглянула туда через плечо.

— Сейчас принесу ваши напитки.

— Что вообще это было? — в недоумении спросила я.

Коллинз указал на экран ноутбука, на котором была открыта та самая фотография Лэйси, что я прислала Яну. Он редактировал изображение этой Лэйси, или Лэйни, или Люси — или как там еще она себя называла. Судя по всему, обрабатывал он не только снимки с серфингом.

Ян внимательно посмотрел на меня:

— Всегда прислушивайся к своей интуиции.

И, словно отзываясь этому его сентиментальному настрою, в животе у меня громко заурчало.

После нашего ланча я отправилась на пляж, а Коллинз тем временем пошел разыскивать Имельду. Он хотел выведать у той информацию о Лэйси и настаивал на том, что поговорит с Имельдой один. Ян не стал объяснять, зачем ему так уж нужно выяснить, где находится Лэйси — которую он по-прежнему называл Лэйни, — сказал лишь, что она может помочь ему найти нечто давно утраченное. Мне он обещал, что если ему удастся узнать ее местонахождение, он обязательно поделится со мной ее координатами. Я же, в свою очередь, хотела узнать у Лэйси, откуда у нее картина Джеймса «На лужайке», и кто именно просил ее меня найти.

Как раз к моему приходу освободила шезлонги одна молодая супружеская парочка. Наверняка проводили здесь медовый месяц. Улыбаясь, женщина прошла мимо меня, обняв мужа за талию. На пальце у нее сверкнуло на солнце бриллиантами новое колечко. Я посмотрела им вслед, задумчиво крутя на пальце помолвочное кольцо. От времени и мытья благородный металл успел заметно потускнеть.

Я кинула на второй шезлонг пляжную сумку и запасное полотенце, чтобы занять место для Яна, который собирался подойти попозже, и повернула зонтик так, чтобы ноги у меня оказались на солнце, а лицо в тени. Дома у нас в ноябре было уже холодно, а мексиканское солнце в послеобеденные часы казалось таким ласковым и манящим.

Посмотреть соревнования, проходившие чуть дальше по пляжу, собралась изрядная толпа. Через громкоговорители чуть ли не каждую минуту что-то объявляли, музыкальный фон задавали *Red Hot Chili Peppers*^[23]. Впрочем, ни то, ни другое не способно было заглушить рокот волн, яростно разбивающихся о берег. Их рев скорее напоминал раскаты грома.

Вскоре вид на океан заслонила официант. Я заказала кувшин воды со льдом с двумя стаканами и еще одну порцию «Май Тай». Устроившись на шезлонге, я, чтобы скоротать время, взялась за книжку. Встреча Яна с Имельдой должна была в ближайшее время закончиться, а с Карлосом я не увижусь аж до завтрашнего утра.

Вернулся официант, принеся мне воду и коктейль, быстро расставил все на деревянном столике между шезлонгами. В тот момент, когда я подписывала счет, адресуя его на наш номер в гостинице, заверещал телефон, сообщив о поступившей эсэмэс.

— *Gracias, señorita,*^[24] — кивнул официант, получив обратно счет, и потащился по блестящему на солнце песку к другому постояльцу, загорающему неподалеку.

Я же отпила коктейль и достала мобильник. Пришло новое послание от Кристен: «*Не забывай мне звонить, или я вылетаю в Мексику. Заказываю билеты через: 3, 2...*»

Я ей перезвонила. Трубку она схватила после первого же гудка:

— Ну слава богу, ты жива!

— Да, жива-здоровая. Как там моя кофейня? Еще держится?

— Естественно, что с ней будет... — Кристен возмущенно фыркнула. — Все у нас отлично. И у Нади, и у меня. Так что все нормально, включая Алана.

«А, любитель девчоночьего латте», — вспомнила я.

— А что Алан?

— Да пришел сегодня утром выпить своего привычного кофе и был сильно разочарован тем, что тебя нет. Похоже, ты ему очень даже приглянулась.

— Как это мило, — протянула я. — И как жаль, что мне он ничуть не интересен.

— А может, это потому, что тебе больше интересен Ян? Ой, бог ты мой, надо же! — театрально вскрикнула Кристен. — Он же поехал с тобой! Подумать только!

— Кристен... — предупреждаяще фыркнула я.

— Он только о тебе и думает, а ты прикидываешься, будто не замечаешь...

— Я заметила, — оборвала я подругу.

— Да ну? Так сделай же что-то с этим!

— Не могу. Джеймс...

Кристен делано вздохнула:

— Послушай, Эйми, к черту все эти сомнительные доказательства, я уверена, что Лэйси лжет. Возвращайся-ка ты домой. То, что она послала тебе из Мексики его картину, еще не означает, что он там...

— Но он здесь. Я его нашла.

— Что?!

— То есть мне кажется, что нашла. Это Карлос, хозяин той самой галереи. Хотя выглядит он несколько иначе.

— Ты сама не понимаешь, что говоришь.

— Потому-то мне и надо задержаться. Хотя бы еще на пару дней.

Кристен умолкла. Я какое-то время следила, как серферы преследуют неуловимый океанский вал, то и дело откатываясь на своих досках назад и начиная снова.

— Так когда ты вернешься? — спросила подруга.

— Вылет в понедельник утром.

Интересно, а Джеймс будет со мной на борту? Сможем ли мы вообще продолжить наши с ним отношения, после того как они однажды оборвались? Никаких шансов. Я поняла, что в душе у меня уже не будет тех же чувств к Джеймсу, как когда-то прежде. И от этого мне стало так же горестно и тоскливо, как после известия о его смерти.

— Береги себя, — сказала Кристен.

— Постараюсь, — вздохнула я.

— Ой! Чуть не забыла! — воскликнула она, когда я уже хотела отключить связь. — Сегодня утром в кофейню приходил Томас. Интересовался тобой. Я сказала, что ты в Пуэрто-Эскондидо.

Я тут же напряглась, выпрямившись на шезлонге и скинув с него ногу. Мысленно я даже хлопнула себя по лбу: как я не предупредила подруг, чтобы они ничего не говорили Томасу!

— А ты сказала, зачем я поехала? — осторожно спросила я.

— Только, что тебе нужен маленький отпуск. Он как-то очень подозрительно к этому отнесся, стал задавать мне разные вопросы. Хотел знать, почему ты выбрала именно это место, и планировала ли свой отпуск или отправилась туда спонтанно.

— Может, это простое любопытство?

— Все может быть, но ты ведь знаешь Томаса. Он вообще в последнее время какой-то странный.

В этот момент подошел Ян и, увидев, что я говорю по мобильнику, улыбнулся. Я жестом предложила ему сесть, и он, убрав мое полотенце в сторону, растянулся на соседнем шезлонге.

— Ян пришел. Мне пора, — поспешно сказала я Кристен и попрощалась, обещая позвонить ей перед вылетом.

Солнце уже начало потихоньку склоняться к горизонту, ласковое тепло сменилось изнуряющим зноем.

— С Имельдой удачно пообщались? — прищурилась я на Яна.

Он помотал головой, наливая себе в пустой стакан воды. Собравшийся на стенках кувшина конденсат закапал на песок.

Мне хотелось расспросить Яна о Лэйси и о том, что именно он ищет. Хотелось поддержать его — так же, как и он во всем меня поддерживал. Хотелось, чтобы он мне доверял, и я бы надежно хранила в своем сердце его самые заветные, самые личные тайны.

И еще я хотела... его самого.

Я шумно, со свистом, выдохнула. Да что вдруг такое на меня нашло?! Что вообще со мной творится?! Мужчина, к которому меня влечет — это Джеймс. И ради Джеймса я сюда и приехала.

— У Имельды не нашлось времени со мною встретиться, — проговорил Ян, — так что я условился встретиться с ней на завтра, ближе к полудню. — Двумя большими глотками он осушил сразу полстакана. — А еще она спрашивала о тебе.

— Обо мне? — удивленно вскинула я брови.

— Ей хочется знать, как тебе понравилась галерея Карлоса.

— Откуда ей известно, что ты со мной? — Я скрутила волосы в бесформенный пучок. — Может, она видела нас вместе?

Ян пожал плечами:

— Спроси у нее сама. Она предложила пригласить тебя завтра на ланч.

— Завтра у меня ланч с Карлосом.

Он недовольно посмотрел на меня:

— Ну, значит, потом пропусти с ней по стаканчику.

— Что за странное пожелание с ее стороны? — Уголком полотенца я вытерла вспотевший лоб. — Я с ней вчера всего-то парой слов перемолвилась.

— Она — менеджер отеля. Может, она просто очень гостеприимная хозяйка?

Я выразительно глянула на Яна:

— Ты сам-то в это веришь?

— Да ни на йоту, — без колебаний признался он.

Мы пристально посмотрели друг на друга. Я чувствовала, что Ян хочет что-то мне сказать, но предпочитал сдерживаться. Спустя несколько минут я вновь подвинула над собой зонтик, а Ян запустил ноутбук. Чтобы кое-что поискать, как объяснил он. Я вернулась к своей книжке.

Где-то через полчаса Ян, вытирая потную шею, посетовал на чересчур жаркое солнце.

— В океане пока что купаться чертовски опасно, так что схожу-ка я к бассейну, — проворчал он, вставая и складывая полотенце. Потом взглянул в сторону серферов и показал мне рукой: — Посмотри! Даже профи приходится вытаскивать из шторма на буксире.

Прикрыв глаза ладонью, я увидела, как несколько гидроциклов, таща за собой на привязи спасательные плотики, переваливают через волны, уходя все дальше от берега. Они искали серферов, которые балансировали на воде в ожидании, когда их отвезут на сушу.

Закрыв ноутбук, Ян сунул его в сумку и, закинув на плечо полотенце, спросил:

— Пойдешь в бассейн?

— Чуть позже.

Когда он ушел, я намазала ноги солнцезащитным кремом. Официант принес мне новый

кувшин с водой, и я заказала себе еще «Май Тай». Потом, поудобнее устроившись на шезлонге и положив на бедра раскрытую книжку, я сомкнула веки.

— Эйми...

Я резко открыла глаза. Прищурившись от яркого света, я увидела в ногах своего шезлонга чей-то силуэт. По ногам скользнула шершавая материя.

— У вас уже кожа обгорела.

Карлос.

Он наклонился, загораживая собою солнце, и поправил накинутое им на мои ноги полотенце.

Я села, сдвинув ноги в тень от зонта. Карлос отвернулся и крикнул что-то по-испански троим мужчинам, стоявшим у самой воды. Потом показал им жестом, чтобы шли дальше без него. Те в ответ помахали рукой и отправились по берегу в сторону городка.

Повернувшись ко мне вновь, Карлос кивнул на мой столик:

— Педро у нас делает знатный «Май Тай». Как он вам?

Заказанный мною коктейль стоял на столике в лужице конденсата. Я нахмурилась. Это ж сколько я спала? Видимо, достаточно, чтобы хорошенько поджариться на солнце. Кожа на голеньях просто горела.

— Педро — это бармен в «Каса-дель-Соль», — объяснил Карлос, неверно истолковав мое смущенное молчание. — Можно мне сесть? — указал он на край моего шезлонга.

— Разумеется.

Когда он сел, я подвинулась, балансируя над углублением в кресле, чтобы компенсировать вес Карлоса. Он улыбнулся и, наклонившись, поднял с песка мою книжку. Похоже, она упала, когда я спала. Карлос стряхнул с нее песок и, заложив страницу, положил роман на стол.

Толпа на берегу уже успела рассеяться, соревнования на сегодня были отложены. На Карлосе была все та же футболка с эмблемой прошлогоднего чемпионата, но джинсы сменились пляжными шортами. Лоб блестел от выступившей на жару испарины.

— Ходили смотреть соревнования? — спросила я.

— Да, заглянул ненадолго. В этом году участники что надо.

— А сами серфингом занимаетесь?

— В последние два года — нет. — Он указал на свой шрам, неровно тянувшийся вкруг левого глаза. — Я однажды здорово расшибся. Скулу и нос собирали чуть не по кусочкам. А медицина в этих краях — прошлого века. Долго еще после этого восстанавливался, — криво усмехнулся Карлос.

У меня даже челюсть отвисла. Вот те на! Вероятно, он так сильно ударился головой, что напрочь потерял память. Просто полный провал. И произошедший с ним несчастный случай, и понадобившаяся после него лицевая пластика вполне объясняли, почему черты лица у Карлоса не такие, какими были у Джеймса. Но вот потеря памяти! Неужели он даже не пытался выяснить, кто он такой? И почему он не вернулся домой? Похоже, он вообще не в курсе насчет того, кем был до несчастного случая.

Я уже хотела спросить кое о чем Карлоса, но тут подошел Ян. Он сразу подключил свой ноутбук к камере. Когда Ян остановился у моего кресла, Карлос поднялся. Бедром Коллинз слегка коснулся моего плеча, и я едва сдержалась, чтобы не прислониться к нему поближе.

— Не хотел вас прерывать... — проговорил Ян.

— *No problema*^[25], — отозвался Карлос и указал большим пальцем в ту сторону, куда

удалились трое его приятелей.

— Кстати, я — Ян, — протянул ему ладонь Коллинз.

— *Sí, Ian. El amigo*^[26]. — Карлос пожал ему руку: — Карлос.

— Очень приятно познакомиться. — Ян украдкой взглянул на меня и сказал Карлосу: — Видел флаеры с вашей галереей. Надо заметить, у вас прекрасные картины.

— *Gracias*.

— И там все работы ваши?

Карлос сунул руки в боковые карманы.

— Только картины. Скульптуры создавал один мой друг, Джоакин.

Ян сложил руки на груди.

— Мне вот любопытно: почему под вашими картинами стоит подпись: «Дж. К.Д.»? Что означает эта «Д.» в начале?

— Ян...

У Карлоса чуть приподнялись уголки рта:

— Вполне резонный вопрос. Мое полное имя — Джейми Карлос Домингес.

Я изумленно втянула воздух. *Джеймс Карлине Донато*. В моих ушах гулко застучала кровь. Такое совпадение инициалов было уже чересчур для простой случайности, чтобы ничегошеньки не означать.

— Так завтра в десять? — улыбнулся мне Карлос.

Я кивнула с каменным лицом. Он усмехнулся и заторопился вслед за друзьями.

— Ты в порядке? — спросил меня Ян и тут же нахмурился: — Давай-ка уйдем уже с солнца. Ты такая бледная...

Я кинула на него бессмысленный взгляд:

— Мне хорошо.

Поднявшись с шезлонга, чтобы надеть шапочку для плавания, я покачнулась.

Тогда Ян решительно опустил меня, прихватив за плечо:

— Сядь лучше, посиди. И выпей воды. — С встревоженным лицом он наполнил мой стакан. — Пей потихоньку, — посоветовал Ян, когда я залпом выпила нагревшуюся на солнце влагу.

Пока я ждала, когда перестанет кружиться голова, Ян аккуратно сложил полотенца и сунул их в пляжную сумку. По пути к отелю он одной рукой приобнял меня.

— Скоро ужин, и тебе обязательно надо поесть. Давай-ка пойдем освежимся и перекусим. Я угощаю.

В этот момент он мог бы предложить отправить меня на Луну — я бы не сопротивлялась. От солнцепека и от присутствия Карлоса в моей голове царил полнейший сумбур. И всю дорогу к гостинице я тяжело опиралась на Яна, а он меня бережно придерживал.

К тому моменту, как Ян зашел за мною в номер, я успела облачиться в голубое открытое платье, которое, я знала, очень ему нравилось.

Дрожащими от волнения пальцами я застегнула крохотные пуговики на лифе, оставив две верхние расстегнутыми. Потом подумала — и расстегнула еще одну. Еще раз посмотрела на свое отражение в зеркале — и удивилась, насколько невозмутимо я выгляжу при том, что сердце у меня отчаянно колотится. И хотя головокружение от солнца и туман в голове давно уже прошли, я все равно не могла не воспринимать наш сегодняшний ужин как свидание. Как мое самое первое в жизни свидание. С Джеймсом-то мы давно друг с другом свыклись — когда он, еще мальчишкой, водил меня, девчонку, в кино. Мы были знакомы уже долгие годы и успели пересмотреть вместе целую кучу фильмов.

Ян постучал, и я, подскочив, резко обернулась к двери. Схватившись за ручку, я с силой распахнула дверь, да так, что она ударилась в стену.

— Тихо ты! — Ян выставил ладонь, упершись в дверь, чтобы она, спружинив, меня не ударила.

На нем была облегающая черная футболка с V-образной горловиной, легкие брюки цвета хаки и шлепанцы. И пахло от него замечательно. Свежим душем и морем.

Ян улыбнулся, приподняв уголок рта, и от этого показался мне настолько сексуальным, что наш предстоящий дружеский ужин уже грозил перейти и в нечаянную ночь.

Мой взгляд привлек перекрутившийся поперек его груди ремешок от фотокамеры, и дрожащими пальцами я стала его расправлять.

Ян прижал мою ладонь к своей груди:

— Расслабься, Эймс.

— Не могу.

Комната перед глазами поплыла, и я приникла к Яну, упершись взглядом в его грудь.

— Посмотри на меня, — решительно сказал он. Я подняла голову, и наши глаза встретились. — Давай забудем и про твою кофейню, и про мою следующую выставку. Забудем про эту Лэйни-Лэйси и про то, зачем мы вообще сюда приехали. Сегодня будем только ты и я, и никого больше. Можем мы себе такое позволить?

Я кивнула, не в силах оторвать от него взгляд. Было что-то завораживающее в его голосе, какая-то легкая каденция в звучании слов. И я представила даже больше, чем то, как Ян меня целует. Я подумала, что я почувствую, когда он окажется на мне, полностью обнаженный. И какова на ощупь его кожа, скрывающаяся сейчас под рубашкой? Пальцы невольно согнулись, вцепившись в тонкий хлопок.

«Господи, у меня, должно быть, солнечный удар, раз такое приходит в голову!».

Ян между тем, переплетя свои пальцы с моими, увлек меня в коридор.

— Ты как-то нездорово разругалась, — заметил он. — Пойдем-ка тебя немного подпитаем.

Он уже заказал нам столик в гостиничном прибрежном ресторане, на втором этаже террасы с видом на бассейн.

Мы сделали заказ, и когда официант ушел, за столиком повисла тишина. Я наблюдала, как Ян возится со столовыми приборами, то перекладывая вилки на салфетке, то проверяя остроту ножа. Он нервничал явно не меньше моего, и мне это показалось очень

трогательным. Я знала, что он ко мне неравнодушен — и все равно готов следовать за мной по всему миру в моей погоне за другим мужчиной.

«Я бы обыскал весь свет, обширил каждый уголок земли», — словно отозвались у меня в сознании его слова. Этот человек был или слишком глуп, или чересчур влюблен. Причем именно в меня.

Я быстро отвернулась.

— О чем ты сейчас думаешь? — тихо спросил Ян.

По моим щекам вновь пополз предательский румянец. Я кашлянула, прочищая горло.

— Я думаю о тебе. О нас. О том, почему ты сейчас здесь, — храбро призналась я. — Почему ты со мной поехал?

Он молча смотрел на меня, казалось, целую вечность.

— Однажды я потерял очень дорогого мне человека, — наконец заговорил Ян, — потому что не пошел за ней. Я был ужасно зол и обижен и потому позволил ей уйти. Но потом мой гнев рассеялся, я понял, что она была не виновата, обидев меня. Она ничего не могла с собой поделать. Но понял я это уже слишком поздно: она давно уже исчезла, и я даже не представлял, куда.

Ян задумчиво воззрился на океан. Легкий ветерок теребил его волосы. Мне даже в голову не пришло ревновать его к той женщине, которая так прочно владела его сердцем, — столь глубокой и давней казалась его боль. В этот момент мне больше всего хотелось погладить Яна, пробежаться пальцами по его волнистым волосам, попытаться успокоить.

— Кто она была?

— Моя мать. — Он подался ко мне, накрыв мою ладонь своею. — Так вот, благодаря ей я и осознал, что нельзя легко отпускать от себя тех, кто для тебя в жизни важен. Близких друзей, людей, которые тебе дороги. — Он погладил большим пальцем мою кисть. — Ты очень дорога мне, Эйми. Дороже, чем ты думаешь.

От его слов я ощутила в себе какой-то мощный импульс. Невероятный заряд пробежал по руке от того места, где Ян меня касался, словно электризуя кожу.

— Я очень рада, что ты здесь, со мной. А еще рада, что ты пригласил меня на ужин. Это замечательно.

Он заправил мне за ухо строптивую прядь.

— Готов поспорить, здешняя еда не идет ни в какое сравнение с твоей. Я просто очень счастлив быть здесь рядом с тобой.

— Наш ужин еще не подали, а ты уже его критикуешь, — улыбнулась я.

— Знаешь, за время моих путешествий я накопил изрядный гастрономический опыт, — усмехнулся Ян. — Но вот в последние несколько месяцев я вечерами прихватывал домой приготовленную тобою еду. Так что теперь, когда я вкусил наилучшего, мне довольно трудно будет пробовать что-то иное. — Лицо его внезапно омрачилось, в мягком сиянии свечей на нем проступила грусть. — Будет ужасно жаль, если ты не вернешься в свою кофейню. У тебя редкий кулинарный талант, чтобы им разбрасываться. Он обязательно должен быть оценен людьми.

— Как и твои фотокартины?

Ян кивнул.

— В твоих рецептах кроется какое-то волшебство. Мне кажется, ты уже достигла того, что собиралась сделать. Ты создала совершенно уникальные кофейные шедевры, и твои клиенты непременно будут возвращаться к тебе снова и снова, потому что от твоей кухни и

напитков им становится лучше и радостнее. Это как «Восход над Белизом»: манит тебя туда поехать. Лишь истинные художники способны своими творениями вызывать такой эмоциональный отклик. И ты, Эймс, тоже художник.

Вспыхнув, я наклонила голову. От его комплимента мне захотелось петь и плясать. Однако обеспокоенность Яна все же передалась и мне.

— Но я не собираюсь бросать свою кофейню.

— А Карлос? Ведь, по всей вероятности, это все-таки Джеймс. А что, если он не захочет уезжать из Мексики? Ты останешься с ним?

Теперь уже Ян и не скрывал своего страха, и это чувствовалось по его лицу и по тому, как напряглись его плечи. Он явно боялся меня потерять.

— Надеюсь, до этого все же не дойдет, — сказала я, хотя и понимала, что рано или поздно мне придется сделать выбор.

Наконец официантка доставила нам заказанные блюда. Когда мы поужинали, Ян расплатился по счету и тут же взялся за камеру, меняя установки и настраивая оптику. Слушая щелчки и пиканья его фотоаппарата, я, не сводя глаз, смотрела на протянувшуюся по океану лунную дорожку. Моих губ коснулась легкая улыбка. Эти звуки теперь всегда будут у меня ассоциироваться с Яном. И хотя мы договорились сегодня не говорить ни о кофейне, ни о фотографии, мы все равно в итоге завели речь о работе — впрочем, меня это ничуть не покорило. Мне нравилось то, с какой страстностью Ян относится к своему делу. Нравилось...

Неожиданно Ян меня сфотографировал, внезапно полыхнувшей вспышкой оборвав мои мысли.

— Зачем ты это сделал? — сморгнула я.

— Ты прекрасна. — Он получше рассмотрел на экранчике полученное фото. — Ты так восхищенно смотрела на океан, и мне очень понравилось выражение твоего лица. Оно было таким умиротворенным!

— Да уж... — буркнула я, складывая на коленях салфетку.

— Я еще ни разу не видел у тебя такого лица, и мне захотелось сохранить этот образ.

Он дал мне взглянуть на изображение и тут же отвернул камеру обратно, оставив меня под впечатлением того, будто я видела незнакомку.

— И как здесь продвигаются твои дела с фотографиями? — В этот раз Ян мало снимал пейзажи, предпочитая им события местной культуры и обыденную жизнь. То есть в основном фотографировал людей.

— Да не так и плохо, как я ожидал.

— Это потому, что ты настоящий мастер.

Он пожал плечами.

— Вообще-то я не всегда так уж любил свою работу.

На лице его отражались совершенно разные эмоции. Уже знакомые мне тоненькие морщинки над скулами выдавали беспокойство. Я погладила его руку большим пальцем:

— Мне кажется, твоя работа сама любит тебя. Ты способен находить красоту там, где другие ее попросту не видят. Или предпочитают не замечать. У тебя талант.

Ян смущенно что-то буркнул, закрывая объектив крышкой.

— Тут несколько людей согласились стать моими моделями и позволят поместить их фотографии на выставке. Ты не возражаешь, если я выставлю там и твои снимки?

Я отпрянула назад:

— Мои?!

— Я их не стану продавать. Твои фотографии ни за что бы не смог продать, — добавил он задумчиво и отложил фотокамеру. — Когда вернемся домой, Венди пришлет тебе бланк разрешения. Ты уже закончила? — Он показал на мою пустую тарелку.

Я кивнула.

— Отлично. Тогда пойдем посмотрим, может, на наши головы свалятся какие-то приключения? — Он посмотрел на меня с озорной улыбкой, и я рассмеялась.

Мы отправились в бар выпить по коктейлю. Там, на маленькой сцене, выходящей на патио с бассейном, поблескивающим под светом белых мерцающих ламп, играл небольшой мариачи-бэнд^[27].

Неожиданно схватив меня за руку, Ян устремился к танцполу. Я пронзительно вскрикнула.

— Все-все, поздно говорить, что ты не любишь танцевать, — громко, перекрывая звуки труб, сказал он.

— Я и не говорила никогда, что не люблю танцевать, — прокричала я ему в самое ухо. — Я как раз люблю танцевать. Просто музыка тут... Какая-то она...

— Слишком бодрая?

— На польку больно смахивает.

Тут он вскинул согнутые руки и, энергично похлопав в ладоши у левого плеча, мигом сместился вправо, снова похлопал в ладоши. Все его движения были до смешного театральны. Хихикая, я принялась ему подражать и, тоже подняв руки, крутанулась вокруг своей оси. Юбка тут же вспорхнула над бедрами. Когда я завершила оборот, Ян щелкнул затвором объектива.

— А ну, стоп! — вскинувшись я и попыталась выхватить камеру. Ян ускользнул от меня в сторону, и я возмущенно уперла в бока кулаки: — Мы же договорились! Убери сейчас же эту штуку.

— Подожди здесь... — Он отошел к стойке и переговорил с барменом, передав тому свою камеру и несколько банкнот. Бармен пристроил куда-то фотоаппарат, купюры же быстро сунул себе в карман.

Заиграла медленная мелодия. Из медных труб полились чарующие, соблазнительные звуки. Струны гитар подхватили ритм, от которого бедра сами начали покачиваться. Ян в этот момент вернулся к танцполу, и наши глаза на расстоянии встретились. Я невольно приоткрыла губы. От его напряженного, решительного взгляда я словно приросла к месту. Он приблизился ко мне, подхватил в объятия. По моей плоти пробежала дрожь, я ощутила что-то похожее на голод. Прижалась к нему ближе.

Неторопливо, мучительно медленно проведя ладонями по моему телу, Ян обхватил мое лицо. Осторожно провел большим пальцем по губам и наконец поцеловал. Поцелуй его был и жарким, и отчаянным, и нежным одновременно.

Синхронно покачиваясь, мы медленно скользили по танцполу. Музыка стала громче, а наши губы — смелее, языки страстно сплелись. Потом я вдруг спохватилась, где мы находимся и, вообще, зачем я здесь.

— Что мы с тобой делаем? — выдохнула я ему в рот. — Что ты со мною делаешь?

Мысли в голове путались.

— Я тебя целую, — произнес он, почти не отрываясь от моих губ. — Я люблю тебя...

Он целовал меня так, как не целовал еще ни один мужчина — по сути, до этого

мгновения это делал вообще лишь один мужчина, который очень много для меня значил. Но это было уже очень давно, и я, пожалуй, даже затруднялась вспомнить, каковы они были — те далекие поцелуи.

В голове воцарился хаос. Я была в полном смятении и от того, что делал сейчас со мною Ян, и от того, что сама я испытывала к нему. И еще меня охватила нерешительность: что мне с ним, собственно, делать? Я должна была бы оттолкнуть его прочь — но вместо этого удерживала в объятиях.

Руки Яна лихорадочно скользили по моей спине, губы оказывались повсюду — на моих губах, щеках, на подбородке, на горле. Когда же его язык коснулся пульсирующей ямочки на моей шее, я, казалось, ощутила буквально каждую клеточку своей кожи. Это было совсем невыносимо.

— Зачем ты это делаешь? — спросила я, задыхаясь. — Почему именно сейчас?

Его губы скользнули по моей щеке, прихватили мочку уха.

— С покойным парнем я никак не мог соперничать, ты его боготворила.

— Но я все равно его не забуду! — в отчаянии вскричала я, не слишком себя контролируя.

Ян глубоко запустил пальцы в мои волосы, впился в меня взглядом:

— Он живой, Эйми. Совершенно живой, из плоти и крови. И с таким-то я вполне способен потягаться.

— Но это не игра, Ян, не соревнование! И я вам не приз.

Его взгляд стал серьезным.

— Никто и не расценивал тебя как приз. Для меня ты значишь неизмеримо больше. И заслуживаешь ты намного большего, нежели позволяешь своим чувствам.

С чувствами у меня как раз было все в порядке — я готова была взорваться от всех тех ощущений, которые будил во мне взгляд Яна, от того, как он касался моей кожи, как целовал меня. Что же со мною творилось?

«Оттолкни его. Сосредоточься на том, зачем ты здесь».

— Ты же мой подчиненный, — нашла я малоубедительный довод.

— Значит, уволюсь. — Он крепко, со стоном прильнул губами к моему рту. Или это простонала я?

Я провела ладонями по его груди, чувствуя, как вот-вот совсем потеряю над собой контроль, отпустив все то, что казалось таким безопасным и знакомым.

«Господи, я же приехала за Джеймсом!»

И решительно отстранила Яна, прервав наш поцелуй.

Взгляд его горящих глаз — темный, неистовый, точно грозовая буря — пронзил меня насквозь. Один этот взгляд сказал мне обо всем.

— Ян...

— Я люблю тебя.

— Не надо...

— Люби меня, Эйми!

Я будто бы разлетелась на осколки.

— Я не могу...

Разрыдавшись, я выбежала из бара.

В вестибюле я нашла тенистый уголок и упала в плетеное кресло. Моя кровь отчаянно пульсировала, сердце бешено колотилось. Ян не проделал трещину в стене, которую я

воздвигла между нами — он взорвал ее мощным динамитом, разнеся в мелкие брызги. Он заставил меня увидеть, каков он есть на самом деле.

Вскоре мое внимание привлекло какое-то движение по вестибюлю. Ян, с мрачным, как туча, лицом, торопился к лифтам. Он направлялся вверх, к себе в номер, явно забыв в баре фотокамеру.

Подскочив с кресла, я вернулась в заведение и убедила бармена отдать мне оставленный у него фотоаппарат. Потом вернулась в свой укромный уголок в вестибюле, не в силах противиться желанию просмотреть сохранные в камере снимки.

Фотографии там оказались просто феноменальными! Кратчайшие мгновения человеческой жизни, запечатленные в великолепном цвете. Каждое фото могло поведать какую-то историю — включая и мои снимки.

Я взглядела в фотографию, сделанную Яном за ужином, и увидела там человека, которого я сразу и не узнала. И впрямь, этого человека я не видела уже очень долгое время. Это была я.

Радостно спокойная и невозмутимая. Раскрепощенная и беспечная. Женщина, которая любит и любима.

Тут у меня словно разом вышел из легких воздух, внутри что-то натянулось. Я отрицательно помотала головой — однако со снимка на меня смотрела самая что ни на есть истинная правда. В тот момент, когда он щелкнул это фото, я думала о том, как же мне нравится страстное увлечение Яном работой. И о том, как люблю я его самого.

«Ах, Ян...»

Выключив камеру, я поспешила вверх, к его номеру, и громко постучалась. Он рывком приоткрыл дверь, и у меня перехватило дыхание.

Ян вопросительно смотрел на меня, стоя без рубашки, в низко посаженных на бедра пижамных штанах. И я поняла, что пропала.

— Можно войти? — спросила я, протянув ему фотокамеру.

Он распахнул дверь пошире и, впусив меня в номер, так и оставил ее открытой. Я перекинула над головой ремешок, но камеру отдавать пока не стала.

— Я посмотрела твои снимки, — призналась я.

Тут из коридора донесся громкий пронзительный хохот — кто-то расхотился по номерам после поздней вечеринки. Ян толкнул дверь, и когда та закрылась, сложил руки на груди. На шее упруго напряглись мышцы. Он явно не был рад моему визиту.

Я взволнованно сглотнула.

— Извини, но просто, взглянув на один, я уже не могла остановиться. Я знаю, ты не любишь выставлять портреты. Что-то тебя в этом отталкивает, вызывает какую-то неловкость. Я могу это понять. Но портретные фото у тебя потрясающие! Это больше чем великолепно... — Облизнув пересохшие губы, я робко шагнула к нему. — Они взволновали меня.

Ян протянул руку за камерой.

Я подступила к нему еще на шаг.

— Вернее, *ты* взволновал мою душу.

— Эймс, — низким голосом проворчал он, — я так не могу. Я не могу с тобой что-то там начинать, зная заранее, что ты меня оттолкнешь. Лучше давай-ка мы останемся друзьями, раз уж ты не питаешь ко мне никаких чувств. Отдай фотоаппарат.

Я положила камеру на кресло за своей спиной.

— Я тебя не оттолкну.

Наши глаза встретились. У Яна напрягся подбородок... Это единственное, что я успела заметить. В мгновение ока метнувшись от двери, он всем телом приник по мне. Его пальцы тут же зарылись в мои волосы, рот жадно прильнул к моим губам. Та буря страсти, что я уже успела в нем пробудить, неистово вырвалась наружу.

Я скользнула руками по его нагой груди, обвила шею, затылок. Мне хотелось, чтобы его поцелуй никогда не иссякал. Ян быстро провел ладонями по моим плечам, потом вниз по спине, расстегивая платье. Легкая ткань тихо опустилась на пол, и он последовал за ней, стягивая с меня трусики. Затем поднялся, выпрямившись передо мной — и у меня руки словно сами потянулись к его торсу, касаясь то широкой и гладкой груди, то впадинки над ягодицами. Он был тверд и крепок там, где я мягка, и сильным там, где я слаба. Отчасти я все еще осознавала, что он мой друг, но уже ничего не могла с собой поделаться, просто с ума сходила от него.

Ян подхватил в ладони мою грудь и оттеснил меня к кровати, опустив на самый ее край. Там он встал передо мною на колени и, положив руки мне на бедра, развел колени в стороны. Обнаженная и совершенно раскрытая перед Яном, я встретилась с ним взглядом.

Еще можно было остановиться. Еще оставался какой-то шанс сказать ему, что это вовсе не то, чего я ищу. И он вовсе не тот, кого я ищу...

Однако сейчас я желала именно его. Желала целиком и полностью.

Я молча кивнула, и тогда, издав утробный, первобытный стон, Ян склонил голову.

От прикосновений его языка, от нежных ласк его губ я невольно вскрикивала, вцепляясь пальцами в его волосы, прижимая его к себе и вся дрожа.

Потом он отстранился. Я распахнула глаза — Ян уже стоял передо мной, стягивая штаны и не оставляя ни малейших сомнений в том, насколько он меня желает.

Забравшись на постель, он подтянул меня к подушкам и всем своим весом навалился сверху. Потом потянулся к ночному столику, выдвинул ящик.

— Ян! — тихо вскрикнула я.

— Я здесь, детка, — шепнул он мне в самое ухо.

Послышался звук рвущейся фольги. Ян немного пошевелился надо мной, прилаживая «доспех», и наконец вошел в меня.

— Я люблю тебя, — выдохнул он и начал размеренно двигаться.

Я вцепилась в Яна, с трудом справляясь с напором ощущений, вспыхивающих по всему моему телу и внутри него.

— Лети ко мне, Эйми. Лети, я тебя поймаю... — Мощным толчком он пронзил меня так глубоко, что, казалось, коснулся моей души. — Все отпусти, детка. Лети...

Так я и сделала. И вскоре, содрогаясь всем телом, я с алчущей страстью уносилась куда-то в бездонные выси, за пределы реальности, где неизменно оказывался Ян, готовый меня поймать.

* * *

Медленно открыв глаза, я обвела взглядом комнату. Это был номер Яна. Я лежала ничком на его постели, прислушиваясь к его дыханию. Его мерные вдохи и выдохи действовали на меня успокаивающе, и я представила, как просыпаюсь рядом с ним каждое

утро. На губах у меня появилась легкая улыбка.

Было еще очень рано, лишь первые проблески зари просачивались сквозь приоткрытую балконную дверь — а у меня уже сна не было и в помине. Этой ночью я совсем ненадолго смогла заснуть — но это был лучший сон за все долгие последние месяцы. Ян любил меня почти всю ночь напролет, сотворяя с моим телом то, что мне даже не представлялось возможным, а душу доводя до состояния, о котором я не могла и мечтать. При воспоминании об этом все мое тело, словно отзываясь, полыхнуло под простыней огнем.

Но потом ко мне вернулась-таки ее величество реальность, и вся эйфория после случившейся ночи любви мигом испарилась, точно капля воды на раскаленной сковороде.

Я предала свои чувства к Джеймсу. Я предала саму себя.

На моих глазах проступили слезы, и я поспешно выскользнула из постели, стараясь не шуметь. Я не осмеливалась даже взглянуть на Яна, не позволяя себе увидеть, как он прекрасен, наверное, утром, слегка помятый со сна и невероятно обольстительный. Смотреть на него было слишком рискованно.

Я тихонько оделась, взяла в руки босоножки и вышла из номера. Прежде чем закрыть дверь, я украдкой взглянула на Яна. Он смотрел на меня и на лице его читалось полнейшее недоумение.

И тут я почувствовала, что мое сердце расколосось надвое. Теперь одна его часть по-прежнему существовала для Джеймса, другую же я отдала Яну.

В «Эль-Студио дель Пинтор» я приехала за пятнадцать минут до начала занятия, потому что просто устала бесцельно бродить по пляжу. Из отеля я ушла еще до того, как Ян мог отправиться на мои поиски. Видеться с ним мне не хотелось: я сильно задела его своим уходом и вообще пока не готова была что-то решить в отношении его.

Однако все напоминало мне о том, что мы с ним совершили. Юбка все время терлась по тем местам, к которым он прикасался, да и все тело после нашей ночи до сих пор было обостренно-чувствительным. Соленый воздух вокруг меня пах его кожей. А легкий ветерок, ласково овевавший мою шею, напоминал о его нежных поцелуях.

Ян вознес меня до таких недостижимых высот, к которым я просто не отваживалась вздыматься ни с кем иным. И, следуя его зову, я сумела отрешиться от всего, взлетев над миром. И там, в этой выси, я впустила его в свое сердце.

Пока что Ян все равно был в моем сердце посторонним — хотя еще до Мексики я чувствовала, что однажды мы с ним будем близки. Но пока мое сердце принадлежало лишь Джеймсу. И именно из-за него я оказалась здесь, у галереи.

Стоило мне войти, как меня поприветствовала сидевшая за столом молодая женщина. Она вскинула блестящие глаза цвета черного кофе и, отложив недочитанную книжку в мягкой обложке, сказала:

— *Hola! ¿Cómo está?*

— *Muy bien, gracias*^[28], — ответила я известной мне расхожей фразой и, словно извиняясь, улыбнулась: — Простите, я не говорю по-испански.

Она широко распахнула глаза:

— Вы — та самая прекрасная американка, о которой мне говорил Карлос?

Мои брови поползли на лоб.

— Я? — ткнула я себя пальцем в грудь.

Незнакомка рассмеялась:

— *Si!* Может, мне и не следовало бы это говорить, но Карлос не один раз упоминал, что сегодня утром вы придете. — Выйдя из-за стола, она пожалала мне руку: — Я — Пиа. Я работаю в субботнюю смену, потому что по субботам его никогда тут не бывает. — Она особо подчеркнула слово «никогда», даже взмахнув при этом рукой. — *Si*, вы для него, должно быть, что-то значите.

«Уже интересно», — подумалось мне.

— Почему вы так решили? — спросила я, перекидывая сумку на другое плечо. Мои пальцы дрожали: мне и не терпелось, и в то же время страшно было вновь увидеться с Карлосом.

— Субботы он всегда посвящает живописи, а еще, — наморщила она нос, — бегу. Он очень много бегают.

— Тренируется к марафону?

— Это он вам сказал? — недоверчиво спросила девушка, затем смерила меня взглядом с головы до ног. Точнее, до легких босоножек. — Карлос никак не может вас понять. Вы хотите брать уроки живописи — и притом вы не любите рисовать. Мне кажется, он не может вас раскусить потому, что вы не выходите у него из головы, — постучала Пиа пальцем по виску. — С чего это вдруг?

Я непонимающе уставилась на нее:

— Я не понимаю, что вы имеете в виду.

— Зачем вам понадобилась живопись? — прищурилась она. — Вам нравится Карлос, да?

— Ну, он блестящий художник...

«И мне он нравится. Нет, точнее, я его люблю», — добавила я про себя.

Лучше бы я вчера так и оставила фотокамеру Яна в баре, тогда бы мне не понадобилось идти к нему в номер. Боже ты мой! Ведь на моем пальце по-прежнему кольцо Джеймса!

— Карлос, конечно, потрясающий художник, — продолжала между тем Пиа, — но он никогда не приходит по субботам. *Si*, вы ему нравитесь. И я так за него рада! Он ходил такой угрюмый с тех пор, как потерял... — Тут она шлепнула себя ладонью по лбу и рассмеялась: — Ай-яй-яй, я, как всегда, слишком много наболтала. Но вы мне нравитесь, так что я лучше помолчу. Карлос наверху, — указала она на заднюю дверь. — Выйдите во дворик, потом через дверь слева попадете на лестницу.

— Спасибо, — кивнула я. — Приятно было познакомиться.

— Счастливо! — отозвалась она, прежде чем за мной закрылась дверь.

Я прошла тем путем, который указала мне Пиа, поднялась по узкому лестничному проему. Ступени вывели меня к большому залу, буквально озаренному естественным солнечным светом. Весь потолок был усеян стеклянными проемами. Из огромного окна открывалась лежащая внизу улица, вдалеке над крышами тонкой голубой полоской проглядывал океан. По стенам были развешаны работы, выполненные совершенно в разной технике: и пастелью, и маслом, и акрилом, и тушью, и углем. По всему залу, точно парты в школе, стояли ряды мольбертов. Один помещался напротив — это явно было место Карлоса.

Я окликнула его по имени. Он не ответил. Где же он?

Я даже не представляла, чего мне ожидать. Живописью я несколько не увлекалась, но мне хотелось провести с ним какое-то время рядом. Понаблюдать за ним, посмотреть, как он работает. Интересно, он, как и Джеймс, левша? И раскладывает ли кисти по толщине и материалу, как это всегда делал Джеймс?

В южной стене зала виднелись три двери. Одна была широко открыта и являла взору стенной шкаф, забитый тюбиками с красками, кистями, банками со скипидаром, нетронутыми холстами. Я подергала вторую дверь — там оказалось заперто. Чувствуя себя Златовлаской^[29] в чужой избушке, я в поисках той самой, нужной мне комнаты, где скрывался Карлос, попробовала открыть третью дверь — и она вдруг распахнулась. За ней обнаружилась комната, освещенная еще ярче, нежели основной зал. Я даже прищурилась, пока глаза не привыкли к столь интенсивному свету.

В центре комнаты, рядом со столиком, заваленным тюбиками с краской и заляпанной ветошью, возвышался мольберт. Из жестяных и стеклянных банок и керамических кружек торчали кисти и шпатели. У ближней стены были составлены холсты — одни законченные, другие брошенные на половине. Почерк на всех этих работах был в точности, как у Джеймса. Но я тут же спохватилась, что написаны-то они Карлосом. Это была именно его, личная студия.

Я прошла в глубь комнаты — и вдруг застыла на месте. По позвоночнику пробежал резкий холодок, внутри внезапно зажгло — как жжет, бывает, пищевод, если проглотить с коктейлем слишком много ледяной стружки. К задней стене, за столом, будучи незаметными от входа, были приставлены пропавшие полотна Джеймса.

Что за черт?! Как они тут оказались? Когда они могли сюда попасть?

Я мотнула головой, обводя взглядом комнату. Кроме недавних работ Карлоса, которые лежали возле меня, все остальные однозначно принадлежали Джеймсу. Все, кроме портрета женщины в дальнем углу. Она словно манила меня к себе взглядом голубых глаз. Глаз цвета «карибской голубизны». *Моих глаз.*

Там оказалось, наверное, с десятков портретов этой женщины, спрятанных от случайных взоров входящих в помещение людей. Увидеть их можно было, лишь зайдя в глубину комнаты. Вряд ли Карлос кого-то приглашал сюда, в свою личную студию. Он явно не хотел, чтобы кто-то видел эти картины.

Я попристальнее вгляделась в написанную на первом холсте женщину. Миндалевидный разрез глаз и контур бровей вроде бы напоминали меня, однако голубой оттенок радужных оболочек был несколько бледнее. Я отложила картину, взглянув на следующую. Там женщина изображалась под другим углом — будто Карлос смотрел на нее сверху. И волосы ее, и цвет глаз все так же напоминали мои.

Я проглядела собранные вместе холсты, перебирая их, точно папки в архивном шкафчике. Чем дальше, тем сильнее менялись тона написанной модели, и тем старше были указанные на картинах даты. Каждая картина едва заметно отличалась от предыдущей — как будто Карлос видел перед глазами некую женщину, но никак не мог достичь идеального цветового отображения на холсте. Они казались несовершенными, отбракованными копиями моего изображения. Так же, как и краска, которую он использовал для подписей, не полностью совпадала с тем голубым, что составил когда-то Джеймс.

Почему же Карлос рисовал меня, если он меня не помнит? И почему он так упрямо отрицает, что он Джеймс?

Тут меня прошибло потом, волосы сзади прилипли к шее. Мысли хаотично перескакивали в голове, взгляд забегал по комнате, остановившись наконец снова на холсте, закрепленном на мольберте. Это была еще одна версия моего изображения. И глаза у этой женщины были точно такими же, как у меня.

«Это потому, что Карлос увидел наконец мои глаза!»

Я попыталась даже представить, как он вчера смутился, когда я подняла с глаз солнцезащитные очки, умоляя, чтобы он меня вспомнил!

На столе стояла пластиковая банка со смешанной им краской. Свинтив с нее крышку, я испустила изумленный вздох. Карлос ее все-таки сделал! Карибский голубой Джеймса!

«О Джеймс! Я все-таки тебя нашла!»

В комнате я заметила и еще кое-какие попутные детали. Тюбики с краской были знакомо стиснуты посередине, точно тюбики с зубной пастой. Чистые кисти оказались выстроены по ширине и материалу щетины. Все инструменты и краски лежали слева от мольберта, потому что он был левшой. В точности, как Джеймс.

От соседней комнаты — той, которая была заперта, — послышался звук льющейся воды. Раздался щелчок запора дверной ручки, скрипнул пол, и в дверях появился Карлос. Он замаялся на входе, недоуменно заморгал.

— И как вы мне это объясните?! — указала я на мольберт с холстом.

Он стиснул зубы и, прищурившись, взглянул на банку с краской, которую я держала в руке. Надо думать, его личная студия считалась недосягаемой для проходящих на занятия учеников, и мое появление в ней застигло его врасплох. Но дверь оказалась не заперта, и я свободно проникла внутрь, подглядев тот образ, что преследовал его из прошлой жизни,

которой он не помнил — или же предпочел забыть.

При этой мысли мои пальцы, державшие краску, будто окаменели. А что, если Джеймс просто не хотел на мне жениться? Что, если он предпочел мне искусство? Или их внутрисемейные претензии по части бизнеса вынудили его отказаться от всего, включая и меня? И вот он выкрал свои работы, имитировал собственную смерть, да и уехал прочь. И начал жизнь заново.

В какой-то момент я поняла, что мои соображения как-то не стыкуются с реальностью. Все они были лишены смысла и логики, за исключением одного: я была не нужна Джеймсу.

При осознании этого факта у меня невольно распахнулись глаза, и то бремя, что долгих девятнадцать месяцев давило мою душу, покатилося по щекам крупными и частыми слезами.

Карлос обеими руками потер лицо, быстро окинул взглядом комнату и наконец уставился на меня:

— Что случилось?

— Ничего... — Тут я от души выругалась. — Да все, на самом деле! Я уже не знаю, что и думать. — Я небрежно утерла слезы плечом. — Я так рада, что тебя нашла — и все равно страдаю из-за того, что тебя нет. Да черт тебя дери! — вскинулась я на него. — Какого черта ты тут делаешь, Джеймс?!

Тот напрягся:

— Я не Джеймс.

— Тогда объясни мне вот это! — Я ткнула пальцем в свое изображение на мольберте. — А еще вот то, — указала я на составленные у стены картины Джеймса. — Можешь мне объяснить, почему ни один из этих пейзажей нельзя увидеть в Мексике? Ты в курсе, что все это Калифорния? Ты не находишь это странным?

Его глаза полыхнули гневом.

— Во-первых, это моя студия. Это частная территория. А во-вторых, эти картины — вообще не ваше дело!

— Очень даже мое, поскольку рисовал-то ты меня! — выпалила я.

— Ничего подобного, это не вы! — парировал он. — Я вас и знать не знал до позавчерашнего дня. Это... — Он чертыхнулся себе под нос и, обойдя мольберт, указал пальцем на холст: — Эта женщина снилась мне почти что каждую ночь. Один и тот же сон, снова и снова, и... — Запнувшись, Карлос отвернулся.

Чувствовалось, что он сильно растерян, возможно даже мучим стыдом, злясь на самого себя, что так резко мне огрызнулся.

— Я никогда и никому о ней не говорил. Даже... — Он оборвал себя на полуслове и мрачно покачал головой.

— А ты не задавался вопросом, почему же она тебе все время снится?

— Да постоянно.

— И ты не пытался ее найти?

Он возмущенно фыркнул, раздув ноздри.

— Она не существует.

— Она — существует! — ударила я себя ладонью в грудь. — И она здесь, перед тобой!

Он уставился на меня тяжелым застывшим взглядом. Я совершенно явственно ощутила, как под окаменевшей наружностью Карлоса вихрем вскипают эмоции — гнев, вызванный моим беспардонным вторжением в его святая святых, и в то же время глубокое чувство неопределенности. Поймав эту его последнюю эмоцию, я проследила за взглядом Карлоса:

он устался на портрет, висящий на мольберте. Женщина, изображенная на этом холсте, просто загнала его в тупик.

Я подняла со стола банку с голубой краской.

— Впервые ты смешал этот оттенок, когда учился в Стэнфорде, стараясь точно изобразить цвет моих глаз. Тебе хотелось, чтобы в каждой твоей картине что-то напоминало обо мне. Знаю, это звучит как в слезливой мелодраме, но мы никогда не разлучались больше чем на два-три дня. Пока ты учился, мы очень тяжело переживали нашу разлуку. Этой краской ты подписывал все свои работы — так же, как потом делал это на всех картинах, которые висят тут ниже этажом. И именно этого цвета ты так настойчиво все это время добивался, смешивая краски. — Я тряхнула банкой, и внутри тяжело плюхнулась липкая густая масса. — И единственная причина того, что именно теперь ты получил наконец нужный оттенок — в том, что ты, уже как Карлос, увидел воочию мои глаза.

Он посмотрел на меня так, словно вообще видел впервые. Медленно осмотрев меня с ног до головы, он опять остановил взгляд на лице, так и не проронив ни слова.

Я поставила банку обратно на стол.

Словно опомнившись, Карлос сглотнул.

— Что с ним произошло?

Я скребнула ногтем по деревянному столу, собираясь с духом, сделала глубокий вдох.

— Джеймс отправился по делам в Канкун: он должен был свозить клиента порыбачить с яхты. На борту с ним произошел несчастный случай, и он исчез. Когда его тело наконец нашли, брат привез останки Джеймса домой. Церемония прощания в церкви прошла в тот день, когда должна была состояться наша свадьба, семнадцать месяцев назад.

Я отвернулась к окну, вверх низких крыш устремив взор на океан.

— Почему же вы его ищете, ежели он мертв? — спросил у меня за спиной Карлос. — И почему здесь?

— У меня были причины поверить, что ты не погиб. И еще я получила... кое-какую информацию... что ты находишься именно здесь.

Я вновь повернулась к нему:

— Мне трудно сказать, что случилось с твоим лицом, отчего ты стал выглядеть иначе, и не представляю, что случилось с твоей памятью и почему ты меня забыл, — но тем не менее я тебя нашла. Я обнаружила пропавшие из нашего дома работы Джеймса, и увидела на твоих картинах себя. Ты в самом деле Джеймс. Я вот только не знаю, как помочь тебе вновь найти себя. Неужели ты ничего не помнишь, что связывало нас с тобой? Совсем ничегошеньки?

Он отрицательно покачал головой.

— Тогда, может, поедешь вместе со мной домой? Может, знакомая обстановка расшевелит в тебе воспоминания, поможет их вернуть?

Плотно стиснув губы, он оставался безмолвен. Но было заметно, что его мозг работает на сверхоборотах. Может, он все-таки старался меня вспомнить? Искал в памяти хоть что-то, связанное со мной?

— Ну, скажи же что-нибудь! — взмолилась, не выдержав, я.

Он на мгновение опустил веки, словно стирая напрочь всякую неопределенность и ненужные вопросы, которые я успела заметить в его глазах.

— Я очень сочувствую вашей потере, но я не Джеймс. И никак не могу им быть. У меня здесь своя жизнь, друзья. Семья наконец. Сестра моя Имельда...

— Имельда Родригес?! — ахнула я.

— Вы ее знаете?

— Я знаю, кто она такая, — злобно прорычала я, ошеломленная тем, как все внезапно связалось воедино. Что же все-таки происходит?

«Думай, думай, думай!» — потеряла я виски.

Карлос между тем сложил руки на груди и резко набрал воздуха.

— Я полагаю, вам лучше уйти.

— Что? Почему?

— Вам следует покинуть этот дом. Немедленно, — сурово велел он.

Стараясь сохранить самообладание, я выждала пару мгновений, однако он не отступил, не изменил решения — упрямый, каким был всегда. Ничего от него больше не услышав, я решительно прошла через комнату, однако в дверях остановилась.

— Уж не знаю, что там наболтала тебе Имельда, но она тебе вовсе не сестра. У тебя есть брат, и зовут его Томас. А еще у тебя есть невеста.

— Вы ошибаетесь.

— В данном случае я абсолютно права.

Поспешно покинув Карлоса, я убежала на пляж. После такого разговора мне надо было прийти в себя. Бессильно опустившись на песок, я подставила лицо ветру, надеясь, что этот легкий бриз унесет прочь всю мою боль. Боль отвержения, боль предательства и боль от всего, что было потеряно для нас навеки.

Полежав какое-то время на песке, я заказала себе в пляжном баре «Май Тай» и пару стопок текилы. Опрокинув в себя все подряд, я раскинулась на шезлонге у самой воды, ожидая, когда мною овладеет тупая бесчувственность. Я облажалась с Карлосом и капитально обидела Яна. Карлос больше не захочет меня даже видеть, а Ян, можно не сомневаться, уже сходит с ума, повсюду меня разыскивая. А потому, чем разбираться с кашей, которую я тут заварила, лучше было просто заснуть.

Перевернувшись на живот, я поскребла руками песок, зарываясь ладонями глубже, в таящуюся там прохладу. Пальцы разминали мягкую массу в том же ритме, в каком я обычно месила тесто, и мой одурманенный алкоголем мозг как-то незаметно перенес меня в кухню «У Эйми». Я стояла рядом с Мэнди, смеясь и планируя меню на день. Мы вместе вымешивали тесто для всевозможной утренней выпечки. Пропитанный солью пляжный воздух ассоциировался с морской солью, которую мы добавляли в мучные изделия, а проскальзывающий под пальцами песок своей мягкостью напоминал шелковистую текстуру теста, которое впервые научила меня делать мама.

С этой мыслью о маме сознание повлекло меня дальше, и я оказалась уже в маминной кухне, где в воздухе веяло чудесным ароматом свежее испеченного яблочного пирога и где я сидела на табурете рядом с мальчиком, с которым только-только познакомилась. Он тогда припорошил мне голову кристалликами сахарного песка — «Волшебной пылью памяти» — и сказал, что я никогда его не забуду.

«Ох, если бы то же самое можно было проделать и с ним!»

Я зарыдала, стискивая кулаки и, точно тесто, выжимая между пальцами песок. Мало-помалу мои рыдания стихли, меня охватило вялое безразличие, и я наконец погрузилась в сон.

Когда я проснулась, совершенно растерянная и заторможенная, то побрела к отелю, рассчитывая еще хоть немного поспать у себя в номере. Мыслить здраво я была сейчас не в состоянии, а потому в данный момент сочла за лучшее просто игнорировать свои проблемы.

Я прошла через дворик с бассейном, направляясь к главному вестибюлю.

— Эйми!!!

Вздрагнув, я обернулась. Через патио за мной напористо шагал Ян. Я ускорила шаг. Он забежал вперед и преградил мне дорогу.

— Ты ушла.

Я уперлась взглядом ему в грудь.

— То, что произошло прошлой ночью, не должно было случиться.

— Что за чушь! — Он порывисто пробежал пальцами по волосам и уже тише добавил: — Посмотри на меня. Пожалуйста.

Я подняла глаза. В его лице читалась такая боль отверженности, что я мысленно содрогнулась. Я действительно сделала ему больно!

Я потянулась было обнять Яна, но вовремя себя остановила.

— Это была ошибка, Ян. Прости. Забудь то, что между нами произошло.

— Это была лучшая ночь... — Он запнулся, словно проглотив комок, и посмотрел куда-то за моим плечом. Ноздри его взволнованно раздувались. Спустя мгновение Ян вновь встретился со мной глазами, и морщинки на его лице как будто прорезались глубже. — Я

никогда ее не забуду.

«Я тоже», — подумала я. Но мне следовало завершить начатое дело — найти ответы на вопросы в отношении Джеймса.

— Ты была у него?

— Я не готова к этим отношениям, Ян. — Я помахала ладонью между ним и мною, не отвечая на его вопрос. — Я приехала сюда ради Джеймса. И я всегда буду думать о нем.

— А когда ты наконец подумаешь об Эйми?

Я даже скрипнула зубами. «О ней-то я как раз все время и думаю!»

— Иди-ка сюда. Я хочу тебе кое-что показать.

И, схватив за руку, Ян повел меня к одному из столиков, прячущихся в тени зонтов. Там лежал его открытый ноутбук. Ян подставил мне легкое кресло, сам опустился на соседнее и, отодвинув ноутбук, развернулся на сиденье ко мне лицом.

— Я нашла пропавшие картины Джеймса, — сообщила я.

Он издал протяжный хриплый вздох.

— Они оказались на втором этаже, в личной студии Карлоса. — Я подцепила ногтем отслоившуюся краску на подлокотнике. — Он совершенно меня не помнит и притом ведет себя так, будто у него вовсе не было потери памяти. Я предложила ему помощь, а он велел мне уйти. А еще сказал, что Имельда — его сестра. Я не понимаю, что с ним происходит.

Ян задумчиво потер ладонью подбородок.

— Помнишь, что я говорил тебе о своей матери?

Я откинулась на спинку кресла.

— Какое отношение это имеет к Джеймсу?

Но Ян вперил в меня жесткий взгляд, и я невольно уселась поглубже.

— Ну, ты не слишком много мне рассказывал о ней. Только что у твоей мамы были некоторые проблемы... с душевным здоровьем.

— У нее было диссоциативное расстройство идентичности, которое чаще называют как расстройство множественной личности. У мамы этих личностей было две. Сара, ее основная сущность, была моей матерью. А еще была и Джекки... — Ян подвинулся на сиденье, потер ладони о шорты. — Это ее состояние держало меня в постоянном страхе. То, что происходило с мамой, сильно напоминало историю Джекила и Хайда^[30]. Возвращаясь из школы, я никогда не знал, кого встречу дома.

— Эта Джекки тебя обижала?

— В физическом плане — нет. Но она терпеть не могла меня и ненавидела моего отца. Джекки вовсе не считала, что она замужем, и часто куда-то отлучалась, порой даже на несколько дней. Так что, когда отец уезжал в город по делам, мне приходилось самому о себе заботиться.

— Твоя мать, должно быть, ужасно переживала потом, что оставляла тебя одного.

— Да, конечно. После того, как я рассказывал ей то, что она вытворяла, или показывал фотографии.

— И она ничего при этом не помнила? — нахмурилась я.

— Сара не имела ни малейших воспоминаний о том периоде, когда доминировала личность Джекки. Равно как и Джекки понятия не имела ни о какой Саре. Это были полные провалы в памяти, причем с обеих сторон. Проще говоря, Сара и Джекки были двумя совершенно разными людьми, они даже разговаривали по-разному.

Я потянулась к руке Яна:

— Представляю, как это ужасно было для тебя.

Его губы тронула горькая улыбка.

— Именно из-за мамы я и не люблю портреты. Она просила меня фотографировать ее всякий раз, когда появляется Джекки. Маме хотелось знать, как эта Джекки выглядит, как одевается, какую носит прическу. И то, чем та занимается. Мои снимки всегда подлавливали Джекки в самые ужасные моменты, и у мамы эти фотографии вызывали отвращение. А я люто ненавидел женщину на этих фотографиях. Видишь ли, когда смотришь фотографию на стене в сильно увеличенном виде, там обнаруживается куда больше мелочей, нежели на пленочном кадре размером с ноготок. Включая всю ту дрянь, что люди пытаются скрывать. И особенно это проявляется у них в глазах.

— Что с ней случилось?

— Не знаю. — Ян снова воззрился мне за плечо совершенно отрешенным взглядом. — Когда Лэйни меня нашла, я уже неделю как ушел из дома. Мы отправились с мамой за покупками. Жили мы тогда в Айдахо — а там, знаешь ли, можно отмахать несколько миль, не увидев вокруг ничего, кроме бескрайних полей. И вот на одном из перекрестков с четырехсторонним «стопом»^[31], где-то совсем у черта на куличках, Сара исчезла и появилась Джекки. Остановив машину, она посмотрела на меня во внутрисалонное зеркало и произнесла только два слова: «Пошел вон». Больше ей ничего и не требовалось говорить: я и так очень шустро выбрался из машины, даже не думая о том, как найду дорогу домой. Единственное, чего я тогда хотел — это убраться от нее подальше.

— Лэйни оказалась на званом ужине, — продолжал Ян, — где мой отец встречался с разыскивавшими меня полицейскими, чтобы вместе еще раз изучить карту местности. Пытались вычислить те места, куда еще не заглядывали. Лэйни тоже была там со своей семьей и предложила папе помощь. Когда она представилась как ясновидящая, полицейские лишь рассмеялись, но отец готов был принять любую помощь, от кого угодно. И Лэйни привела его прямо ко мне. Весь грязный и изголодавшийся, я прятался в дренажной канаве, боясь, что Джекки меня найдет... Мама вернулась домой через два дня после меня.

Отец нашел некоего специалиста, надеясь, что Джекки как-то удастся подавить. Врач потом объяснил, что над мамой еще в детстве жестоко надругались, и это скорее всего и вызвало в ней синдром множественной личности. На эмоциональном уровне она таким образом дистанцировалась от той травмы. А когда я родился, уже через несколько месяцев в ней водворилась Джекки. И с годами эта смена личностей происходила все чаще. Как сказал отцу доктор, воспитание ребенка оказалось для нее слишком сильным стрессом. В общем, маме нужно было нас покинуть, поскольку никакой надежды на излечение не было. С тех самых пор я ее не видел.

— Вот почему ты так ищешь Лэйси... то есть Лэйни, — поняла я. — Ты хочешь, чтобы она помогла тебе найти мать?

— Да, мне ее не хватает, — кивнул Ян.

Я крепко сжала его пальцы:

— Надеюсь, ты ее все же найдешь.

— Когда-нибудь найду. — Он высвободил руку и побарабанил пальцами по столу. — Но как бы то ни было, я тут все думал о том, что ты мне рассказала: Карлос, судя по всему, не в курсе, что у него потеря памяти. Это как раз и напомнило мне мою мать. — Он подтянул ноутбук к себе поближе. — Не думаю, что у него амнезия.

— Ты считаешь, у него... Как ты это назвал? Диссоциативное чего-то?

— Нет, я лишь...

— Тогда что с ним происходит? — Я начала терять терпение. — Все-таки это амнезия.

Он же меня совсем не помнит.

— Как не помнит ни своего настоящего имени, ни чего-либо из прежней своей жизни. Ни друзей, ни семьи — ничего. И Карлос наверняка абсолютно ничего не знает о Джеймсе. Верно я говорю?

— Мне вот так не кажется.

Ян вновь побарабанил пальцами.

— Я подозреваю, у него диссоциативная fuga^[32].

— Диссоциативная что? Я не...

Ян поднял ладонь:

— Сначала послушай меня. Я не могу, конечно, доказать, что дело именно в этом. Это всего лишь предположение... Тебе надо бы проконсультироваться со специалистом, или, может быть, спросить у самого Карлоса. Но именно fuga мне кажется вполне логичным и правильным объяснением. Такое расстройство происходит от очень серьезной эмоциональной травмы. Что-то произошло с Джеймсом, когда он приехал в Мексику, после чего его сознание словно захлопнулось, напроць все стерев из памяти. — Ян что-то набрал на ноутбуке. — Это что-то вроде той ситуации, когда компьютер полетел, и с жесткого диска пропали все данные.

— И как тогда я могу ему помочь?

Взгляд Яна проникся сочувствием.

— Не думаю, что у тебя это получится.

Я вспомнила о том, что предложила Карлосу:

— Должна же, наверное, как-то помочь знакомая обстановка, верно?

— Излечение от fugи трудно гарантировать. Получается, что люди подолгу восстанавливают свои воспоминания — и в считанные часы их вновь теряют. Но потом настает день, — Ян прищелкнул пальцами, — и память возвращается так же внезапно, как и пропала.

— Но он в этом состоянии уже почти два года.

— Бывает, что такая диссоциация длится годами. А бывает — в особых случаях, — когда симптомы затягиваются на... м-м... на совершенно неопределенное время. Мне очень жаль, Эйми.

Ян придвинул мне ноутбук. Экран погас, компьютер погрузился в спящий режим.

— То есть к нему может вообще никогда не вернуться память?

Ян шумно выдохнул.

— Я думаю, тебе следует быть готовой к тому, что Джеймс может отсутствовать сколько угодно.

Я с яростью замотала головой.

— Видишь ли, когда у человека диссоциативное расстройство идентичности, в нем сосуществуют две или более личностей, и они постоянно меняются местами, — стал объяснять Ян. — С диссоциативной fugой дело обстоит совсем иначе. Предыдущая личность исчезает, и вместо нее появляется новая. И пока кто-либо не поведает такому человеку, что с ним не все в порядке, новая личность и понятия не имеет о какой-то замене. Это вполне объясняет, почему Джеймс — то есть Карлос — даже не пытается вернуть воспоминания. Он не знает, что он Джеймс, и, надо полагать, никто его насчет этого пока не просветил.

Ян мягко опустил ладонь на мое колено:

— Эйми, похоже, что Джеймса больше действительно не существует. Это все равно, что он умер.

Я оттолкнула его руку.

Ян положил ладонь на стол. В нем явно боролись разные эмоции — это было видно по тому, как он резко сжал руку в кулак, как сделал несколько глубоких вдохов. Ему все время хотелось дотронуться до меня — но он тем не менее старался себя сдерживать. Мне сейчас нужна была хоть какая-то дистанция, чтобы все обдумать.

Я потерла виски пальцами.

— Но как же Джеймс мог исчезнуть, если в самом Карлосе так много его отголосков? — Я рассказала Яну и о краске, которой Карлос подписывал свои картины, и о видениях, которые его посещали. И о том, как он долгие месяцы пытался написать мой портрет.

— Я не специалист, Эйми. Я не могу ответить тебе на эти вопросы.

Высказанная Яном теория звучала и абсурдно и невероятно трагично. Но я пока что не готова была расстаться с надеждой:

— А что, если к нему все-таки вернется память?

— Вот тут-то и начинается закавыка. Если это произойдет — что очень здорово, учитывая, как долго он пребывал в таком состоянии, — он будет в высшей степени сбит с толку, особенно таким разрывом во времени.

— Каким еще разрывом?

— К которому вернется Джеймс. Как только он появится, Карлос исчезнет, равно как исчезнет и его память.

— Он что, совсем не будет помнить о своей жизни в Мексике? — изумилась я.

— Ему будет казаться, что он расстался с тобой только вчера... Не знаю, что еще тебе сказать, Эйми. Но тебе, думаю, имеет смысл поискать информацию, почитать что-нибудь по этому вопросу. Я тут оставил открытыми кое-какие сайты... — Он провел пальцами по сенсорной панели, пробуждая ноутбук. — И еще, Эйми...

Я подняла глаза от монитора. Настороженным взглядом Ян смотрел в направлении вестибюля.

— Будь осторожна. Фуга — это такой способ самозащиты мозга от чего-то, что он не в состоянии «переварить», или это для него чересчур болезненно. Джеймс уехал сюда, от семьи и друзей, по какой-то причине. И кому-то не хочется, чтобы он все вспомнил. Хотя, мне кажется, он уже начал задавать вопросы...

— Что ты имеешь в виду?

— Мою встречу с Имельдой внезапно прервали. И сейчас у нее Карлос.

* * *

На этом Ян неожиданно попрощался, сорвавшись со своего кресла.

Я тоже вскочила на ноги:

— Ты куда это?

Он ткнул большим пальцем себе за плечо:

— В вестибюль. Есть шанс, что, когда Карлос уйдет, я перехвачу-таки Имельду.

Я тут же схватила сумочку:

— Я иду с тобой.

Он преградил мне дорогу:

— Не думаю, что это хорошая идея.

— Почему это?

Ян схватил меня за руки, словно пытаюсь от чего-то удержать.

— Я выплеснул на тебя слишком много информации. Тебе нужно время, чтобы все это переварить.

— Мне нужно поговорить с Имельдой.

— Не надо предпринимать скоропалительных решений. Ты сейчас слишком расстроена.

— Чушь собачья! Эта женщина нагло вторглась в его сознание!

У Коллинза округлились глаза, он явно был в шоке от моей вспышки ярости. Но мне на это было наплевать. Эта дамочка украла почти два года жизни Джеймса! Нашей с ним жизни.

Ян усилил хватку:

— Ты ж еще не знаешь, действительно ли она это сделала.

— Ты тоже не знаешь! — выкрикнула я, пытаюсь вывернуться из его рук.

— Ты сейчас мыслишь нерационально. Включи логику, Эйми. Сильно сомневаюсь, что Имельда — единственный человек, который втирал мозги Джеймсу.

На мгновение я плотно стиснула губы.

— Томас!

Наверняка он тоже был замешан в этой истории. Теперь я готова была поклясться своей кофейней, что он с самого начала знал, где находится и сам Джеймс, и его исчезнувшие картины.

Ян в упор посмотрел на меня. Он явно думал то же самое, что и я.

Адреналин ударил в кровь, меня буквально затрясло. Мне требовалось сию же минуту получить ответы на все свои вопросы.

— Мне необходимо поговорить с Имельдой. И немедленно.

— Сейчас ты сильно рискуешь ее спугнуть, — возразил Ян. — Поговори с ней лучше, когда немного успокоишься. — Его пальцы едва не впивались в мои плечи, на лице отражалась целая гамма эмоций. Я совершенно явственно ощутила его потребность крепче прижать меня к своей груди и унести прочь. Подальше от мужчины, который удерживал мое сердце.

Ему удалось сдержать меня — хотя казалось, будто нас разделяют мили.

Наконец Ян отпустил меня.

— Я понимаю, это трудно, но дай все же ей спокойно поговорить с Карлосом. Ведь до твоего появления у него вряд ли были причины подозревать, что его обманули. А ты сама тем временем попытайся понять, что с ним происходит. Поройся в Интернете, почитай статьи. Составь список вопросов, которые задашь Имельде. Подумай хорошенько, что скажешь Томасу при вашей следующей встрече.

Ничего не ответив, я прошлась перед ним, описав небольшой круг. Ян настороженно следил за мной глазами.

— Может, хочешь воды? Я принесу тебе.

— Нет. Воды не хочу. — Я с неохотой взглянула на его ноутбук. Благоразумие подсказывало мне, что следует поступить именно так, как советует Ян. Взять себя в руки,

успокоиться, кое-что почитать, а потом уже задавать вопросы.

— Ну что... — Он энергично провел пальцами по макушке, отчего его высветленные солнцем волосы встали дыбом. — Найди меня, когда будешь готова. Я схожу с тобой в кабинет к Имельде.

Глядя вслед Яну, вскоре исчезнувшему в вестибюле, я едва удержалась, чтобы не ринуться за ним. Меня охватил внезапный порыв с головою окунуться в его щедрое сочувствие, укрывшись от ненормальности, даже абсурдности той ситуации, в которой оказался Джеймс.

И в то же время мне дико хотелось ворваться к Имельде и потребовать у нее ответа на вопрос: что именно она сделала с Джеймсом?!

Впрочем, я сознавала, что такое поведение ни к чему хорошему не приведет — это лишний раз подтвердили события нынешнего утра. Послушавшись совета Яна, я решила ничего не предпринимать в горячке. Хватило того, что я уже рванула в Мексику, не собрав ни малейшей информации, и теперь было как раз самое время этим заняться. Мне требовалось все хорошенько разложить по полочкам, прежде чем разговаривать с Имельдой или встретиться лицом к лицу с Томасом. А в особенности надо было подготовиться к тому, чтобы еще раз повидаться с Карлосом — иначе он снова пошлет меня куда подальше.

Я села в кресло, активировала ноутбук Яна... И у меня брови поползли на лоб. На экране было открыто огромное количество окон, их и сосчитать было невозможно.

Из того, что описал мне Ян, я поняла, что потеря памяти у Джеймса — вовсе не следствие некой физической травмы. Он пережил психическую травму — нечто настолько непереносимое, что он не мог с этим жить. И его мозг дистанцировал Джеймса от той ситуации, напрочь стерев все события из памяти. А потом, в точности как пустой жесткий диск, он получил новые данные в виде своей новой личности. То есть Карлоса.

Или, если быть совсем точным — Джейми Карлоса Домингеса.

Кому-то, значит, пришлось создавать для него эту новую жизнь. Совпадение инициалов было вовсе не случайным. Сначала я подумала об Имельде и о том, что она могла наговорить Джеймсу, пока тот был полностью растерян и обескуражен произошедшим, а его сознание было настолько пустым, что он впитывал любую предлагаемую ему информацию.

Потом подумала о Томасе. Зачем ему было совершать такую гнусную, отвратительную вещь, как инсценировка смерти брата?

«Что же произошло с тобой, Джеймс?»

Я просмотрела все открытые статьи, усваивая информацию настолько быстро, насколько глаза способны были различать слова. Потом кликнула по ссылкам, открыв новые страницы и сохранив старые в закладки, чтобы Ян мог скинуть мне их адреса по электронной почте, и я еще раз все перечитала.

Заодно почитала и то, что объяснял мне Ян насчет состояния фуги. Я представила, как к Джеймсу вернется его память, как у него наступит полная амнезия в отношении периода фуги, и он забудет все то, что знал как Карлос.

Если эта память вообще когда-либо вернется.

Я прочитала, что отдельные пациенты, пережив многолетнее состояние фуги, неустанно работали над тем, чтобы максимально восстановить свою изначальную индивидуальность. Они хорошо знали, что страдают фугой. Чего нельзя было сказать о Джеймсе.

Или же он этого не знал до самого моего появления.

Настоящая личность Джеймса не обнаруживала себя. Я подозревала, что ему просто

сообщили, что он гражданин Мексики, что у него своя жизнь в Пуэрто-Эскондидо, и что он получил тяжелую травму.

Типа несчастный случай на серфинге.

Но зачем было его обманывать? И как он вообще оказался за сотни миль от того места, где должен был быть? Регистрационные записи подтвердили, что он действительно оставался на ночь в «Плайя-дель-Кармен», на самом юге Канкуна.

Выходит, кому-то пришлось эти записи подделать, чтобы, таким образом, и семья, и друзья поверили в то, что Джеймс погиб в деловой поездке, причем далеко от того места, где он все это время жил. Никто бы тогда его и не нашел.

Тут передо мной возникло всплывающее окошко с предупреждением, что заряд аккумулятора на исходе, и в считанные секунды экран померк. Закрыв ноутбук, я отправилась в вестибюль отеля.

Ян в это время еще должен был общаться с Имельдой. Его нигде не было видно. Администратор за стойкой выдала мне карту курорта, обведя кружком то крыло здания, где размещалось руководство.

В самом конце коридора, идущего от главного вестибюля, я и нашла Яна. Тот стоял рядом с плачущей навзрыд Имельдой. Ян что-то говорил, но слов мне было не разобрать, тем более душещипательные всхлипы женщины были довольно громкими. Карлос стоял чуть поодаль, один. Он опустил голову и оперся рукой о стену — так, будто пытался удержать равновесие в мире, внезапно перевернувшемся вверх дном.

Я бросилась было к нему. Но тут он вскинул голову, и я застыла на месте, не в силах двинуться дальше из-за буквально kloкочущей в нем ярости. Меня как будто ударили под дых.

— Джеймс?

— Это не мое имя, — злобно прорычал он и, резко выпрямившись, пошел прочь, сильно задев меня плечом.

Я поспешила за ним.

— Извините, Карлос! Выслушайте меня...

Тут меня за локоть сцапали сильные пальцы, оттягивая назад.

— Эйми, не надо...

Развернувшись, я попыталась выдернуть руку:

— Что ты делаешь, Ян?! Сейчас же отпусти меня!

— Не сейчас. — Он схватил меня и за второй локоть. — Сейчас далеко не лучшее время. Она все рассказала Карлосу, — он кивнул на Имельду, сгорбившуюся у стены.

— Всё?!

Что это за «всё», черт подери?! Я в бешенстве сверкнула глазами на Имельду:

— Сейчас же говорите, что вы с ним сделали! — Я дернулась, пытаюсь высвободиться из крепкой хватки Яна. — Проклятье, Ян! Отцепись!

Я была уже на грани пропасти, готовая ринуться к Имельде и свернуть ей шею. У меня даже пальцы хищно сжимались в воздухе. Где-то в глубине сознания я понимала, что теряю над собой контроль, становясь невменяемой. Джеймс, Имельда, Томас, Лэйси... И пропавшие картины Джеймса... и его инсценированная смерть... И то, как я переспала с Яном и впустила его в свое сердце... Все это вместе было для меня уже чересчур.

Ян продолжал меня держать, уткнувшись широкими пальцами в мягкую ткань платья у меня под мышками. В бессильном отчаянии я громко взвыла.

Имельда отпрянула, в слезах отвернувшись к стене.

— Да успокойтесь, наконец! — крикнул ей Ян. И тут же зашикал на меня, пытаюсь утихомирить.

— Иди ты, знаешь куда! Я не для того приехала в такую даль, чтобы сидеть тут и тупо ждать, пока все успокоятся! — раскричалась я. — Поздно уже расшаркиваться, изображая благовоспитанность. И у этой дамочки было более чем предостаточно времени, чтобы все рассказать Джеймсу — долбанных девятнадцать месяцев! Я хочу знать, что тут вообще происходит! — Я задергала руками, выкручиваясь. Ян попытался оттянуть меня дальше по коридору, прочь от Имельды. — Да черт тебя дери, Ян! От-пус-ти!

— Она права.

Мы с Яном разом прекратили борьбу, одновременно уставившись на Имельду. Хватка ослабла, и я выскользнула из его рук, водя ладонями по покрасневшей коже, чтобы унять жжение.

Женщина наконец оторвалась от стены.

— Да, я должна была все рассказать ему еще несколько месяцев назад. Теперь я сделала ему больно. Ужасно больно. Он меня возненавидел. — Она посмотрела на Яна, который еще держал ладонь на моем плече, готовый в любой момент меня остановить. Мне и правда так и хотелось броситься на Имельду. Та кивнула Яну: — Все правильно. Ей необходимо это знать. К тому же... — Она быстро перевела взгляд с Яна на меня и обратно. — Я ожидала вашего приезда.

— Что?! — в унисон воскликнули мы.

Ян уронил руку с моего плеча, и я отступила в сторону.

Имельда устремила на меня полные печали глаза:

— Идемте со мной.

Она скользнула мимо нас, и я отдала Яну ноутбук, с силой пихнув его компьютером в грудь. Расплата за следы пальцев, оставленные на моих руках.

— Батарея сдохла, — буркнула я, направляясь вслед за Имельдой.

— Эйми... — с тихой яростью произнес он. Я остановилась, но оборачиваться не стала. — Если понадоблюсь, я буду в пляжном кафе.

Не глядя на него, я коротко кивнула и ушла.

Имельда повела меня на пляж. Вслед за ней я пробивалась через массу зрителей, следивших за чемпионатом по серфингу, и изо всех сил старалась не потерять ее из виду. Проходя через площадку для соревнований, я быстро нагнала Имельду и зашагала уже рядом с ней.

Мы пошли еще дальше вдоль пляжа Сикатела, и у меня даже мелькнула мысль, а не собирается ли она завести меня на Ла-Пунто, опасное скалистое местечко в самом конце пляжа, когда Имельда вдруг остановилась и повернулась лицом к океану.

— Вот здесь я его и нашла.

Я проследила за ее взглядом, устремленным на вздымающиеся волны.

— Вон там?

— Нет. Здесь, — указала она на мокрый песок у своих ног. От волнения ее чужестранный акцент стал еще сильнее. — Я набрела на него, когда прогуливалась вечером по берегу. Весь мокрый, он блуждал по пляжу. Изможденный, неменяемый и совершенно не понимающий, где находится. — Имельда страдальчески посмотрела на меня. — Его тело было сплошь покрыто синяками и ссадинами, как будто после жуткой драки. Лицо распухло и кровоточило. Но не думаю, что это была драка.

— И он не на серфинге так повредился?

Имельда отрицательно покачала головой.

— Волны Сикателы способны ломать и доски, и спины. В них очень много мощи. Здесь начинаешь по-настоящему уважать океан. Наверняка он откуда-то плыл, и течение прибило его к тем скалам, — указала она на Ла-Пунто.

У меня аж холодок пробежал по спине. Я живо представила, как Джеймса швыряет волнами, то и дело выбрасывая на скалы, и как он упрямо силится выбраться на берег. Тут же вспомнились странные видения, посетившие меня когда-то в дамской комнате ночного бара, прежде чем я отключилась. Это случилось сразу после того, как я увидела Лэйси. Неужели то, что мне тогда привиделось, на самом деле происходило в реальности?

— Что с ним произошло? — спросила я.

— *No sé.* — Уголки ее рта печально опустились. — Не знаю.

Имельда оглянулась на оставшийся позади пляж.

— Уже много поколений та земля, где теперь находится отель, принадлежал семье моего последнего мужа. Когда мы поженились, он унаследовал этот участок, и мы стали всерьез подумывать о своей гостинице. Курортный отель был его давнишней мечтой, а тогда стал и моей тоже. Три года мы с ним хлопотали о ссудах на строительство отеля, копили сбережения. Это было так прекрасно! *Magnífico!* — На губах женщины появилась робкая улыбка, но глаза тут же наполнились печалью. — Через полгода после того, как мы открылись, у моего мужа случился сердечный приступ. Он умер у меня на руках. В итоге я унаследовала все: и отель, которым я даже не представляла, как управлять в одиночку, и кредиторов, постоянно дышащих мне в затылок.

Она сложила на груди руки и зябко потеряла ладонями локти.

— Через четыре месяца после его смерти мне потребовалось принять решение: или продать отель, или как-то двигаться дальше. И вот я пришла сюда, чтобы подумать. Я уже готова была расстаться с надеждой осуществить наши с мужем мечты. Хотя этот отель был

единственным, что мне осталось от мужа. Вот тогда-то я и наткнулась здесь на Карлоса.

— А что он сказал, когда вы его нашли?

— Он не знал ни своего имени, ни откуда он, ни как попал на этот пляж. Спустя много месяцев он сказал мне, что первым его воспоминанием было то, что он увидел меня. Я отвела его в нашу больницу. У него были сломаны нос и скула, и ему требовалось серьезное хирургическое вмешательство на лице. Среди наших докторов таких специалистов не оказалось. Они вообще не знали, что с ним делать. Он же совершенно ничего не помнил.

— Ведь он же был объявлен пропавшим без вести, — заметила я. — Кто-то все-таки должен был сообразить, кто он такой.

Имельда отвела взгляд, быстро опустив глаза. Пальцы ее нервно теребили край платья.

— Его же объявили пропавшим возле острова Косумель, так что никому и в голову не пришло связать человека в нашей больнице с тем мужчиной, что пропал без вести чуть ли не в тысяче миль отсюда. Тем более что к тому времени, когда его объявили пропавшим, и мне, и больнице уже хорошо заплатили, чтобы мы держали рот на замке.

— И кто вам заплатил? — спросила я, хотя у меня и так имелись свои подозрения.

Имельда облизнула губы.

— Уже через несколько часов после того, как я положила в больницу Карлоса, сюда приехал один американец. Он назвался другом Карлоса, но я догадалась, что он родственник. У них были очень похожие глаза.

Меня начало всю колотить, хотя ее слова меня ничуть не удивили.

— Томас, — кивнула я.

— Он сделал мне предложение, от которого я не могла отказаться.

В сердцах я бухнулась на песок. Как и Имельде, Томас мне хорошо заплатил, чтобы я могла припеваючи жить дальше. «Обналичь этот чек», — говорил он мне не раз. «Открой свой ресторан», — подзуживал он. Так я и поступила. И это неплохо сумело отвлечь меня от всего того, что он натворил.

Имельда села рядом со мной.

— Для вас, должно быть, это слишком тяжело. Вы были с ним женаты, *sí*?

— Его хоронили как раз в день нашей свадьбы.

— Ох, *lo siento*^[33], — пробормотала она виновато.

Я лишь молча уставилась в песок.

— Поначалу Томас попросил меня просто присматривать за Карлосом, — продолжала она. — Я должна была следить за его безопасностью и сообщать, если вдруг возникнет что-то подозрительное.

— Что, например? — подняла я голову. — Он же всего лишь поехал по делам.

— Его жизнь была в опасности. Кто-то пытался его убить.

У меня бешено заколотилось сердце. Лэйси ведь обмолвилась в своей записке о некоей опасности, но эта мысль тогда показалась мне нелепой. Джеймс же вел самую что ни на есть обыкновенную жизнь.

— Кто же мог на него покушаться?

— Этого я не знаю. Одним из условий моей сделки с Томасом было то, что я не стану задавать лишних вопросов.

— Но почему вы согласились на такую сделку с совершенно не знакомым вам человеком? — У женщины задрожали губы, и я, догадавшись, ахнула. — Он оплатил все долги отеля, верно? Неужели оно того и правда стоило? Жизнь моего жениха — за ваше

избавление от долгов?

— Я дала ему новую жизнь, — попыталась защититься Имельда. — Лучшую.

— Это вам Томас так сказал? Как жаль, что вы не спросили самого Джеймса, что он об этом думает. У него и так была очень хорошая жизнь! — вскричала я. — Прекрасная жизнь!

— И все же здесь он свободен. И ему не приходится скрывать каких-то тайн.

— Какие тайны? Не было у него никаких тайн.

Она посмотрела на меня в упор:

— Вы в этом так уверены?

Я устремила взор на океан. В сознании царил полный хаос, мысли накатывали и вскипали, как эти яростно вздымающиеся волны. Брошенные семена сомнения живо проросли внутри меня, извилистыми лианами потянувшись по всему телу, зловеще обвивая кости и пронзая плоть. Нет, я в этом не была уверена. Больше уже нет. Если для Джеймса было так сложно говорить со мной о Филе и о том, что случилось вечером после нашей помолвки, то были, значит, и другие вещи, в которые он меня не посвящал.

— Мой друг Ян предполагает, что у Джеймса диссоциативная фуга, — сказала я.

Имельда изумленно вскинула брови.

— Вы знаете, он прав. Врачи считают, что потеря памяти у Карлоса вызвана некой психологической причиной. Томас хотел быть уверен, что Карлос не вспомнит ничего из своей предыдущей жизни, и мы создали для него новую. Томас привлек серьезных специалистов, которые восстановили Карлосу лицо. Так, чтобы никто его не узнал. Все за свое молчание получили кругленькую сумму. У нас тут деньги являются более весомым аргументом, нежели слова. А особенно американские доллары.

И пока я выхаживала Карлоса у себя дома, — продолжала Имельда, — Томас созидал его новую жизнь. У него уже были подготовлены для Карлоса новые документы, свидетельство о рождении, удостоверение личности... — Она быстро взглянула на меня. — Были старые картины Карлоса, оставшиеся от его жизни в Америке. Томас постарался, чтобы все выглядело так, будто Карлос незадолго до того приехал в наш город, чтобы открыть здесь собственную картинную галерею. Якобы он был моим, где-то долго пропадавшим, сводным братом. Все вокруг думали, что Карлос гражданин Мексики.

Томас считал, что, чем более основательную жизнь мы создадим для Карлоса, тем меньше шансов, что его память вернется. *Sí*, в нашей истории, конечно, существовали серьезные пробелы, но поскольку Карлос, по легенде, лишь недавно отыскал меня, свою сводную сестру, то на многие его вопросы я не должна была отвечать, поскольку попросту могла чего-то не знать. Мы, дескать, только-только начали заново узнавать друг друга ближе, а в это время как случилось это несчастье с серфингом.

Последние слова она произнесла так, словно ей отвратительна была та ложь, которую она произносила.

У меня же просто не укладывались в голове все эти хитросплетения обмана! Я даже представить не могла, как можно спокойно выдавать себя за того, кем ты вовсе не являешься.

— Как же вам удавалось так долго лгать?

Имельда сжала губы в тонкую полоску.

— Сначала было очень тяжело. Мне все время казалось, что Карлос видит меня насквозь... Однако чеки от Томаса поступали регулярно. — Она снова украдкой глянула на меня, после чего уставилась на песок под ногами. — И продолжают поступать.

Я потеряла ладонями лицо. Бог ты мой! Получается, что Томас до сих пор ей платит!

— И вы никогда не пытались сказать Джеймсу правду?

Покраснев, она посмотрела на свои руки.

— Вы в него влюбились! — воскликнула я, узнав этот взгляд.

— Я полюбила его исключительно, как сестра брата. Поймите вы меня, пожалуйста! У меня не было ни брата, ни сестры, — пыталась защищаться Имельда, умоляюще раскрыв ладони. — Муж мой умер, родителей не стало еще раньше, а своего сводного брата я лишилась, когда он был совсем маленьким. Я осталась одна на белом свете — и вдруг у меня кто-то появился. Потому-то я и дала ему имя своего брата — Карлос Домингес. «Карлос» означает «свободный человек». Я решила, что это имя ему очень подходит. Томас же настаивал, чтобы его имя начиналось с «Дж» — из-за подписей на картинах. Джейми — так звали моего отца.

— Но зачем понадобилось Томасу скрывать от Джеймса его прошлое? Зачем вообще все это делать?

«Да, Томасу придется теперь многое мне объяснить. Если я его до этого не прибью».

— Не сердитесь на него. Он всего лишь защищал своего брата. — Имельда поднялась с песка, повернувшись спиной к океану. Порыв ветра метнул ей волосы в лицо, темные длинные пряди захлестали по загорелой коже, и женщина, подцепив их ладонью, отвела назад. — Лучше позаботьтесь о Карлосе. Он сейчас очень зол на меня. Но он не должен оставаться один. Я ему сказала, кто вы такая, и что вы такая же жертва случившегося, как и он сам.

Я тут же вспомнила нашу недавнюю встречу — какой взгляд он метнул в меня в коридоре, когда я назвала его Джеймсом.

— Думаю, что меня он тоже не захочет видеть.

— Дайте ему время прийти в себя. Вы можете оставаться в отеле, сколько сочтете нужным, безо всякой оплаты. Это меньшее, что я могу сделать, чтобы искупить свой грех.

— Вы сказали, что ожидали моего приезда, — напомнила я, когда Имельда уже направилась прочь.

Она остановилась, обернулась ко мне:

— Я христианка, и на мне лежит огромный грех. Я, конечно, боюсь за свою душу, но еще я боюсь, что Томас пойдет дальше. Ему сейчас принадлежат все долговые бумаги моего отеля, и я не хочу, чтобы Томас его у меня отобрал. Однако я чувствую себя виноватой, что обманываю Карлоса, и поэтому я попросила Люси найти такого человека, которого Карлос знал прежде.

— Люси? — нахмурившись, переспросила я. И тут же сообразила: Лэйси.

— Я надеялась, что она убедит кого-то из друзей или домашних, что Джеймс жив, и в то же время не выведет их на меня. Я не хотела, чтобы об этом узнал Томас. — Она расправила плечи, отклонившись от меня всем корпусом.

— А кто такая эта Лэйси?.. То есть Люси?

Глаза Имельды сразу оживились, она приложила ладонь к груди:

— Она частая гостя в «Каса-дель-Соль». Люси появляется всякий раз, когда оказывается мне больше всего нужна — причем зачастую еще до того, как я сама понимаю, что нуждаюсь в ее прозорливом совете. Она моя подруга.

Поскольку больше Имельда ничего не сказала, я невольно выпалила сидевшие в голове у меня вопросы:

— А откуда она? Как мне ее найти?

Яну очень хотелось это узнать. Да и мне, пожалуй, тоже.

— Она... Как это называется по-английски? Энигма? Человек-загадка? *Si*, так оно и есть, — ответила Имельда, направляясь в сторону Ла-Пунта. На ее темном от загара лице появилась неясная, жалкая улыбка, какая бывает у человека, который сделал какое-то жизненно важное признание, не имея ни малейшей надежды исправить совершенный проступок. — Люси — невероятно таинственное создание. Верно?

На этом она отвернулась и ушла, оставив меня на пляже одну.

Обратный путь к отелю показался мне еще дольше, чем от него. Я с трудом волочила ноги по песку. Наконец я увидела Яна, который с мученическим лицом наблюдал за мной, сидя за столиком на террасе. У меня дрогнуло сердце. Что-то внутри меня подталкивало все мое существо к нему навстречу, бросив все эти, устроенные Томасом, заморочки. Однако я просто не смела оставить Джеймса — тем более после того, что узнала сейчас. А потому я отвела взгляд в сторону, быстро пройдя мимо кафе.

Когда я вошла в свой номер, всю трезвонил телефон. Торопливо обогнув кровать, я достала с тумбочки трубку:

— Алло?

— Ну, наконец-то! Целый день тебе звоню!

— Кристен?

— А кто же еще? — фыркнула она. — Ты почему не отвечаешь на звонки?

Я вытащила мобильник: четыре пропущенных вызова.

— Извини, я выключила звук.

— Что, так увлеклась рисованием? — усмехнулась Кристен. — Ты мне лучше скажи, Карлос — это...

— Джеймс? — закончила я за нее. — Да, это он. И в ответе за это Томас.

Подруга изумленно ахнула, потом чертыхнулась. Я же, подперев трубку плечом, энергично растерла руки. По моему телу побежали мурашки. Мне припомнилось, как Томас время от времени мне позванивал или заказывал у меня в ресторане кофе. И спрашивал, как прошел у меня день. И вообще вел со мной нормальные, ничем не примечательные беседы — а сам все это время врал всем и каждому, включая Джеймса. От этих мыслей у меня свело желудок.

— У меня просто нет слов, — молвила Кристен. — Не удивительно, что Томас стал таким не в меру любопытным.

— Имельда сказала...

— Что еще за Имельда? — нетерпеливо перебила меня подруга. — Начни-ка лучше с самого начала. Расскажи мне все по порядку.

Что я немедленно и сделала.

— И как ко всему этому относится Ян? — спросила, выслушав меня, Кристен.

Я молча ухватила зубами за ноготь на большом пальце.

— Чего-то ты мне не договариваешь?

— Я с ним переспала.

— Что?! С Яном?! — И не услышав от меня достаточно быстрого, по ее меркам, ответа, издала приглушенный смешок: — Ну, ты даешь!

— А то я сама этого не понимаю! — огрызнулась я, принявшись уже за другой ноготь.

— Он такой классный мужик. Он так к тебе неравнодушен. Я даже уверена, он тебя

любит.

— Это точно, — отозвалась я.

— Он уже тебе признался? — изумленно воскликнула Кристен. — Не вздумай сделать ему больно.

— Поздно.

Она разочарованно засопела в трубку.

— Хочешь мой совет?

— Что спрашивать? Хочу иль не хочу — ты все равно мне его дашь.

— Я серьезно, Эйми, послушай меня, — умоляюще заговорила Кристен. — Я понимаю ты решила во что бы то ни стало найти Джеймса. Но, может быть, Ян прав? Джеймс может так никогда и не стать прежним. Тебе надо готовиться к худшему.

— Предлагаешь просто махнуть на него рукой? Теперь, когда я только-только его нашла? Мне надо помочь ему все вспомнить.

— Через два дня ты вылетаешь домой. Как ты предполагаешь ему помочь за эти сорок восемь часов?

Не отвечая, я прикусила нижнюю губу, и Кристен чертыхнулась, раздраженная моим молчанием.

— Надеюсь, ты не планируешь там остаться? А как же твоя кофейня? Твоя семья? Я наконец? — вскричала она. — Мы-то все — здесь.

— А Джеймс — здесь. — Я стала вытягивать пряди волос и наматывать на пальцы. Теперь, узнав, что Джеймс стал жертвой тщательно продуманного обмана, я не могла так просто его оставить и уйти. Я должна была ему помочь. — Имельда предложила мне жить у нее в отеле столько, сколько мне потребуется.

— Эйми... — умоляюще протянула Кристен. — Ты действительно этого хочешь?

— Вот если бы ты считала Ника погибшим, а потом вдруг узнала, что он жив, но не помнит ни единого мгновения из вашей с ним совместной жизни — ты смогла бы так просто от него уйти?

— Наверное, нет, — секунду подумав, сказала та. — Нет, не смогла бы.

— Ты теперь понимаешь, что я просто должна остаться и попытаться ему помочь?

— Я, конечно же, тебя понимаю, но ты же не можешь заставить Карлоса не быть самим собой, а стать кем-то другим? Не делай с ним то, что делали с Джеймсом родители всю его жизнь. Вы с Джеймсом были созданы друг для друга, но ты и Карлос — это совсем другая история. И прежде чем начать помогать ему, реши для себя самой: чего именно ты хочешь. Возможно, он вообще не захочет бросать свою налаженную жизнь в Мексике. И тогда, пока ты пытаешься убедить Карлоса, что ему лучше уехать в Калифорнию, ты рискуешь потерять мужчину, который действительно тебя любит.

Я и так начала постепенно смиряться с тем, что уже потеряла Яна. У меня болела душа и за него, и за Джеймса. И все же Джеймс сейчас нуждался во мне гораздо больше.

Попрощавшись наконец с Кристен, я повесила трубку. Тут раздался стук в дверь, и я застыла в напряжении. Ян! Хочет со мной поговорить, и с моей стороны будет просто нечестно его и дальше избегать.

Я пошла открыть дверь, посмотрела на всякий случай в «глазок» — и тут же отдернула ладонь от рукоятки, словно та обожгла мне кожу.

За дверью оказался вовсе не Ян. Там стоял Карлос.

«Что ему здесь надо?!» — мелькнула мысль.

Я пару раз глубоко вдохнула, беря себя в руки, разгладила юбку и наконец открыла дверь.

Карлос стоял в коридоре один. Он поднял голову, и в льющемся с потолка свете стало видно, как на его лице играют желваки. Он тихо кашлянул, прочищая горло, быстро оглянулся на коридор и сказал:

— Простите меня. За мое поведение.

От готовых навернуться слез у меня защипало глаза. Карлос буквально исходил жгучей болью, ощущая себя жертвой самого что ни на есть гнусного предательства.

— Ах, это... Не берите в голову.

Карлос потер ладонью шею. Его рука заметно дрожала.

— Скажите, чем я могу вам помочь? — Я непроизвольно шагнула в коридор, и дверь за мной захлопнулась. — Пожалуйста, я очень хочу помочь.

Он сунул кулаки в карманы, отчего плечи поднялись чуть ли не до ушей. На нем были те же, что и утром, потертые джинсы, зауженная льняная рубашка и шлепанцы. Я тоже так и не успела переодеться, оставаясь в той же блузке и юбке, что надела после душа, уйдя от Яна.

Я старалась быть как можно более приветливой:

— Вы можете мне верить. — И придвинулась чуточку ближе.

У него едва заметно дернулась щека. Казалось, Карлос вот-вот взорвется.

— Доверьтесь мне, — сказала я и очень осторожно коснулась его запястья.

Опустив ресницы, он проследил глазами за моей рукой... И лицо у него чуточку расслабилось, желваки исчезли.

Возможно, Имельда была права: Карлос понял, что мы с ним оба стали жертвами одной лжи. Томас разыграл свою игру, используя нас, точно пешки на шахматной доске, и я подозревала, что эта игра еще далеко не окончена. Мне еще предстояло отвоевать Джеймса, убедив Карлоса в том, что его жизнь неразрывна связана с моей.

Тут он отстранился, размыкая едва возникший контакт. Я впиалась ногтями в ладони.

— Мы договаривались, что я приглашу вас на ланч...

— Ой, это вовсе... — распрямилась я.

— Я хочу предложить вам вместе поужинать.

— Да, конечно... М-м... — забеспокоилась я. — Только возьму свою сумочку.

Я подергала дверную ручку, но номер оказался заперт.

«Вот ч-черт!»

— Давайте схожу возьму ключ-карту на ресепшен, — предложил он.

— Нет-нет, — остановила его я. — Ничего, все в порядке. Возьму попозже.

Я не хотела, чтобы он куда-то уходил: а вдруг за это время он передумает насчет ужина?

— Я тогда потом с вами рассчитаюсь... — добавила я.

У Карлоса насмешливо изогнулись уголки рта, но в вымученной улыбке не чувствовалось ни малейшего тепла.

— Насчет денег не волнуйтесь, — ответил он. — Это я беру на себя.

Он пошел было к выходу, потом обернулся и предложил мне руку. Я переплела свои пальцы с его, которые были намного больше моих, — и чуть не расплакалась. Казалось,

целая вечность минула с тех пор, как мы ходили с ним вот так, бок о бок.

Войдя в лифт, Карлос нажал на кнопку вестибюля. Потом привалился к стене, скрестив на груди руки и пристально глядя на меня. Я же юркнула в противоположный угол и устоялась на него. Атмосфера между нами была крайне напряженной — такая наэлектризованная смесь невысказанных слов и вопросов, оставшихся без ответа. Я сцепила кисти, чувствуя себя неуютно под его откровенно изучающим взглядом. Из него едва ли не сочился вновь нахлынувший гнев, и у меня от этого мурашки побежали. И хотя направлена его ярость была отнюдь не на меня, я все равно была вся на нервах, теребя пальцами подол блузки и мечтая свернуть Томасу шею.

— А где мы будет ужинать? — как можно более легким тоном спросила я.

— Я планировал отвезти вас на ланч в отель «Ринконада», но теперь... — Он сделал паузу и потер руку. — Теперь будет лучше отправиться куда-нибудь поближе.

Тут между бровями Карлоса пролегли глубокие складки, он открыл было рот, однако не сказал ни слова. Поглядел на свои, скрещенные у лодыжек, ноги в шлепанцах.

— М-м-да... Пожалуй, можно поужинать в прибрежном кафе на пляже Принципаль. Туда можно дойти пешком.

Звякнул звоночек, и двери лифта раздвинулись. Карлос мгновенно оторвался от стены и устремился вперед. Я поспешила следом через вестибюль, в сторону пляжа.

Вечерний ветер заметно стих, солнце опустилось к самому горизонту, расцветив небо закатным заревом.

— Какая красотища! — восхитилась я.

— Мое любимое время суток, — заметил он, шагая рядом.

Ходил он в точности как Джеймс — размашистым шагом, исполненным какой-то отрешенной целеустремленности. Хотя стоило ему заговорить — и передо мной оказывался именно Карлос. В его английском, сдобренном изрядным акцентом, то и дело проскакивали отдельные испанские словечки.

По дороге он стал объяснять, как работают здешние рыбаки. Они, дескать, встают на якорь недалеко от берега и закидывают за борт на всю ночь крючки с наживкой, чтобы утром их проверить. А их жены потом прямо тут, на берегу, под пальмами, чистят и разделяют рыбу для ближайших ресторанов и местных рынков — и Карлос указал рукой на череду пальмовых деревьев, арками изогнувших свои стволы над песком.

Он чрезвычайно оживленно говорил обо всем на свете, кроме нас и кроме того, что ему довелось узнать сегодня. Рассказывая, он широко жестикулировал. И вновь я поймала себя на том, что сравниваю его с Джеймсом — от этого просто невозможно было удержаться. Буквально все в Карлосе — и то, как он двигался, и как касался моей руки, особо выделяя какие-то отдельные моменты, — все это было от Джеймса. Когда же Карлос высказался, как горячо он любит Пуэрто-Эскондидо и даже не представляет жизни где-то, кроме как здесь, я невольно задалась вопросом: неужели это возможно, чтобы человек был так счастлив и так удручен одновременно?

— Я сказал что-то такое, что вас обидело? — внезапно спросил он.

Я отвернулась к быстро тускнеющему на закате небу, смахнула сбежавшую слезу.

— Нет, ничего вы такого не сказали. Просто я... — Я выругалась себе под нос. — Просто все это...

— Совсем из ряда вон?

Я фыркнула.

— Да, очень точно сказано!

Карлос улыбнулся, и я невольно восхитилась его удивительным самообладанием. Ведь он сейчас пригласил на ужин женщину, которая, как выяснилось, была его невестой — и притом он совершенно не помнил, чтобы когда-то делал ей предложение. Ничего себе, лабиринты сознания! Разве у *него* не было массы вопросов? Разве *он* не был сейчас полностью выбит из колеи? Ведь это ему почти два года лгали, и именно им все это время манипулировали те, кому он всецело доверял.

— Боюсь даже представить, что вы сейчас переживаете, — проговорила я.

— Пытаюсь не переживать, — признался он. — По крайней мере, сейчас.

Ресторан был обустроен на деревянной платформе, возведенной на песке. Светящиеся гирлянды спиралью взвивались по пальмам, над головой были подвешены прозрачные круглые лампочки. Затеняющие каждый столик, полосатые рыночные зонтики по кругу обрамляли свободное пространство для танцев. Сбоку наигрывал латиноамериканский джазовый квартет.

Карлос был здесь, похоже, завсегда, поскольку старшая официантка тут же усадила нас за столик, обойдя целую очередь клиентов. Одарив его широчайшей улыбкой, она провела нас к столику на краю платформы с видом на закат. Карлос предложил мне кресло, сам уселся рядом, на соседнее. Мы обратили взоры на океан, где вода была намного спокойнее тех буйных волн, что вздымались на пляже Сикатела.

Выдав нам обоим по меню, официантка вежливо удалилась. Я огляделась вокруг. В ресторане всюду пульсировала жизнь. Колоритная чужеземная речь перемешивалась с оживленной музыкой. Я вдохнула теплый вечерний воздух, напитанный тропической смесью ароматов манго, океанской водяной пыли и жарящихся на решетке даров моря. Непринужденные ритмичные наигрыши музыкантов заставили меня улыбнуться, плечи стали покачиваться сами собой.

— Чудесное местечко, — сказала я. — Здесь очень красиво.

— Я подумал, что вам понравится, — ответил Карлос и вдруг нахмурился.

Я тут же перестала поигрывать плечами.

— Что не так?

Он пристально посмотрел на меня, и мои руки сами взметнулись к волосам, поправляя непослушные пряди. Не дождавшись ответа от Карлоса, я осторожно спросила:

— О чем вы сейчас думаете?

Он шевельнулся на стуле, потер ладони о бедра.

— Вы, наверное, догадываетесь, что у меня к вам много вопросов?

— Естественно. Спрашивайте, что хотите. Я рада вам помочь.

— *Gracias*. — Он вновь обратил лицо к океану, где на горизонте медленно таяла тонкая неоновая-оранжевая полоска заката. — Я планировал сегодня обо всем поговорить подробно, но теперь уже не хочу. ¡Dios!^[34] — прорычал он, сцепив руки за головой, как это делал Джеймс, когда ему надо было что-либо обдумать.

Я быстро отвела взгляд. Надо было прекращать сравнивать его с тем человеком, которым он был прежде.

— Черт знает что, сумасшествие какое-то! Все, что рассказала мне Имельда... — Внезапно он умолк, потер пальцем бровь. — Извините.

Я не поняла, то ли он извиняется за эти слова, то ли потому, что предположил, будто я собиралась весь вечер говорить с ним о нас, и теперь он обманул мои ожидания.

Конечно, мне хотелось с ним поговорить — но еще сильнее я хотела просто быть с ним рядом. Сидеть возле него, любясь, как меркнущие отсветы заката отражаются на резко очерченном профиле его лица. Я могла бы даже сделать вид, что в жизни все на самом деле просто. Все, как обычно. И есть только мы вдвоем.

— Чего же вы тогда хотите? — Я едва не потянулась, чтобы коснуться его пальцами, ощутить теплую упругость его кожи. Но я не могла этого сделать. Мы были совершенно чужими людьми. Вместо этого я прошлась взглядом по линии его подбородка, по крутому изгибу скулы. Черты его лица были для меня новы, изгибы несколько иными — но его облик все равно оставался прекрасным.

Задумавшись, Карлос сжал губы.

— Я просто хочу с вами поужинать. Не возражаете, если мы все это обсудим завтра? Мне надо... хм... время, чтобы все обдумать.

— Хорошо, — с легкостью согласилась я. Его вопросы вполне могли и подождать. Впереди у нас была еще целая жизнь.

Подошла официантка, и мы заказали себе напитки и еду. За ужином Карлос рассказывал о своей жизни в Пуэрто-Эскондидо, о страстном увлечении живописью, о том, как он все постигал заново после несчастного случая, и как ему нравилось заниматься с юными учениками. Я рассказала ему все о той части своей жизни, которая не имела к нему непосредственного отношения — начиная с кофейни и заканчивая родителями и друзьями. О том, что моя страсть — это выпечка, и о том, как я создала для себя особую нишу в ресторанном деле, готовя свой, оригинальный кофе. Он не стал спрашивать, что привело меня в его город и зачем я здесь. А я не спрашивала, что с ним произошло и как он собирается из этого выкарабкаться. По сути дела, это было наше с ним первое свидание. Перейдя на «ты», мы рассказывали друг другу разные истории, улыбались и даже смеялись.

Тут джаз-банд заиграл новую песню. Саксофонист взял длинную ноту, а барабанщик принялся молотить ладонями по чему-то, скрытому от глаз. Тело его покачивалось в ритме ударов, причем все быстрее, вместе с нарастанием темпа. На площадку тут же вышли парочки, начали танцевать. Я тоже стала похлопывать руками и притоптывать, со смехом поглядывая на Карлоса.

Он какое-то время молча смотрел на меня, побалтывая в стакане коктейль.

— Ты, я вижу, любишь танцевать, — произнес он наконец.

— Точно. А ты?

Он посмотрел на квартет, и его губы плотно сжались.

— Я не танцую.

«Еще как танцуешь!» — мысленно вскричала я.

— Потанцуй со мной! — вдруг выпалила я.

— Что?! — Он резко поднял голову.

— Ну же, пойдём танцевать! — Я вскочила и подала ему руку, приглашая на танец.

Карлос недоуменно уставился на мою протянутую кисть.

Когда он так и не взял моей руки, мои пальцы задрожали. Он медленно провел взглядом по моей руке, наконец встретился со мной глазами.

— Я же сказал, что я не танцую. Больше не танцую.

Какое-то мгновение я была даже не в силах пошевелиться. Он отвернулся, вновь уставившись на океан. Рот у него задрожал от тика, пальцы впились в подлокотники. Я опустила руку, бессильно села в кресло. Что-то в этот момент сместилось в моем сознании,

и впервые за эти дни я увидела в нем именно того человека, кем он на самом деле был. Карлоса.

Официантка между тем принесла счет, и Карлос оплатил его наличными, небрежно кинув на столик несколько купюр. Потом поднялся, тяжело скребнув ножками кресла по доскам пола.

— Я провожу тебя до отеля.

Мы шли по пляжу Маринеро в направлении «Каса-дель-Соль». Уткнув большие пальцы в передние карманы брюк, Карлос задумчиво смотрел на плотный от влаги песок под ногами. Он отрешенно царапал пальцами ткань джинсов, хмурил брови.

Намотав на палец прядь волос, я искоса взглянула на него. Что же такое случилось в ресторане? Мы вроде бы приятно проводили время. Мне даже казалось, что между нами установился прочный контакт. Однако в тот момент, когда Джеймс непременно подскочил бы с кресла и закурил нас в танце — Карлос упрямо заартачился. Меня подмывало спросить его об этом, но я уже обещала ничего сегодня не усложнять.

Так, погруженный в свои мысли, Карлос за всю дорогу не обронил ни слова. Неожиданно он застыл на месте и обернулся.

— Что случилось? — насторожилась я.

— Я оставил свой джип около студии. — Он задумчиво поскреб подбородок, посмотрел по сторонам. — Пожалуй, я сначала отведу тебя в отель.

Он двинулся дальше, но, заметив, что я за ним не иду, остановился и вопросительно вздернул бровь.

— Я пойду с тобой. Тогда тебе не придется ходить туда-сюда.

Карлос заколебался:

— Ты уверена?

— Естественно. К тому же сегодня чудный вечер.

А еще мне совсем не улыбалось отправиться в свой номер и провести там очередную одинокую ночь без малейших шансов уснуть. Я даже не представляла, что принесет мне завтра — после того, как Карлос получит ответы на свои вопросы. Останусь я с ним здесь, в Мексике, или же полечу домой? И захочет ли Ян по-прежнему быть мне другом? Я ведь все-таки оттолкнула его, хотя и обещала этого не делать.

«Джип рэнглер» Карлоса оказался припаркован на аллее сразу за галереей. Он подал мне руку, подсаживая в салон, и придержал дверь, пока я не устроилась на пассажирском сиденье, потом забрался со своей стороны. Он поехал обратно к «Каса-дель-Соль», с легкостью подкатив к тротуару напротив главного входа. Тут же подбежал парковщик, но Карлос, махнув рукой, отослал его прочь. Он сидел с незаглушенным двигателем, крепко вцепившись пальцами в руль.

Мне вовсе не хотелось вылезать из джипа, а Карлос не предлагал мне выйти. Решившись, я взглянула на него из-под ресниц:

— Я слышала, сегодня в центре фестиваль?

Он кивнул, легонько тряхнув коленом.

— И погода замечательная... — Я посмотрела на небо. Яркие огни курортного отеля приглушали сияние звезд. — Очень люблю такие теплые уютные вечера, как сегодня.

Он снова кивнул:

— *Sí*, я тоже.

Я подумала, куда Карлос двинется дальше, если я не вытащу его на фестиваль, и спросила:

— А ты живешь где-то рядом?

— Меньше двух километров по Сикатела. — Он указал на юг.

Мгновение я рассматривала его профиль, мерно вздымающуюся грудь... И внезапно мне совсем не захотелось ни проводить эту ночь в тоскливом одиночестве, ни слушать шумную музыку на забитом толпой фестивале.

— Я бы очень хотела увидеть твой дом, — сказала я.

Карлос повернулся ко мне, посмотрел изучающим взглядом... и включил передачу.

Мы ехали по Калле-дель-Морро, проспекту, идущему параллельно пляжу Сикатела, мимо многочисленных ресторанов, магазинов со снаряжением для серфинга, ночных клубов, гостиниц, вдоль обращенных к океану богатых особняков. Наконец Карлос свернул на подъездную дорожку, остановился перед кованой оградой. Направил пульт на щиток, и ворота разъехались в стороны. Он вкатился во двор по достаточно просторному для джипа проезду и остановился перед узким и трехэтажным домом.

Я застыла в изумлении. Я с нескрываемой завистью уставилась на верхний этаж.

Карлос заглушил двигатель.

— Третий этаж — это терраса на крыше. Оттуда потрясающий вид на горы и побережье, особенно в ясный день.

За пальмами, окаймлявшими его владения, всюду бушевал океан.

— Да ты на самом берегу живешь! — с завистью простонала я.

Его губы расплылись неторопливой, широкой улыбкой.

— Пойдем, хочу тебе кое-что показать, — сказал он, выпрыгивая из джипа.

Карлос провел меня мимо небольшого бассейна, через коротко постриженную лужайку, припорошенную песком, через калитку в невысокой кирпичной стене, отделявшей его двор от общественного пляжа. Тут он повернулся ко мне и крепко ухватил за бедра. От неожиданности я резко втянула воздух. Рассмеявшись, он усадил меня на стену, сам же взгромоздился рядом. Так близко, что наши руки соприкасались.

С трудом сдержавшись, чтобы не прильнуть к нему, я кивком указала на захватывающий вид:

— Да, готова признать: умираю от зависти.

— Даже представить не могу, как можно жить в каком-то другом месте. — Произнеся это, Карлос глубоко вздохнул и, раздувая щеки, шумно выпустил воздух. — Так было, по крайней мере, до нынешнего дня. Теперь уже не знаю, что и думать.

Я скользила взглядом от покрытой крупными бурунами воды к звездному небу, мечтая о том, чтобы развершаяся между нами бездна не была еще бескрайнее, чем Тихий океан. Я хотя бы видела перед собой линию горизонта. Но я и понятия не имела, существовал ли он для Джеймса. Выйдет ли он когда-нибудь из этого состояния фуги?

— Не думай об этом, — попросила я. — Не сейчас.

— Да в том-то и проблема, — выпрямил он спину. — Я уже не могу остановиться. Это просто выбило меня из колеи. Я сейчас ничего не могу сообразить. — Карлос приподнял мою левую руку, разглядывая помолвочное кольцо. — Имельда мне сказала, что ты моя... в смысле была... моей невестой.

— Это кольцо ты подарил мне, когда делал предложение.

Он с сомнением посмотрел на меня:

— Почему ж я этого совсем не помню?

— Состояние фуги мешает тебе...

— Но ведь хоть что-то же я должен к тебе испытывать? — Он мгновение помолчал, потом вытянул губы трубочкой: — Ничего. Ничто даже не всколыхнулось.

У меня упало сердце.

— Может, я могу чем-то помочь? Позволь мне помочь тебе все вспомнить, — предложила я с отчаянием в голосе. А хочет ли он вообще меня вспоминать?

— Дело же не просто в потере памяти, Эйми. Тот парень, которого ты любила — это вовсе не я. Его больше нет.

— Замолчи! — вскрикнула я. — Не говори так. Прошу тебя, не надо... — Потом, вспомнив, схватила его за запястье: — А как же твои сны? Ведь я же тебе виделась во снах?

— Я нашел у себя в студии твой давний портрет. Видимо, он и спровоцировал эти сны. — Он обхватил ладонями мою руку.

— Я тебе не верю. — Во мне начал подниматься гнев. — После всего, что ты сегодня узнал — как ты можешь оставаться таким безразличным? Неужели ты ничегошеньки не чувствуешь?!

Карлос горько усмехнулся:

— Как же, еще как чувствую! У меня полно злости на моего брата... Томас его зовут, верно? И на Имельду тоже. — Он возмущенно покачал головой. — Она назвалась моей сестрой, и я ей поверил. Поверил, черт бы ее побрал! Но вот с тобой... — Он еще раз оценивающе осмотрел меня. — Я не чувствую ничего, кроме любопытства. Уж извини.

Я вырвала свою руку и вскочила на ноги. Встала к нему спиной.

— Моя память хранит события за девятнадцать прошедших месяцев, — сказал он. — Вот так. И я собираю все: журналы, книги. Каждую фотографию заключаю в рамку. Теперь, если я еще раз потеряю память, у меня хотя бы останется что-то из прошлого.

Я тут же припомнила его галерею — целые пачки журналов и стопки книг. И незаконченные картины, ожидающие лишь подписи или последнего мазка. И подписанные картины, которые он никогда не представлял публике. Он хранил все. Все, что останется потом от Карлоса.

Но у меня-то хранилось все то, что принадлежало Джеймсу!

— Нет, у тебя есть прошлое. У меня есть фотографии — могу их показать. У меня хранится твоя одежда и твои картины. В нашем доме до сих пор существует твоя студия. Да, у нас с тобой есть общий дом.

— Мой дом здесь.

Крепко обхватив себя руками, я побрела прочь и вдруг остановилась, услышав, как он произнес мое имя.

— Я не уверен, что хочу вспоминать это прошлое.

Во мне миг как будто что-то умерло.

— Можешь ты хотя бы попытаться?

— Зачем? Тогда я рискую потерять все то, что мне сейчас привычно и знакомо. Все то, что я люблю.

Я крепко зажмурила глаза.

Несмотря на свое состояние, Карлос неплохо уяснил изощренную логику происходящего.

— Ты пытаешься сравнивать девятнадцать месяцев и двадцать девять лет. Какое право ты имеешь прятать от меня Джеймса?! Ты — посторонний в его теле. Ты — не он.

Карлос вздрогнул.

— *Sí*, ты права. Я действительно не он. Теперь уже нет. И что бы ты ни сказала, это не убедит меня все бросить. Я никуда с тобой не поеду. Я тебя не знаю.

Я просто взвилась:

— Ты не можешь меня вспомнить. Тут, согласишься, есть разница.

Он сжал кулаки:

— Я не могу никуда уехать. Я нужен здесь.

— Писать картины ты можешь где угодно, — всеохватывающим жестом я развела руки. — Что тебя здесь держит? Уж точно не Имельда. Она тебе вовсе не сестра. Твоя семья — в Калифорнии. И я живу в Калифорнии. Так какого черта тебе здесь оставаться?

Он стиснул зубы, воззрившись куда-то за моей спиной.

Я обернулась, чтобы проследить за его взглядом.

— Неужели океан? — недоуменно спросила я.

Он промолчал, и я загородила ему вид.

— Не может быть, чтобы ты ничего ко мне не чувствовал, потому что ты для меня — всё! И не один ты сейчас испытываешь адские муки! — хрипло вскричала я. — Хуже всего на свете, когда единственный в мире человек, которого ты не в силах забыть, никак не может тебя вспомнить! Тот единственный, которого я так и не смогла отпустить... — Мое горло пересохло, голос оборвался, и я зашлась низким отрывистым кашлем.

Приступ никак не утихал, и я согнулась пополам.

Через мгновение я почувствовала, как меня обхватила его сильная рука.

— Тебе надо выпить воды. Пойдем-ка в дом, — предложил Карлос и повел меня вперед.

Вместе с ним я прошла через раздвижные стеклянные двери в кухню — и зажмурилась от яркого дневного света, который тут же включил Карлос. От попыток сдержать кашель мое дыхание сбилось.

— Где тут у тебя ванная? — спросила я, чувствуя, что вся растрепана, а на щеках — потеки туши.

— По коридору и налево, — бросил он через плечо, доставая из шкафчика стаканы.

Я прошла через полутемный коридор, куда указал Карлос, и заперлась в ванной комнате. Включила свет, повернулась к раковине, открыла кран и пригоршнями поплескала в лицо воды, стараясь побыстрее смыть со скул растекшуюся тушь. Вслепую потянулась за полотенцем, утерла лицо — и наконец посмотрела на собственное отражение. Из зеркала на меня смотрели красные воспаленные глаза на бледном лице.

Как может Карлос быть настолько уверен, что девятнадцать месяцев его жизни гораздо важнее тех двадцати девяти лет, что прожил Джеймс? Ведь он, получается, крал у Джеймса жизнь, лишая его тех счастливых лет, что он мог бы провести со мной. И тот самый человек, который страдал от этого больше остальных, ничего не мог возразить. Джеймс, увы, не способен был говорить за себя. И я должна была попытаться убедить Карлоса дать хоть какой-то шанс проснуться воспоминаниям Джеймса.

Я сложила полотенце, расправив на нем складки, положила на полку шкафчика в ванной рядом с иллюстрированной детской книгой... И застыла на месте. Что-то как будто сжалось у меня в груди. Я резко обернулась — и увидела над унитазом целую полку книжек с картинками, а в ванне — детские игрушки.

Громко простонав, я уронила на пол полотенце и книгу, выскочила из ванной... и оказалась в ярко освещенном коридоре. По всей стене в шахматном порядке висели фотографии в рамочках. Еще не один десяток виднелся на полках в гостиной. Там были фотографии Карлоса, Имельды, а также незнакомых мне людей, включая женщину с черными волосами и рыжеватой кожей. Со счастливой улыбкой, она идеально сочеталась с

Карлосом, который обнимал ее за плечи.

На большинстве снимков были два мальчика: один — маленький ребенок, а другой — совсем младенец. На одном из фото Карлос бережно держал в руках новорожденного. На другой мальчик постарше рисовал красками за детским столиком для рисования. За тем самым столиком, что я видела в галерее. Приблизительно на десятке снимков мальчики были запечатлены вместе, на остальных был сфотографирован тот, что постарше, в объятиях родителей — Карлоса, с еще пунцовыми, ужасающими шрамами на лице, и той таинственной беременной женщины.

Крутанувшись на месте, я впиалась пальцами себе в волосы и с силой дернула. Кожу обожгло болью — однако эта боль и близко не лежала к тому мучительному ощущению, которое будто пронзило меня насквозь. Я схватила с полки рамочку с детским портретом. Мальчик, изображенный на нем, ни капельки не напоминал Джеймса в детсадовском возрасте. Кто этот ребенок? И почему по всему дому развешаны его фотографии?

— Ему пять, и он очень любит рыбачить, — произнес за моей спиной Карлос. — Это мой сын.

— Как такое может быть?! Ты же уехал меньше двух лет назад.

Я услышала, как он переминается позади.

— Я его усыновил.

У меня задрожали руки.

— А младенец? — шепотом спросила я.

— Младенец — мой.

Значение этой новости медленно снисходило на меня, все глубже и прочнее оседая в моем сознании.

«Я нужен здесь».

— А кто их мать?

— Моя жена. Ракель. Она... — Карлос осекся.

Мою щеку покатила слеза, и я раздраженно ее смахнула.

— Она умерла, когда рожала Маркуса, — заговорил он через мгновение. — Это было так... внезапно... Разрыв аневризмы... Врачи ничего не смогли сделать.

Я медленно к нему повернулась. Карлос стоял посреди комнаты, зажав в руках два стакана с водой, с совершенно отрешенным лицом. Наверное, после похорон Джеймса у меня несколько дней сохранялось на лице то же выражение.

— Ты любил ее, — глухо произнесла я.

— Очень.

Я облизнула пересохшие губы.

— А где мальчики сейчас?

— Гостят у друзей. Они славные ребята.

— Нисколько не сомневаюсь.

Я поставила фотографию на полку и заходила взад-вперед по небольшой гостиной, нервно крутя на пальце кольцо. Мои руки безудержно тряслись, и эта дрожь стремительно распространялась по всему телу.

— Прости, — сказал Карлос сухим и резким тоном. Он шумно сглотнул, быстро поморгал глазами, блестящими от навернувшихся слез. — Я не думал... Я не знал, как... — Он прокашлялся и поставил стаканы на кофейный столик. — Для тебя, должно быть, слишком большая неожиданность увидеть моих детей.

— Кто она? Как вы познакомились? И когда ты успел... — Я даже стиснула губы, презирая эти ноты отчаяния в собственном голосе.

— Она была специалистом по лечебной физкультуре. Занималась со мной после травмы. Когда мы поженились, я усыновил Джулиана. А вскоре подрос и Маркус... — Запнувшись, Карлос потер ладонью затылок. — Мы с Ракелью не так уж и долго были женаты, но я... — Он на мгновение отвернулся. А когда снова посмотрел на меня, глаза его были серьезными и искренними: — Я больше ни с кем не могу танцевать. Танцы были ее страстью. Для меня это слишком тяжело... *¡Dios!* — страдальчески выдавил он. — Если бы я хоть когда-либо испытывал к тебе то же, что чувствую к Ракель, я бы мог понять всю бездну твоих мучений. Эта потеря... просто непереносима!

С моих губ снова сорвался стон. Я лихорадочно вертела кольцо, до боли стирая под ним кожу. Карлос взглянул на мои руки, прищурился.

— Я свое снял уже несколько месяцев назад, — тихо произнес он.

— Я не могу. — Я сокрушенно расплакалась.

Он осторожно подступил поближе.

— Или не хочешь?

Я с чувством помотала головой. Мне казалось, будто комната становится все теснее, и стены готовы обрушиться на меня.

Карлос приблизился вплотную, мягко накрыл ладонью мою руку, сдерживая мои беспокойные пальцы.

— Я очень сильно любил Ракель. Когда она ушла... мне было... невероятно тяжело. Но я должен был жить дальше. У меня просто не было выбора. Я был очень нужен двум очаровательным и неугомонным *ninõs*^[35].

У меня задрожала нижняя губа.

— Но ведь ты здесь, Джеймс, — прошептала я. — Ты-то не умер. Ведь ты же — живой. И мне ты очень нужен.

Карлос печально покачал головой:

— Он ушел, Эйми. И тебе его надо просто отпустить.

«*Все отпусти, детка. Лети...*» — тихим шелестом пронеслись в моем сознании слова Яна.

Не отпуская моих рук, Карлос бережно отвел меня к дивану, усадил на краешек сиденья. Потом подтянул себе кресло и уселся напротив, снова обхватив мои ладони.

— Джеймс счастливый человек, раз его столь страстно любит такая женщина, как ты. Расскажи мне о нем. Расскажи, почему он так сильно тебе необходим.

— А вдруг ты тогда начнешь вспоминать?

Его взгляд исполнился сочувствия.

— Это невозможно начать. Мы с тобою оба знаем, что смена сознания произойдет совершенно внезапно. *Если* произойдет. Лично я не думаю, что такое случится.

Я не поверила словам Карлоса. Ведь Джеймс по-прежнему был с нами, скрываясь где-то внутри него, глубоко в его сознании. Я смотрела на наши крепко сцепленные руки, на наши переплетенные пальцы, ощущала тепло его кожи — и думала: «Хватит ли мне стойкости отправиться домой без него? И смогу ли я двигаться по жизни дальше, зная, что он живет на свете — где-то далеко и без меня?»

Я подавленно вздохнула. И с обреченной улыбкой рассказала Карлосу нашу историю.

С того дня, как исчез Джеймс, я все хранила в нетронутым виде. Его студию в нашем доме. Его картины, развешанные на стенах. Его одежду в нашем общем шкафу. И, как верно обмолвилась Надя перед моим отлетом в Мексику, — фотографии Джеймса были у меня повсюду.

И я отчаянно за все цеплялась: за мечты о будущем, в котором он будет со мною рядом, за надежду, что он все-таки жив и скоро ко мне вернется. За воспоминания о нашей с ним совместной жизни — включая и тот эпизод, о котором я поклялась не рассказывать ни одной живой душе.

Мне трудно было такое обещать, но я все же сделала это ради Джеймса. Я рассчитывала, что, когда он будет к этому готов, мы вместе справимся с этой травмой и вместе исцелимся. Однако, когда момент настал, он отказался обсуждать это жуткое испытание — или же, как я начала подозревать, слишком этого боялся.

Похоронив Джеймса, я задалась вопросом: а придет ли такой день, когда я перестану молчаливо страдать от этой тайны в одиночку? «Вечно ты держишь все в себе», — попеняла мне Кристен несколько месяцев назад. Если бы она только знала, какую тайну я в себе похоронила!

Мне все время хотелось хотя бы один-единственный раз рассказать Джеймсу о том, что я тогда испытала. О том, насколько одинокой и перепуганной почувствовала я себя в тот день на нашей лужайке. И вот теперь он сидел напротив меня в кресле, весь обратившись в слух, — хотя, в каком-то смысле, это был не совсем он.

Я стала рассказывать ему, как мы познакомились. Карлос держал меня за руки, и это прикосновение действовало на меня успокаивающе. Так странно было оживлять воспоминания, в которых Джеймс играл самую непосредственную роль — и при этом не мог припомнить ни единого мгновения. Я объяснила, что именно моя семья, а не Джеймса, взлелеяла его талант. Рассказала историю о нашем первом поцелуе и о первом танце. С легкой улыбкой припомнила, как Джеймс приезжал ко мне из колледжа и как мы под звездами занимались любовью на нашей заветной полянке. Потом вспомнила, как Джеймс попросил меня выйти за него...

Тут я посмотрела на наши соединенные руки и вытащила пальцы из сжатых ладоней Карлоса.

— Было еще что-то, верно?

Я кивнула, снова принявшись теревить помолвочное кольцо.

— Что с тобой случилось? — осторожно спросил он.

И тут из меня безудержно начали изливаться воспоминания, выползая на свет из той глухой черной норы, в которой я их все это время прятала.

— Мы были на нашей любимой лужайке на горном выступе. На нашем особом, тайном местечке, — начала я. — Джеймс раскинул на траве тонкое одеяло, и мы с ним, усевшись рядом, смотрели, как за вершину холма медленно склоняется солнце. И он мне сделал предложение...

— Я напишу для тебя этот закат, и еще много других таких же прекрасных закатов, если ты будешь носить вот это...

Внутри открытой черной бархатной коробочки, лежащей на его ладони, оказался квадратной огранки бриллиантик в платиновой оправе.

— Ой! — воскликнула я. — Какая прелесть!

Я растопырила кисть, и Джеймс, поцеловав мои пальцы, надел мне кольцо. Оно мне подошло просто идеально! Как идеально подходили друг другу мы с Джеймсом.

— Эйми Тирни, выходи за меня замуж. Стань моей женой.

— Да! — На мои глаза навернулись слезы. Я закинула руки ему за шею. — Тысячу раз да!

— Ну, слава богу! — счастливо рассмеялся Джеймс и, приподняв меня, так закружил вокруг себя, что я даже вскрикнула.

— А что, ты в этом сомневался? — поддразнила я его, когда Джеймс остановился, и, извиваясь, сползла вниз, встав на ноги.

— Ничуть, — сказал он и поцеловал меня. — У меня в машине есть шампанское. Подожди-ка здесь.

Джеймс заторопился к своему авто, скрывшись за небольшой рошцей. Через мгновение раздался треск дерева, звук бьющегося стекла.

— У тебя все в порядке? — крикнула я.

— Все хорошо, — послышался напряженный ответ. — Оставайся на месте.

И я осталась стоять, подставив бриллиантик последним солнечным лучам. Камешек тут же засверкал.

— Это само совершенство, Джеймс! — воскликнула я и тут же услышала за спиной шаги.

Резко обернувшись, я буквально наткнулась на Фила.

— Привет, Эйми, — скупно улыбнулся он.

Ахнув от неожиданности, я отступила назад:

— Что ты здесь делаешь?!

— Праздную вместе с тобой.

— Ничего не понимаю. Где Джеймс? — Я встревоженно посмотрела через плечо Фила.

— Он... занят.

Он неожиданно выбросил вперед руку, крепко схватив меня за лицо и с силой вдавив мне в щеку большой палец. Я не смогла даже сдвинуться с места. По мне, точно пролитая масляная краска, густая и вязкая, стал распространяться липкий страх.

— Что ты делаешь? — с трудом выдавила я.

Выглядел Фил далеко не лучшим образом: глаза были словно остекленевшие, лоб блестел от пота. Он рывком притянул меня к своей груди, ощупывая мою кожу. От него сильно разило алкоголем.

— Какая ты красивая...

— Фил, отпусти, ты делаешь мне больно! — закричала я.

— Ну, извини... — Он припал к моим губам, из его рта несло джином.

Я заплакала, горло перехватило от страха. Резко дернувшись, я высвободилась из его хватки, попятилась назад.

— Джеймс!!! — завопила я.

— На хрен Джеймса! — Лицо Фила побагровело от злости. Метнувшись ко мне, он

швырнул меня лицом к земле, и я упала с такой силой, что воздух вылетел из легких.

— Твой приятель со своим долбаным братцем забрали у меня всё. Всё! — проревел он мне в самое ухо. — «Донат» — моя компания. *Моя!*

Он сцапал меня за шею, пихнув носом в грязь. Я даже не могла закричать. Даже дышать толком не могла. Лишь бессильно царапала пальцами землю.

— У Томаса я уже все прибрал. Это же придурок, каких поискать! Даже понятия не имел, что я делал с его лавочкой и его товаром!

Слова его сопровождались звуком расстегиваемой молнии. Он втиснул свою ногу между моими коленями и раздвинул ноги пошире.

— Теперь очередь Джеймса. На «Донат» ему абсолютно начихать. А вот ты!.. Ты для него — всё.

Фил резкодохнул мне в ухо, так что даже слюни брызнули на лицо. Задрав юбку, он сдернул с меня трусики, больно протащив резинку по коже.

— Он забрал у меня — теперь я забираю у него.

Он с силой впихнул в меня свои сухие пальцы, и от этого резкого вторжения у меня внутри сразу зажгло, как стало жечь и легкие от невозможности дышать. Я извивалась, чтобы глотнуть воздуха, и какие-то неровности на земле больно впивались в мою щеку. И все это вместе: и давящая на спину тяжесть, и болезненное до тошноты, грубое проникновение, и мертвая хватка, сдавившая мои легкие, — все это вместе оказалось просто невыносимо. Перед глазами вскоре все поплыло, стало меркнуть...

Внезапно эта тяжесть с меня свалилась. Короткими судорожными глотками я стала втягивать воздух. Мучительно откашливаясь, поднялась на четвереньки. Из рта засочилась смешанная с грязью слюна.

— Эйми! — Джеймс упал передо мной на колени. — Родная моя! — Голос его срывался, ладони суетливо сновали по мне, поправляя одежду, убирая назад волосы со взмокшего лица. — Я здесь, с тобой.

Желудок свело от спазмов. Отпихнув его руки, я отползла подальше. Содрогаясь от рвотных позывов, я извергла из себя все, что можно — кроме мерзостных прикосновений Фила. Я не могла отделаться от ощущения прикосновения его поганых рук.

Наконец Джеймс подошел ко мне сбоку, поднял на ноги. Его руки сильно дрожали.

— Пошли. Давай скорее отсюда выбираться.

Я посмотрела Джеймсу за спину. Фил валялся ничком в высокой траве, совершенно неподвижно.

— Он что...?

— Он жив. Не смотри туда. — И, подняв с травы одеяло, Джеймс побыстрее повел меня к машине.

— Ты что, так его тут и оставишь?

— Так и оставлю.

Джеймс усадил меня на переднее пассажирское сиденье, захлопнул дверцу и, поспешно забежав со своей стороны, прыгнул за руль, включив зажигание еще до того, как закрыл за собой дверь. Машина с визгом рванула прочь от нашей лужайки и покатила по дороге с горы.

Меня начало колотить: мелкие потряхивания конечностей постепенно переходили в крупную дрожь, охватившую буквально все тело.

— Все позади, Эйми.

К юбке пристали веточки и сухие травинки, под ногти забились грязь. Я попыталась ее вычистить.

— Я выпачкалась, Джеймс. Ужасно выпачкалась. Мне надо домой. Отвези меня домой!

Живот скрутило от тошноты.

— Нельзя... Ч-черт! — Он хлопнул ладонью по рулю. — Нас уже ждут мои родители. Если мы не появимся, они станут задавать вопросы. Особенно мама. Нам надо добраться до дома до того, как туда приедет Фил.

Я поперхнулась.

— Он что, еще и туда собирается?!

— Ему уж точно лучше там не появляться, однако я такой возможности не исключаю. Только сначала заедем к твоим родителям. Я обещал твоему папе к ним заехать, когда сделаю тебе предложение.

Я посмотрела на себя в салонное зеркало — и чуть не взвыла. В волосах застряли листья и трава, правая щека расцарапана, на подбородке краснела ссадина, макияж весь сошел. Я нашарила в сумочке тушь, попыталась нанести заново, но от тряски она тут же размазалась по скуле.

Тогда Джеймс съехал на обочину, остановился и вытащил из своей спортивной сумки полотенце, дрожащими руками смочил его из бутылки водой.

— Посмотри на меня. — Он аккуратно вытер мое лицо влажным полотенцем. — Ты никому не должна рассказывать о Филе. Ни своим родителям, ни моей семье, ни нашим друзьям. Никто не должен знать, что произошло. Ты меня понимаешь? — Джеймс осторожно промокнул болезненную ссадину возле рта, счищая с нее грязь. Я дернулась, и он успокаивающе шикнул. — У фирмы сейчас серьезные трудности, и в этом замешан Фил. — Схватив мою сумочку, Джеймс выудил из нее тональный крем, пудру, легкими движениями нанес их на мое лицо. — О Филе я позабочусь. Больше он тебя не тронет. — Он развинул тюбик с тушью. — Давай-ка, подними глаза. — Я послушалась, и Джеймс уверенной рукой художника нарисовал ресницы тушью. — Защитить тебя — моя обязанность. Я сделаю так, что тебе ничто больше не будет угрожать. Ты меня слышишь?

Прикусив нижнюю губу, я кивнула.

— Любимая, посмотри на меня.

Мы встретились глазами, и меня даже испугала его ярость. Взгляд стал твердым, как алмаз, черты лица приобрели негибкость и жесткость, точно сталь.

— Я прослежу, чтобы Фил к тебе больше и близко не подходил. Больше он к тебе не прикаснется.

У Джеймса по виску заструилась кровь, и я вскрикнула:

— Ты поранился!

Потом потрогала шишку на его голове, и он болезненно поморщился:

— Ничего страшного, всего лишь царапина.

Я забрала у Джеймса полотенце, смочила сильнее. Бережно промокнув ему лицо, я посмотрела на темные красноватые разводы, оставшиеся на белой ткани.

— Я люблю тебя, — произнесла я.

— Я знаю. — Джеймс на миг опустил веки. — Господи, как же мне хотелось, чтобы все это было по-другому! Но нам все равно надо ехать. Твои родители уже ждут нас. Если мы еще задержимся, у них возникнут вопросы.

— У меня вообще-то тоже есть вопросы! — вскричала я. — Фил это сделал, чтобы тебе

нагадить. Так он сам мне сказал. Но почему, Джеймс? Что между вами происходит?

— Тш-ш-ш... — попытался успокоить меня Джеймс. Потом взял мое лицо в ладони и прижался лбом к моему лбу: — Когда смогу, я отвечу на все твои вопросы. Я все тебе расскажу, обещаю, — сказал он хриплым от сдерживаемых слез голосом. — А до тех пор ты должна просто поверить, что я обеспечу твою безопасность. Я знаю, что делаю. Прошу тебя, просто доверься мне.

— Хорошо, — согласилась я и постаралась по возможности вытеснить мысли о Филе. В самый дальний, недостижимый уголок сознания.

Мы поехали к моим родителям. Нацепив на лицо счастливые улыбки, пили с ними шампанское, говорили тосты, быстро прикончив бутылку на четверых. И чем больше я пила, тем легче мне было забыть то, что произошло на лужайке.

Потом мы отправились к родителям Джеймса и перед домом снова налепили радостные улыбки. Однако, когда мы вошли, там царили тишина и покой.

— Кто-нибудь-то есть дома? — спросила я Джеймса, заходя с ним в гостиную.

На серванте, в ведерке из чистого серебра, охлаждалась бутылка шампанского. По крайней мере, нас тут ждали.

Джеймс молча окинул взглядом комнату. Лицо омрачилось тревогой. Его отец был серьезно болен.

— Пойдем поищем твоих родителей, — взяла я Джеймса под руку.

В этот самый момент из коридора с распростертыми объятиями выступила Клэр:

— Поздравляю! — пропела она и крепко обняла Джеймса.

Потом повернулась ко мне, горячо схватила за руки:

— Добро пожаловать в нашу семью! Мы невероятно счастливы и взволнованы появлением у нас еще одного Донато!

Я выдавила улыбку, слегка поморщившись от боли в лице.

— Ведь ты же собираешься взять нашу фамилию? — уточнила она, неверно истолковав мою реакцию. — Избави бог тебе оставить собственную или, хуже того, писать ее с нашей через дефис!

— Что ж, я... — Голос мне отказал, и я посмотрела на Джеймса.

Тот, нахмурившись, пошел открывать шампанское. *Хлоп!* Резкий звук словно разорвал натянутую атмосферу. Я охнула, Клэр дернулась всем телом, потом свысока посмотрела на Джеймса.

— Для меня будет большая честь взять фамилию Донато, — поспешно сказала я. — Я очень люблю Джеймса.

— Разумеется, дорогая.

Джеймс наполнил два бокала:

— А где отец?

— У себя в комнате. Сегодня он неважно себя чувствует. — Клэр посмотрела на меня извиняющимся взглядом. — Плохо с лёгкими.

Наливая еще один бокал, Джеймс мельком взглянул на мать:

— А когда следующее обследование?

— Ну, ты же знаешь своего отца! Он упрямее, чем ты и Томас, вместе взятые.

Джеймс лишь покачал головой, не ведясь на эту подначку, и вручил матери бокал.

Она повела своими худощавыми плечами:

— Если уж твой папочка не хочет бросать курить сигары, то к врачу он и подавно не

пойдет. Будет оттягивать до последнего. Его уже два раза записывали на прием, и оба он отменил.

Джеймс совсем пал духом. Чертыхнувшись под нос, он поднес мне бокал.

— Когда будет свадьба? — спросила Клэр.

— У нас еще не назначена дата. Может быть, будущим летом? В июле? — вопросительно взглянула я на Джеймса.

— Это будет чудесно! И венчайтесь непременно в нашей церкви.

— Так мы и собираемся. — Джеймс переплел свои пальцы с моими, привлек меня к себе поближе. — А еще мы планируем устроить небольшое застолье в «Старом ирландском козле».

Клэр передернуло.

— О нет! Вот это ни к чему. Этот ресторан слишком мал для таких событий.

— *Этот* ресторан принадлежит родителям Эйми, и они великодушно согласились оказать нам гостеприимство.

— Да он просто не вместит всех наших гостей! Там же будет неопишуемая теснота! Где вы их там всех рассадите?

Я беспокойно обхватила пальцами ножку бокала.

— Вообще-то, мы с Джеймсом планировали устроить довольно скромную свадьбу. Только домашние и близкий круг друзей.

И под «домашними» я точно не подразумевала Филя. При мысли о нем внутри словно все сжалось.

Хлопнула парадная дверь. Обомлев, я в испуге устремила глаза на Джеймса. Мы переглянулись.

Из прихожей донесся восторженный возглас:

— О-о, да у нас тут свадьба на пороге!

Вскоре в дверях появился Томас. У меня невольно вырвался вздох облегчения, и Джеймс сжал мои пальцы.

Томас подошел к нам, крепко меня обнял, чмокнув в щеку:

— Поздравляю! Добро пожаловать в семью, сестренка!

Он шутливо потрепал меня по подбородку, коснувшись скрытых под косметикой щадин, отчего я сквозь зубы судорожно втянула воздух. Джеймс быстро оттолкнул его руку от моего лица. Томас игриво пихнул брата в плечо, потом притянул к себе для крепкого мужского объятия. И мгновения не прошло, как Джеймс отстранил его от себя — его терпение в общении с семейством явно готово было лопнуть.

— Эйми как раз посвящала меня в их свадебные планы, — проговорила Клэр, передавая Томасу бокал с шампанским. — Джеймс, я полагаю, одним из шаферов следует пригласить Филя.

Я почувствовала, как у меня кровь отлила от лица.

Томас прищурившись взглянул на меня, а Джеймс стиснул зубы.

— Я не желаю его там видеть.

— Но он член семьи, Джеймс.

— Свадебную церемонию мы обсудим позже, мама, — натянуто произнес Джеймс.

Томас поставил едва пригубленный бокал на сервант.

— Ну, что ж, Эйми, оставим пока вас с матушкой обсуждать детали предсвадебных приготовлений. — Он поманил Джеймса пальцем: — Можно тебя на секунду? Надс

поговорить.

У того напрягся взгляд.

— Да, разумеется.

Он поцеловал меня в лоб, спросил, все ли со мной в порядке. Я кивнула, и Джеймс, пробормотав, что скоро вернется, вышел вслед за Томасом.

Поставив свой бокал рядом с шампанским Томаса, Клэр прошлась наманикюренными ногтями по моим волосам, распрямляя густые завитки. Вытащив оттуда сухой листок, недоуменно изогнула бровь.

— Думаю, когда мы как надо уложим твои волосы, из тебя выйдет изумительно красивая невеста. Очень уж они непослушные, — покачала головой Клэр. — А еще ты чересчур много накладываешь макияжа.

* * *

Спустя двадцать минут поистине выматывающего общения мне удалось все же вырваться от Клэр с ее свадебными приготовлениями, сославшись на то, что мне необходимо в туалет. К счастью, в этот момент в доме зазвонил телефон, и Клэр пошла снимать трубку.

Я двинулась по дому в поисках Джеймса. Наконец я поняла, что голос его доносится в коридор из маленького кабинета. Из-под двустворчатой двери просачивался свет, слышалось приглушенное ворчание Томаса:

— Я не могу уволить Филадельфия. Это запрещают условия передачи прав.

Через тоненькую щелочку в дверях я увидела стоящего в сторонке Джеймса с искаженным от злости лицом. Томас мерил шагами комнату.

— Я найду управу на Филадельфия, — сказал Джеймс.

— Это не в твоей компетенции.

— Послушай, у меня есть один план.

Они заговорили тише. Я даже задержала дыхание, старательно напрягая слух, однако услышала лишь невнятное бормотание.

— Если ты сюда втянешь Управление по борьбе с наркотиками, нам всем мало не покажется, — горячо возразил Томас, когда Джеймс договорил.

— Тогда дай я сам с ним разберусь. Вот увидишь, мой план сработает.

— Чушь собачья! — взорвался Томас. — Твой план — полное фуфло. От Филадельфия можно ждать чего угодно. Тебя тогда просто убьют.

Невольно ахнув, я прикрыла рот ладонью.

— Господи! Говори же ты потише! — Джеймс стрельнул взглядом на дверь.

Я отпрянула. Что же у них там такое творится?

— Дай мне всего год, чтобы свести на нет проделки Филадельфия, — взмолился Томас. — Еще пара сделок — и он вылетит сам.

— Нет, с Филадельфием надо разобраться сейчас. Я не могу больше ждать! — выпалил Джеймс. — И я уже больше не могу, как все в этой семье, смотреть сквозь пальцы на то, как Фил экспортирует товар, приобретенный на грязные деньги. Весь этот его левый оборот надо пресечь сейчас — иначе я выхожу из игры.

Томас потер ладонями лицо.

— Мне нужно время, Джеймс. Ты не даешь мне никаких...

Тут на мое плечо твердо опустилась чья-то широкая ладонь. Вздвогнув, я резко повернулась. На меня своим прямым железным взглядом смотрел Эдгар Донато. Внезапно он приложил указательный палец к губам и улыбнулся с какой-то странной добродушной веселостью:

— Идем-ка со мной.

После шампанского и всего того, что я тут услышала, в голове царил полный сумбур. Мой взгляд заметался между Джеймсом и его отцом.

Между тем успевший немисливо погрузнеть Эдгар, пошатываясь и опираясь на трость, побрел вперед, таща за собою тележку с кислородным баллоном. Колесики тихо поскрипывали по мраморным плиткам коридора.

Последний раз глянув в щелочку дверей, я поспешила вслед за Эдгаром.

«Надо будет потом спросить у Джеймса, что Томас имел в виду», — решила я. Одно для меня было абсолютно ясно: я не меньше самого Джеймса хотела, чтобы он расстался с их фамильным бизнесом.

Эдгар между тем привел меня в библиотеку и напрямик направился к барному шкафику. Откупорил хрустальный графин с жидкостью янтарного цвета, на два пальца плеснул в один стакан, в другой — на четыре.

— Вы тоже собираетесь пить? — изумилась я, когда он вручил мне тот, где было налито поменьше.

— Милая моя, — молвил он, откашливаясь от скопившейся в горле мокроты, — мое здоровье давно миновало точку невозврата. Тут уже ничем не поможешь. Хватит того, что я и так принимаю все, что мне прописано. — Он поднял стакан к губам и усмехнулся: — Ну, до дна! — И, уничтожив в один глоток сразу полстакана, добавил: — Добро пожаловать в семью.

Я понюхала напиток и осторожно пригубила. Эдгар постучал пальцами по доньшку, запрокидывая мне стакан повыше. Я быстро сделала глоток. Виски будто прожгло себе сразу дыру и в горле, и в животе. Я резко выдохнула.

Эдгар засмеялся, потряхивая плечами:

— Да, если хочешь выжить в семье, куда выходишь замуж, тебе это дело ой как понадобится. Так что лучше начинать уже сейчас.

От крепкого виски, наложившегося на недавнее шампанское, в голове стало туманно и легко. Живот же свело от спазмов.

Эдгар прошел к своему любимому английскому креслу с «ушками», уселся в него. Подтянул к себе тележку, подсоединил баллон. Тут же его пронял сильнейший кашель, громкий и раскатистый, влажный от мокроты. Все его тело страшно сотрясалось.

— Ты не волнуйся, — задыхаясь, сказал он, когда приступ наконец затих, — еще втянешься. Чем больше будешь пить, тем приятнее алкоголь будет казаться на вкус. И когда-нибудь «Джонни Уокер», — указал он тростью на графин со скотчем, — глядишь, окажется для тебя единственным средством, чтобы сохранить в этом семействе здравый ум.

Глаза у меня сами собою устремились на дверь. Я сглотнула, чувствуя себя крайне неудобно. За все те долгие годы, что я знала Джеймса, я еще ни разу не оставалась один на один с его отцом. До нынешнего вечера мы с Эдгаром ни разу толком и не разговаривали.

— Иди, иди сюда, присаживайся, — похлопал он ладонью по соседнему креслу.

Я села и храбро глотнула еще немного огненного зелья из своего стакана. «Последний раз», — пообещала я себе.

— Ты мне нравишься, Эйми. Всегда нравилась. И родители твои — тоже очень славные люди.

У меня удивленно вскинулись брови.

— Ты очень подходишь Джеймсу. Ему нужна именно такая девушка, как ты. — Эдгар улыбнулся, но тут же в глазах его разлилась грусть. — Томас у нас слишком уж похож на свою мать. В нем сидит такая не знающая покоя целеустремленность, что граничит с безжалостностью, бессердечием. Томас уверен, что в одиночку совладеет со всем миром. Но вот Джеймс... — Эдгар задумчиво покивал. — Джеймс напоминает мне моего младшего брата. Он одухотворенный. Мечтатель...

— Я никогда не стану препятствовать его мечтам. И ни за что не стану заставлять его быть тем, кем он не... — горячо сказала я и запнулась, вспомнив, с кем разговариваю — с человеком, что как раз и не давал Джеймсу следовать тем жизненным курсом, который был для него близок. Неловко кашлянув, я уставилась в свой стакан.

— К такому-то совету мне прислушаться бы с десяток-другой лет назад. Боюсь, теперь... — Голос его затих, взгляд стал блуждающим.

Я нахмурилась, настороженная такой его откровенностью. Может, она вызвана у Эдгара действием лекарств? Это вполне могло объяснить столь внезапные признания. Но потом мне все стало понятно. И этот рассеянный, обращенный в себя взгляд, и смиренное приятие своего разбитого состояния. И смягчение сурового нрава, приходящее порой к преклонным летам, когда с запоздалым раскаянием человек размышляет о прожитой жизни.

Он был совершенно один. В том мире, что Джеймс, как только теперь начала я сознавать, всегда скрывал от меня, Эдгар Донато оказался одиноким и для всех чужим.

Когда молчание затянулось, я осторожно спросила:

— Чего вы боитесь, мистер Донато?

— А? — вскинул он голову. — Нет, ничего.

Покашляв в кулак, Эдгар прочистил горло. Однако приступ лишь усилился, кашель стал резче и раскатистее.

Я поспешила к барному шкафчику, налила ему стакан воды. Пока Эдгар приходил в себя, я оглядела комнату, остановившись взглядом на заключенный в рамку фамильный крест Донато, размещенный на противоположной стене.

— Я помню, как Джеймс принес этот крест в школу в тот день, когда надо было рассказать что-то интересное о семье, — сказала я, чтобы как-то поддержать беседу. — Это было так давно! Он все рассказал мне об этом гербовом орле.

Эдгар заворочался в кресле, поднял взгляд. Потом хрипло, отрывисто хохотнул:

— Это не мой фамильный крест. Это от Клэр. — И, запрокинув стакан, допил остатки виски.

Я застыла в ошеломлении.

— Эйми! Ты готова ехать?

Я резко обернулась в кресле. В дверях стоял Джеймс.

— Эйми, с тобой все в порядке?

Заморгав, я уставилась на Карлоса. Бледный как полотно, он сидел неподвижно в своем кресле в другом конце комнаты. Я в замешательстве огляделась по сторонам. Должно быть, рассказывая, я ходила туда-сюда по комнате. Пальцы мои крепко сжимали помолвочное кольцо.

— Эйми? — спросил он уже несколько тверже.

Я еще раз окинула взглядом все, что меня окружало: выкрашенные в коричневато-оранжевый цвет стены, пол под красное дерево, вычурная мебель с множеством подушек, напоминающих о незримом присутствии женщины, игрушки в углу, аккуратно убранные на день, — и бесчисленные фотографии, на которых запечатлено некогда полное семейство, теперь уже потерявшее мать. Карлос нужен был здесь гораздо больше, чем я нуждалась в Джеймсе.

Теперь я это поняла. Оглядываясь назад, на наши с Джеймсом отношения, когда я любила его со всей пылкой беззаветной страстью, теперь я осознала наши давние промахи. У Джеймса очень хорошо получалось просто отодвигать для себя в сторону то, что мешало ему жить, а я была уж слишком покладистой, легко с ним во всем соглашаясь. Его семье следовало пораньше все узнать насчет Филадельфии.

Карлос по-прежнему не сводил с меня потрясенного взгляда. И в это мгновение я вдруг с абсолютной ясностью поняла, что выйти замуж за Джеймса было бы для меня далеко не самым лучшим вариантом. За те девятнадцать месяцев, что минули после его отъезда в Мексику — даже несмотря на то что они дались мне очень тяжело, — я стала гораздо более сильным и уверенным в себе человеком. И я вовсе не желала расставаться теперь с той жизнью, что успела создать сама для себя.

И тут в моем сознании прозвучал тихий голос, к которому я раньше ни разу не прислушивалась: *«Надо просто отпустить его, Эйми»*.

У меня даже расширились глаза. Оказывается, вовсе не голос Джеймса чудился мне в легком ветерке, осушающем мои слезы. Это был мой собственный голос — той моей сущности, что была достаточно смелой, чтобы строить свою жизнь дальше без любимого. Которая знала, что я способна справиться с трудностями и сама.

Карлос пересек гостиную, приблизившись ко мне. Впервые с того момента, как Джеймс надел мне на палец кольцо, я его наконец сняла. Оно безупречно мне подходило, как вроде бы идеально подходил и Джеймс — однако любая безупречность может оказаться всего лишь иллюзией. Я посмотрела на свой палец — на тонкую полоску бледной кожи, нежной и розоватой. Потом подняла руку Карлоса и положила кольцо на его ладонь.

— Что ты делаешь? — спросил он, зажав в кулаке кольцо.

— То, что уже давным-давно должна была сделать. Однажды я пообещала Джеймсу, что никогда не стану препятствовать его мечтам. Сказать по правде, я терпеть не могла, когда он униженно шел на поводу у своего семейства. Мне хотелось, чтобы он бросил это их «Донатто Энтерпрайзес», открыл собственную галерею и писал картины. Тогда бы он жил гораздо более богатой и полноценной, творческой жизнью. И он действительно собирался это сделать, как раз перед... — Осекшись, я слотнула и, решительно вдохнув, закончила: — Перед тем, как он погиб.

Я подняла глаза на Карлоса — и наконец увидела перед собой Джеймса.

— Но, глядя на тебя нынешнего, я вижу, что ты это все-таки осуществил. Ты живешь той жизнью, к которой так стремился. И я не хочу ее у тебя отнимать. Я не хочу вынуждать тебя быть тем, кем ты не являешься. Я бы никогда не стала давить на тебя так, как это делали твои родители...

— Эйми...

— Нет-нет, все нормально. Ты захотел скорее создать свою семью, потому что та семья, в которой ты вырос, оказалась... такой...

— Несостоятельной, — подсказал Карлос.

— Мягко выражаясь, да. — Я понимающе улыбнулась ему: — Ты нужен своим мальчикам.

А мне нужно было возвращаться назад. Я уже скучала по своему ресторанчику, по аромату свежесваренного кофе и подогретых специй. И по восхитительному сдобному запаху тортиков и булочек. И по колокольчику над дверью, звякавшему всякий раз, когда ко мне являлся новый посетитель или вновь заходил кто-то, уже мне знакомый. Скучала и по своему шеф-повару Мэнди, и по хитрющей Эмили, так и ищущей, как бы побольше наварить, делая ставки на свои чаевые. А больше всех я скучала по Яну. Моя кофейня вовсе не была бы такой, как стала теперь, не окажись там Ян. И я сама ни за что бы там не очутилась в Мексике, не будь рядом его — и эмоционально, и физически, и вообще во всех отношениях. Мне не хотелось его потерять.

— *Dios*, Эйми... Все, что ты мне рассказала... — Карлос чертыхнулся, потирая ладонью затылок. — С тобой все будет хорошо?

Я кивнула, но он все равно хмурился, мало в это веря. Я долгие часы делилась с ним воспоминаниями, одно мрачнее другого.

— Ты уверена?

Я заглянула в себя: мрак успел рассеяться, и моему взору предстало спокойное приятие сложившейся ситуации. Явно оно присутствовало там и прежде — просто терпеливо дожидалось, когда же я крепко возьму себя в руки. Надя будет под впечатлением! Я действительно нашла в себе силы двигаться по жизни дальше.

— На сей раз я совершенно точно уверена, что все будет нормально. И даже еще лучше.

* * *

Было уже полчетвертого утра, когда Карлос подвез меня к «Каса-дель-Соль». Когда он отъехал, я осталась стоять одна на подъездной дорожке к отелю, пока не скрылись из виду задние фонари его машины. Я не представляла, когда увижу его снова. Да и увижу ли вообще? В этот момент вся завершенность наших отношений казалась мне более безвозвратной, нежели тогда, когда я простилась с его гробом.

Когда я тихонько брела через вестибюль, меня перехватила Имельда. Одежда на ней была помята, волосы растрепаны. Да и вообще вид был каким-то измученным.

— Томас приехал, — предупредила она.

Я вскинула на нее взгляд:

— Где он?

— В баре.

Я посмотрела через широкий проход в коктейль-бар. В свете приглушенных ламп бармен вытирал стойку. В заведении не было никого, кроме одиноко сидящего у дальней стены мужчины. Компанию ему составляли разве что бутылка да стакан.

Когда я вошла, бармен посмотрел на меня и тут же проводил к столику Томаса. Ничего не спрашивая, будто ожидал моего прихода, он поставил на деревянную столешницу еще один, чистый, стакан и снова удалился за стойку.

Я опустилась в кресло напротив Томаса, и он медленно поднял на меня взгляд. В несвежей рубашке с расстегнутым воротничком, с ослабленным узлом галстука и в помятом костюме, он казался намного старше того Томаса, которого я видела в последний раз. А было это всего несколько недель назад, когда он заглянул ко мне в кофейню выпить кофе. Морщины на его лице как будто стали еще глубже.

Он налил в пустой стакан приличную порцию виски, случайно разлив янтарную влагу на стол.

— Он очень сильно тебя любил. Все мы: и оба мои брата, и я — были в тебя влюблены, каждый по-своему, — с грустной усмешкой добавил он.

Я резко вздохнула, и Томас медленно покачал головой:

— Все, больше никаких секретов.

«Это не мой фамильный крест. Это от Клэр».

Что-то вдруг сместилось в моем сознании, обнажая ясность всей картины.

— Фил — твой родной брат, — поняла я.

— Да, он сын дяди Гранта и мамы. Она была очень близка со своим братом, пока тот не нанял на работу моего будущего отца и мама в него не влюбилась. Когда они поженились, папа взял ее фамилию. Думаю, это помогло занять ему место президента «Донато».

Не удивительно, что Джеймс так тщательно скрывал от меня так много семейных тайн! Он, должно быть, очень стыдился отношений своей матери с собственным братом. И Фил как раз и являлся плодом этой связи. Да уж, семья Донато старательно оберегала свои секреты.

Я опустила взгляд на стол, оценив количество виски в стакане, потом снова посмотрела на Томаса. Он был прав: хватит с нас секретов.

— Ни на секунду не поверю, что Фил был в меня влюблен. В тот день, когда Джеймс сделал мне предложение, он попытался меня изнасиловать.

Томас шарахнулся в кресле.

— Черт, Эйми! Я этого не знал! — Он ошеломленно отвел от меня взгляд, уставившись куда-то в угол бара. — Это все объясняет. Теперь понятно, почему Джеймс с таким дьявольским упорством стремился от него избавиться.

— Где он теперь?

Томас снова посмотрел на меня:

— Фил? Он тебя больше не побеспокоит.

Его слова прозвучали как окончательный приговор.

— Так что же случилось с Джеймсом? Почему ты все это время нам лгал? — В этих словах словно выплеснулись вся боль и чувство безмерной потери, мучившие меня долгие девятнадцать месяцев. Жгучие слезы снова навернулись на глаза.

— Я защищал его от Фила, который под прикрытием «Донато» занимался отмыванием денег. Он приобретал нашу мебель на деньги, полученные от продажи наркотиков, а потом экспортировал ее в Мексику. Там какой-то картель продавал эту мебель за мексиканские

песо, возвращая таким образом деньги в банковскую систему, — скрипучим голосом объяснил Томас. — Фил хотел развалить нас подчистую. Видишь ли, дядя Грант оставил «Донато» моему отцу, а тот передал фирму мне, а не Филу. Фил же считал, что у него есть все права на наш бизнес.

«Они отняли у меня все», — полыхнули в памяти слова Фила. Тогда я решила, что он лишился рассудка.

— Мы с отцом сотрудничали с Управлением по борьбе с наркотиками, которое охотилось за гораздо более крупной рыбой, нежели Фил. Мы вынуждены были делать вид, будто не понимаем, что Фил вытворяет, чтобы он и дальше проворачивал свои операции, пока ребята из Управления не выяснят, кто и что за всем этим стоит, и на кого конкретно Фил работает. Те не задумываясь убили бы любого, кто раскрыл проделки Фила.

Я тут же припомнила спор Томаса и Джеймса в кабинете. Джеймс хотел тогда привлечь Управление, а Томас, оказывается, с ними всюду уже сотрудничал.

— Джеймс, значит, не знал, что Управление уже подключилось, — догадалась я. Томас помотал головой.

— Мы с отцом решили, что чем меньше кто-либо будет знать о происходящем, тем меньше риска для нас и для компании. Теперь, оглядываясь назад, я понимаю, что надо было сказать об этом Джеймсу. Видишь ли, он очень смысленный парень. Занимаясь финансами фирмы, он быстро вычислил, чем занимается Фил.

— И когда Джеймс тебе об этом рассказал, ты так ничего и не предпринял? — поняла я.

— Я не мог. План спецов из Управления уже был в реализации. Однако мое бездействие и видимое отсутствие интереса подхлестнуло в нем нетерпение. Он сам решил отправиться в Мексику и встретиться там лицом к лицу с Филом. Теперь, когда я знаю, что в отношении тебя совершил Фил, я понимаю, что в Джеймсе клокотала через край уже несдерживаемая ярость.

Так оно, собственно, и было. Когда я захотела убрать со стены картину с нашей лужайкой, Джеймс аж побелел от бешенства. «Нельзя позволить этому больному ублюдку вторгаться в нашу жизнь», — сказал он мне тогда.

— Я понятия не имею, что произошло, когда Джеймс встретился с Филом, — продолжал Томас. — И пока он сам это не вспомнит, мы скорее всего ничего и не узнаем. Фил сказал, что они отправились рыбачить и Джеймс упал за борт. Так я эту историю всем и передал. Но я считаю, что Фил пытался его убить.

Его рассказ меня сразил. Это было уже слишком. Получалось, что Джеймс, пытаясь меня защитить, воспротивился всему своему семейству, причем по всем статьям.

— Из-за того, что Управление еще вело расследование, я вынужден был убедить всех, что Джеймс погиб. Надо было, чтобы Фил по-прежнему продолжал заниматься своими делишками, а не устроил бы охоту за Джеймсом, узнав, что тот остался жив. Второго покушения на свою жизнь Джеймс бы, пожалуй, уже не пережил. К тому же, если бы мексиканский картель убрал Фила, то прикрылось бы и следствие Управления. — Он ткнул большим пальцем себе в грудь: — Так что я прятал от всех Джеймса, чтобы его защитить.

— Но ты же просто бросил его здесь! — вскричала я.

— Предполагалось, что он укроется всего на несколько недель — три месяца максимум. Однако недели обернулись месяцами, а потом уже и годом. Фактически Управлению потребовалось больше времени, чтобы уладить все дела. К тому времени Джеймс уже сильно втянулся в свою новую жизнь в качестве Карлоса.

— И встретил будущую жену.

— Он успел даже жениться, и они ждали ребенка. В Ракель он влюбился мгновенно и на всю жизнь.

Поскольку мой виски так и остался нетронутым, Томас опрокинул и его и уставился в пустой стакан.

— Я не сомневался, что очень скоро ты все выяснишь. Твой частный сыщик оказался жутким вымогателем. Угрожал рассказать тебе, что Джеймс жив. Мне пришлось откупаться от него, чтобы он ничего не выболтал.

Как он откупился от Имельды. Да и от меня, собственно, тоже.

Больше я его слушать не могла. Да, впрочем, и узнала уже вполне достаточно. Мне было пора возвращаться домой.

Я встала, расправила юбку. Томас вдруг вскинул голову, удержал меня за запястье:

— Прости меня, Эйми.

Я медленно перевела взгляд от его пальцев, цепко обхвативших мою руку, к его глазам:

— Мне теперь не нужны твои извинения.

— Как Джеймс? Он возвращается домой?

— Нет, он нужен здесь. Но у него к тебе немало вопросов. Постарайся повидаться с ним, прежде чем уедешь.

— А ты? Ты-то возвращаешься домой?

— Моя жизнь — там. Там моя кофейня...

Томас сильнее стиснул мои пальцы:

— Я знал, что у тебя получится. Я тогда сразу сказал Джо... — Я напряглась, а Томас широко улыбнулся: — Ну да, это был я. Я оплатил аренду помещения на время переустройства. Это был единственный способ убедить Джо согласиться...

Я вытянула руку из его сжатых пальцев.

— Ну да, да. Я просто хотел тебе помочь... — Он с трудом выбрался из кресла и, дойдя, пошатываясь, до барной стойки, тяжело осел на стул.

Я повернулась, чтобы уйти, но потом остановилась.

— Скажи, Джеймс действительно улетел в Канкун?

Томас помотал головой:

— Нет, он хотел, чтобы мы все думали, будто он там, а не гоняется за Филом.

— А гроб? Что было там, внутри?

Он посмотрел на меня бессмысленным взглядом.

— Я о похоронах Джеймса, — пояснила я. — Что было в гробу?

— Мешки с песком, — пожал он плечами, словно этот факт не имел никакого значения.

Я быстро отвернулась, на миг закрыла глаза. Когда же вновь посмотрела на Томаса, тот уже сидел лицом к стойке, поддерживая голову руками.

Через мгновение, ни разу не обернувшись напоследок, не попрощавшись, я вышла из бара, навеки расставшись с семейством Донато.

— Эйми, открывай! — донесся до меня приглушенный голос Яна. Он с силой ударил в дверь.

Поспешно бросив блузку в чемодан, я побежала к двери, пока он не перебудил всех постояльцев. Было всего лишь полшестого утра.

Я распахнула дверь, и Ян влетел в мой номер.

— Господи! Я всю ночь тебе звонил! Где ты была?

— С Карлосом.

У него нервно дернулся кадык.

— Надо было меня предупредить. Я же волновался.

— Я случайно оставила тут телефон. Никак не ожидала, что уйду на всю ночь. Извини.

— Так ты поговорила с Имельдой?

Я кивнула:

— И с Карлосом тоже. Он пришел ко мне в номер, и мы отправились поужинать. А потом мы...

— Ты с ним спала? — спросил он жестким, натянутым голосом.

— Нет, конечно! Ничего такого не было. — Я шагнула к Яну, но он отшатнулся назад, и я остановилась. — Мы с ним разговаривали. Только и всего.

— Он возвращается с тобой домой?

Я отрицательно покачала головой. По привычке хотела покрутить кольцо на пальце, но тут же вспомнила, что его нет. Это мимолетное движение не ускользнуло от внимания Яна. Он посмотрел на мою руку и тут же вскинул глаза:

— Где твое кольцо?

— Отдала ему.

Ян чуть развернулся, оказавшись ко мне лицом, медленно смерил меня взглядом. Сделав над собой усилие, я постаралась не волноваться, даже изобразила подобие улыбки.

— И как ты?

— Со мной... все нормально. — Я улыбнулась ему, ожидая, что он скажет что-то о нас двоих. — Так что, между нами... все в порядке?

Ян покосился на мой раскрытый чемодан, удивленно вскинул бровь:

— Что, уже собираешь вещи?

— У меня нет необходимости здесь оставаться, — ответила я, направляясь к комоду.

— Совсем нет? — угрюмо спросил он.

— Ни малейшей. Все, пора двигаться дальше. — Я взяла в руки охапку одежды. — Если быстро соберешься, то можем успеть на первый сегодняшний рейс.

Я сунула грязную одежду в чемодан. Ян не пошевелился. Я зашла в ванную, собрала свои туалетные принадлежности, косметику. Быстро оглядевшись, вернулась в комнату.

Ян стоял у двери на балкон, уперев руки в бока и молча разглядывая рассветное небо. Я перевела взгляд от него на чемодан:

— Ты разве не будешь собираться?

Он помотал головой:

— Имельда обещала мне помочь найти Лэйни. Я полечу обратно завтра, как и планировалось.

Я шумно вдохнула через нос, прикусив нижнюю губу. Я совсем забыла, что он хотел найти эту Лэйни-Лэйси. Бросив косметику в чемодан, я потрогала палец, с которого сняла кольцо:

— Тебе нужна моя помощь?

Ян устремил на меня долгий задумчивый взгляд, потом отрицательно покачал головой. В груди у меня что-то сжалось.

— М-м... ладно... Значит, увидимся в среду в кофейне?

Он взглянул на меня в упор:

— Я же увольняюсь. Забыла?

— Ах, да. Верно... — поникла я. — Ну что ж, тогда — удачи. Желаю тебе найти свою мать. Если я смогу как-то тебе помочь... в общем, дай мне знать. Ладно?

Медленно кивнув, Ян вновь отвернулся к балкону. Вроде бы лишь слегка изменил положение головы — но этот жест словно разделил нас на долгие мили. Он не высказал желания, чтобы я осталась с ним — и я удержалась от вопроса насчет наших с ним дальнейших отношений. Один раз он мне на это ничего не ответил — так что, наверное, было уже слишком поздно склеивать то, что я успела разбить. Он распахнул мне свое сердце, а я просто ушла прочь, оставив его одного в постели. А потом еще сказала, что то, что между нами случилось, никогда не должно повториться. Это было худшее, что я только могла сделать. Ведь он стремился мне помочь лишь потому, что действительно любил меня.

Наконец я закончила складывать вещи, стала застегивать крышку чемодана... и молнию заело. Я тихо выругалась.

— погоди, дай-ка я. — Ян мягко убрал мои руки от молнии, высвободил ткань и застегнул наконец чемодан. Потом повернулся ко мне и тыльной стороной пальцев провел по моей щеке. У меня перехватило дыхание, и я резко вдохнула.

Однако Ян опустил руку и стянул с кровати чемодан на колесиках.

— Я провожу тебя до такси.

У машины он крепко меня обнял на прощание. Не было ни поцелуев, ни обещаний в скором времени увидеться. Ян рассчитался за меня с таксистом и, когда я села в салон, захлопнул дверцу.

Я тут же опустила заднее окно.

— Ян! — взволнованно окликнула я Коллинза, уже направлявшегося обратно к отелю. — Когда я снова тебя увижу?

Со сдержанным, бесстрастным лицом он быстро пригладил рукой встрепанные волосы.

— Ты знаешь, где меня найти.

В галерее у Венди, на его следующей выставке. Там, где мы будем друг с другом крайне вежливы и официальны. Я внутренне содрогнулась.

Наконец такси отъехало от тротуара, и я прикинула к окну, неотрывно глядя на Яна, пока мы не вывернули на улицу, и он не скрылся из виду. Еще не доехав до аэропорта, я поняла, что отпустила я от себя не только Джеймса. Я позволила уйти и Яну.

* * *

После девятнадцатичасового перелета с двумя пересадками, глубокой ночью я наконец оказалась в Сан-Хосе. Не считая пары-тройки путешественников, на терминале выдачи

багажа было, можно сказать, пусто. Я одиноко стояла у конвейера в ожидании своего чемодана. Дрожа, я куталась в плащ, надетый поверх легкого платья, и с неприязнью поглядывала на мокрые от дождя окна. Багажная карусель немного покаталась, и уже через несколько секунд мой чемодан на колесиках прибыл. Я стянула его с ленты конвейера и, развернувшись, наткнулась на Надю.

Охнув, она схватила меня за плечи:

— Ну, добро пожаловать домой.

— Как ты...

— Ян позвонил. — Она приобняла меня за талию. — Идем скорей, отвезу тебя домой.

Выглядишь паршиво.

— Ну спасибо! — Я поспешила вместе с подругой в паркинг.

И вот Надя вела машину, а я рассказывала ей и о состоянии Джеймса, и о признании Томаса, и о любви Яна, и о том, как всех их троих я успела оставить позади.

— С ума сойти можно! — воскликнула она, глядя на дорогу. Потом быстро скосила на меня глаза: — Ну, и неделька у тебя выдалась! Так что, Джеймс и правда исчез? Так вот совсем ничего и не осталось? Ну, ни фиги себе!

— Карлос — это совершенно отдельный человек, у которого есть дети, есть карьера. Мне понадобилось два дня, чтобы уяснить, что это больше не Джеймс. Где-то подсознательно я понимала, что что-то в нем не так. Даже всякое его прикосновение ощущается иначе. Вроде бы тело Джеймса — а в нем вовсе не Джеймс. Тебе понятно?

Надя высоко подняла брови.

— Ну, если не считать всю дикость происходящего — то да. Тут вообще свихнуться можно, детка. Ты как теперь, без него, нормально?

Я пожалала подруге руку.

— Не считая того, что он потерял жену, он совершенно счастлив у себя в Мексике. И отпустить его оказалось намного легче, чем мне до этого казалось.

Надя взглянула на меня с мягкой дружеской улыбкой:

— Мне кажется, ты обрела наконец успокоение и чувство примирения с потерей, которого тебе так не хватало. Только обещай, что если тебе понадобится поговорить, ты мне позвонишь. А то я тебя знаю — будешь там у себя в голове раз за разом все прокручивать. Не зарывай это в себе, лучше выговорись. Я всегда к твоим услугам.

— Обещаю, — снова пожалала я ей руку. Для себя я уже окончательно похоронила свое прошлое.

Остановившись перед моим домом, Надя не стала глушить двигатель, дожидаясь, пока я заберу вещи с заднего сиденья.

— А что ты решила насчет Яна?

Пои плечи поникли.

— Ничего. Я сильно его обидела. Похоже, я больше ему не интересна.

— Уж можешь мне поверить, детка, интересна — не то слово. Звонил он мне крайне встревоженный, и надо быть полной идиоткой, чтобы не догадаться, что он влюблен в тебя до помешательства. К тому же он уже признался тебе в любви. И уж кто-кто, как не ты, должна понимать, что разлюбить в одно мгновение невозможно. — Она прищелкнула пальцами: — И вообще, не бери в привычку так легко и просто уходить. Дай мужику еще один шанс.

— Посмотрим, — пожалала я плечами и закрыла за собой дверь.

Надя уехала сразу, как только я зашла в дом. В тот дом, который ничуть не изменился с того самого дня, как почти два года назад его покинул Джеймс.

Я вкатила чемодан в спальню, распахнула филенчатые дверцы шкафа с закругленными краями. Тут же мне бросилась в глаза одежда Джеймса. Я провела ладонью по вещам, приподняла один рукав и, прижавшись носом к ткани, вдохнула запах... В носу тут же защекотало. Я не ощутила ничего, кроме пыли.

Я подхватила из шкафа целую охапку вешалок с одеждой Джеймса и, отнеся в гостевую спальню, бросила на кровать. Завтра я сложу все по коробкам и передам Томасу. Пусть он сам решает, как поступить с этими вещами.

Когда я шла обратно в свою комнату, мой взгляд наткнулся на фотографии в рамках, расставленные на тумбе в прихожей. Там было четыре снимка с Джеймсом. Схватив их, я отнесла фотографии на кучу сложенной одежды. Томас может отослать их Карлосу.

Весь следующий час я перетаскивала вещи Джеймса в гостевую спальню. Картины, художественные принадлежности, одежду, фотографии. Себе оставила лишь маленькое фото — моментальный снимок, на котором мы с ним шутя привалились к его старенькому «БМВ». Буду держать его на своем письменном столе.

Когда все наконец было убрано, я устало опустилась на шенилловый диван, который мы с Джеймсом покупали вместе. Погладив пальцами уже порядком потертую материю, я решила, что от дивана тоже надо будет избавиться. Но это уже как-нибудь потом.

Очень скоро мои веки отяжелели, я опустилась на бок и, подсунув под голову подушку, вскоре уснула. И наконец увидела сон.

* * *

Спустя несколько недель в конце дня, когда я вытирала с витринной стойки многочисленные отпечатки пальцев своих посетителей, колокольчик над дверью звякнул, и внутрь дохнуло холодом. За спиной послышались шаги.

— Кафе уже закрыто, — сказала я, не оборачиваясь.

— Это я, — ответила Надя.

Я повернулась к подруге, держа в руках стеклоочиститель и тряпку. Под шерстяным пальто на ней красовалось насыщенно-бордовое коктейльное платье. Волосы были убраны наверх свободной укладкой, губы ярко накрашены, а на щеках разлился морозный румянец.

— Куда собралась? — поинтересовалась я.

Надя широко улыбнулась:

— У меня свидание с Марком.

— В самом деле? — с отсутствующим видом произнесла я, оттирая со стекла особенно стойкое пятно. — И что вдруг изменило твое к нему отношение?

— Ты!

Выпрямившись, я прошла в глубь кофейни, оперлась боком о стойку.

— У меня вообще есть склонность слишком легко расставаться с мужчинами, — объяснила Надя. — Марк — очень славный парень, и к тому же теперь не связан с женой. Я хочу дать ему еще один шанс.

Я удивленно подняла брови:

— Похоже, он тебе и правда нравится.

— Ага.

Я сложила испачканную тряпицу.

— И куда с ним идешь?

— Сначала ужинать, а потом... — Надя вытащила из своего клатча открытку и, положив на стойку, подвинула ко мне. — А потом идем на выставку Яна.

Я взглянула на открытку, где под логотипом Венди витиеватым шрифтом было напечатано имя Коллинза. На лицевой стороне карточки были изображены две фотокартины, которых я еще не видела в коллекции Яна, однако присутствовала при том, как он делал сами снимки. Эти две фотографии были из Пуэрто-Эскондидо.

Я коснулась кончиками пальцев изображения двоих мужчин, курящих сигары перед табачной лавкой.

— На его фотографиях появились люди, — пробормотала я себе под нос.

— Ты обязательно должна пойти на вернисаж. Дай ему еще один шанс.

Я помотала головой.

— Ты хоть раз с ним виделась после Мексики?

— Нет.

— А звонила?

— Он мне тоже не звонил.

— Но ты-то уже знаешь о его чувствах к тебе. А ты Яну разве сказала, что любишь его?

— Еще нет, — не задумываясь ответила я.

Надя просияла:

— Ага! Я так и знала, что ты его любишь!

Облизнув губы, я снова посмотрела на открытку.

— Ладно, все, мне пора, — заторопилась Надя. — Постарайся пересечься с нами в галерее. Кристен с Ником тоже будут там.

— Я не уверена... — Не договорив, я сунула карточку в карман фартука. — Мне еще надо на полках все расставить.

Надя застегнула пальто.

— Полки никуда от тебя не денутся.

«А вот кое-кто другой — может», — явно не договорила она.

Надя чмокнула меня в щеку:

— В общем, вечером увидимся. — И попятилась к двери с проникновенной улыбкой на ярко накрашенных губах.

Я закрыла за ней дверь и продолжила наводить чистоту. Еще разок прошлась с тряпкой по стойке, загрузила новый цикл посудомойки, распаковала несколько продуктовых коробок. И лишь когда я стала поправлять газеты и журналы на полке с местной прессой, я поняла, что просто тупо тяну время.

Я снова взглянула на оставленную Надей открытку. Фотографии были чудесны, и мне очень захотелось их увидеть. Что-то все же заставило Яна изменить свое отношение к портретам.

А еще мне хотелось увидеть Яна. Мне его не хватало.

«Так чего же я жду?» — спросила я себя.

Моя одежда была измята, на голове беспорядок — но если бы я отправилась домой переодеваться, то уж точно нашла бы предлог никуда не ходить. А потому я потушила везде свет, включила сигнализацию и, выйдя из кофейни, прошла пешком пару кварталов до

галереи Венди.

Как и на предыдущих выставках Яна, в галерее было полно народу. Многие лица оказались мне уже знакомы — верные поклонники его творчества. В отличие от предыдущих экспозиций, здесь не было эклектики. Все до единой фотографии были из Пуэрто-Эскондидо.

Я завороченно разглядывала работы Яна, медленно продвигаясь по главному залу. На портретных фото размером с рекламный баннер — от пола до потолка — были запечатлены миллисекунды чьей-то жизни: серферов, несущихся по стремительно сворачивающимся водяным трубам, обнявшихся на фоне заката влюбленных парочек, Карлоса, который, прислонясь к стволу пальмы, вглядывается в далекий океанский горизонт...

Карлос.

Я прислушалась к себе. Ни волнения, ни тоски. Ни каких-либо предчувствий, ни ощущения утраты. Я посмотрела в пол, потом снова подняла взгляд на картину. И легкая улыбка тронула мои губы: я поняла, что на портрете я вижу именно Карлоса. А вовсе не Джеймса.

Все фотографии были удивительно яркими, просто поражающими воображение. Зал буквально полыхал невиданным многоцветьем. Ничего подобного я прежде у Яна не встречала.

— Странно как, да? — раздался у меня за спиной голос Ника. — Вроде бы передо мной Джеймс — но глаза совсем другие. И сразу вижу не его, а будто совсем другого человека.

Я сразу вспомнила об Яне и его рассказе о том, как он фотографировал свою мать, когда в ней доминировала Джекки.

— Его зовут Карлос, — тихо произнесла я. — Джейми Карлос Домингес.

— А я могу его навестить?

Я встретилась глазами с Ником:

— Он тебя не узнает.

Взгляд его сразу стал грустным.

— Томас всех нас обвел вокруг пальца. — Тут же на его лице появилось виноватое выражение. — Ты уж прости насчет Рэя, черт бы его подрал. Никак не дозвонюсь до этого сукиного сына.

Я насмешливо фыркнула:

— Боюсь, ты о нем больше и не услышишь.

Стараниями Томаса, упомянутый Рэй — тот самый частный детектив, которого мне рекомендовал нанять Ник для поисков Джеймса, — вероятно, сидел себе на каком-нибудь тихом островке, потягивая «Маргариту» и потихоньку спуская свое относительно скромное состояние.

В глубине галереи, вокруг одной из фоторабот, собралась небольшая толпа. Из-за множества голов виднелась россыпь желто-золотых оттенков. Извинившись, я отошла от Ника и приблизилась к картине, протиснувшись через скопление людей... И замерла на месте. На фотографии была изображена я. Но мне казалось, будто я вижу изображенную на снимке женщину впервые.

Ян поймал меня в объектив в тот момент, когда я танцевала в «Каса-дель-Соль». Когда я отрешилась от всего, всецело отдавшись музыке.

Мои глаза карибско-голубого оттенка в обрамлении эбеново-черных ресниц смотрели так пронзительно, что просто завораживали, затягивая в свои глубины. Облако темных

кудрей ореолом взметнулось вокруг головы, словно танцуя вместе со мною в свете мигающих гирлянд. Волосы сияли, точно светлячки, поблескивали, как золотой песок.

— Может быть, именно такой меня и видел Ян? Портрет этот брал за душу. Видно было, что создавший его художник не просто влюбился в объект своего творчества — он по-настоящему любил эту женщину. Мне захотелось расплакаться.

Присутствие Яна я ощутила еще до того, как он коснулся моей руки.

— Она прекрасна, — произнес он настолько тихо, что только я могла это расслышать.

— Ян... — начала я.

— Ты прекрасна, — шепнул он мне на ухо, отчего мой пульс забился чаще. — Я тосковал по тебе.

Глаза защипало от слез.

— Твои снимки — это... — Я покачала головой, не в силах найти слова, чтобы описать, сколь изумительны его работы, показанные на этой выставке. — На твоих фотографиях теперь есть люди.

Ян за моей спиной переступил с ноги на ногу.

— Кое-кто однажды сказал, что у меня есть талант. По-видимому, я просто научился запечатлевать людей с их лучшей стороны. А еще — я вынужден был признать, что далеко не все они скрывают в себе что-то скверное. — Я почувствовала на себе его взгляд. — Ты боялась отпускать Джеймса, однако все же заставила себя это сделать — и, готов поспорить, от этого твоя натура стала еще сильнее. Я поехал с тобой в Мексику, боясь, что потеряю тебя. Что ты останешься с ним, так никогда и не узнав, как сильно я тебя люблю. И я все еще... — Его голос затих.

Я не глядя потянулась к его руке. Ян тут же переплел свои пальцы с моими.

— Пойдем-ка со мной, — повел он меня в самый дальний уголок галереи, подальше от столпотворения.

— Я тоже скучала по тебе, — заговорила я, едва мы оказались наедине. — Прости, что не осталась с тобой в Мексике.

Он обнял меня.

— Я все понимаю, Эймс. После всего, что довелось тебе испытать, тебе требовалось время. И я дал тебе это время, очень надеясь, что однажды ты все-таки ко мне вернешься. — Он ласково шептал мне эти слова, губы касались чувствительного места на мочке. По моей коже побежали мурашки.

— А как Лэйни? Ты нашел ее? — спросила я, использовав именно то имя, каким Ян предпочитал называть Лэйси. — Что-нибудь узнал насчет своей матери?

— Нет.

— Мне очень жаль. — Я опустила голову.

— Не стоит сокрушаться. Если она жива, я обязательно ее найду. Когда-нибудь.

— Я люблю тебя, Ян, — просто и откровенно сказала я. — Мне следовало сказать тебе это еще до того...

Он приник ко мне поцелуем.

— Я люблю тебя, — прошептала я, не отрывая свои губы от его. — Но у меня есть к тебе вопрос.

Ян прервал поцелуй, обеспокоенно спросив:

— Какой?

— Ты поужинаешь со мной?

Он медленно расплылся в невероятно чувственной улыбке:

— Ты приглашаешь меня на свидание?

— Ну да, приглашаю, — усмехнулась я.

— Что ж, в таком случае, мой ответ — да. Я поужинаю с тобой, а утром — позавтракаю, — пообещал Ян, касаясь губами моих губ. — И так будет отныне каждый вечер и каждое утро.

И он приник ко мне долгим, неутолимым поцелуем, словно давая мне вкусить, какое будущее ждет нас впереди. То будущее, которое я так всегда искала.

Пять лет спустя

Ему снова снилась *она*. Глаза ее были настолько яркими и горящими, что, казалось, прожигали душу. Когда она перекатывалась через него, целуя его разгоряченную кожу, ее темные вьющиеся волосы ласкали его грудь. Через два месяца они должны были пожениться. Он не мог дождаться той поры, когда будет каждое утро просыпаться рядом с ней, уже как с женой, и нежно любить ее — так же, как она любила его сейчас.

Ему нужно было сказать ей что-то очень важное. И что-то очень срочное сделать. Нечто, что все время ускользало от него, скрываясь в окутанных туманом уголках сознания. Он старательно сфокусировался на этой мысли, пока наконец...

«Я должен ее защитить».

Он должен был защитить свою невесту. Его брат уже покусился на ее честь и попытается обидеть ее снова.

И он увидел своего брата — с решительным упрямством во взгляде. Граничащим с безумием. Они были на яхте. У брата было ружье, и он угрожал. Потом брат навел оружие на него. Поскольку было ясно, что он выстрелит без малейших колебаний — он нырнул в воду. Океан оказался бурным, тут же потащил его на глубину. Он почувствовал, что тонет. Пули между тем чиркали по поверхности, проскальзывая мимо его головы и туловища, едва не попадая в цель.

Все сильнее ощущая нехватку воздуха, он греб руками все сильнее и быстрее, подгоняемый самым что ни на есть великим страхом, что ему довелось когда-либо испытать.
Он должен ее защитить.

Высокие могучие волны яростно швыряли его на скалистый берег. Его лицо, руки, ноги раздирали жгучей болью. Океан не отпускал его — однако его воля, намерение защитить любовь всей своей жизни оказались сильнее. Он должен был успеть добраться до нее до того, как к ней прикоснется его брат. Течение все норовило затянуть его под воду, и он плавал, стараясь держаться на поверхности, будто дрейфуя по волнам — вперед-назад, вверх-вниз.

Потом вдруг наступил мрак.

– ¡Papá! ¡Papá! — завопил детский голос.

Он резко распахнул глаза. Над ним, сбивая простыни, скакал маленький ребенок. Вокруг кровати, радостно смеясь, подпрыгивал мальчик постарше.

– ¡Despiértate, papá! Tengo hambre^[36], — кричал ему по-испански малыш.

Он напряг мозги, извлекая из памяти курс испанского в далеком колледже. Ребенок был голоден и к тому же называл его папой.

«Куда ж это меня, к чертям собачьим, занесло?»

Он резко сел в постели и тут же, передумав, откинулся обратно, к изголовью. Находился он в спальне, в окружении многочисленных фотографий в рамочках. На многих снимках он обнаружил самого себя — однако ни на миг не помнил, как на них фотографировался. Окна, расположенные справа от него, выходили на балкон, а там, дальше, простирался океан.

«Какого черта?!» Кровь словно отлила от лица, тело прошибло холодным потом.

Ребенок подскочил ближе, подпрыгивая на кровати и крутясь в воздухе вокруг своей

оси:

— *¡Quiero el desayuno*^[37]! *¡Quiero el desayuno!*

— Хватит прыгать, — прохрипел он и поднял руки, чтобы защититься от мальчишки, оказавшегося уже совсем рядом с его лицом. Он совершенно не понимал, где он и кто он. Необъяснимая паника своими жуткими пальцами схватила его за горло. — Прекрати сейчас же!!!

Малыш замер. Пару мгновений ребенок смотрел на него широко раскрытыми глазами, потом торопливо скатился с постели и убежал из комнаты.

Он зажмурил глаза и мысленно досчитал до десяти. Когда он откроет глаза, все должно вернуться в нормальное состояние. Он просто перенервничал: работа, предстоящая свадьба, неприятности с братьями. В этом, должно быть, все дело. Все это только сон.

Наконец он открыл глаза. Ничего не изменилось. Грудь словно сдавило, дыхание стало резким и тяжелым. Это был не сон. Это оказался ночной кошмар, и он сейчас был в самом его эпицентре.

На тумбочке у кровати он заметил мобильник. Взял его в руку, активировал экран. Когда высветилась дата, сердце замерло. «Ведь должен же быть май. Какого черта там декабрь, причем... через шесть с половиной лет после свадьбы?!»

От входа послышался какой-то шум, и он вскинул голову. В дверях стоял мальчик постарше с сильно побледневшим кофейно-загорелым лицом.

— *Rarà?*

Он снова сел в постели:

— Кто ты такой? И кто я? Что это за дом?

Похоже, его вопросы напугали мальчугана, однако из комнаты он не ушел. Вместо этого подтянул к стенному шкафу стул, забрался туда и вытащил с самой верхней полки небольшой металлический ящик. Спустившись со стула, поднес ящик к нему и потыкал в кнопочную панель, введя четырехзначный цифровой код. Замок со щелчком открылся. Мальчик поднял крышку и, оставив ящик, медленно попятился из комнаты, не сдерживая бурных слез.

Внутри металлического ящика оказались разные государственные документы: паспорта, свидетельства о рождении и о браке, и, тут же, о смерти некой Ракель Селины Родригес. В самом низу лежали несколько флешек и компьютерных дисков, а рядом с ними — помолвочное кольцо. Он узнал это кольцо. *Она* его носила.

Подняв кольцо к свету, недоуменно уставился на него: «Почему же она его теперь не носит?»

Он положил кольцо обратно в металлический ящик, и тут глаза наткнулись на белый конверт. Письмо было адресовано ему. *Джеймсу*.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Он вскрыл конверт и вытащил оттуда письмо:

«Пишу я это в пору неизвестности, рано или поздно ожидая неизбежного конца.

Боюсь, настанет день, когда я вспомню, кем я был, и забуду, кто я есть. Меня зовут Джейми Карлос Домингес. Некогда я был известен как Джеймс Карлине Донато.

Если я читаю эту записку, совершенно не помня, как ее написал, — то должен

знать одно: я — это ты».

---

notes

«Двое из нас» (*англ.*).

Вот и готово! (*франц.*). (*Здесь и далее прим. пер.*).

Подаю (от *фр.* servir — подавать). Здесь — заведения быстрого обслуживания.

«Маленький домик» (*фр.*).

Стив Янг (род. 1961) — знаменитый в США футбольный игрок.

Государственный обвинитель (прокурор), иногда адвокат.

«*Американские граффити*» — американская молодежная кинокомедия 1973 г. режиссера Джорджа Лукаса, являющая собой ностальгический портрет провинциальной Америки со слоганом: «А где был ты в 62-м?»

Здесь Фил сравнивает Джеймса с героем американского фильма «Tommy Boy» (1995 г.) режиссера Питера Сигала, в русской версии известного как «Увалень Томми». Добродушному, неуклюжему рохле Томми тоже предстоит продолжить семейный бизнес, взяв на себя бразды правления заводом.

Уменьшительное от имени «Джеймс».

«Мастерская художника» (исп.).

Имеется в виду профессиональный хоккейный клуб «Сан-Хосе Шаркс».

«Хаус Бленд» — наиболее популярный кофейный купаж для эспрессо, смешанный из девяти сортов арабики.

Ноябрьские гулянья (*исп.*).

Здравствуйте, сеньорита» (*исп.*).

Турнир, соревнования (*исп.*).

Да (исп.).

«Два пива» (исп.).

Здесь обыгрывается омонимия слова «blues» в значениях: «блюз» и «голубизна, синева» (глаз).

«Вы в порядке?» (исп.)

Чипотле (от ацт. *Chilpoktli*) — мексиканская приправа, представляющая собой копченый острый перец халапеньо.

«*Мексиканский пайплайн*», или сокращенно «Мекс-пайп» — знаменитая волна, одна из самых мощных бочек (или труб) в мире, которую можно поймать на пляже Сикатела. Осенью порой достигает высоты 10 м.

«*Май Тай*» — коктейль на основе рома, апельсинового ликера, миндального сиропа и сока лайма.

«*Red Hot Chili Peppers*» — американская фанк-рок-группа, созданная в 1983 г. в Калифорнии.

Спасибо, сеньорита (*исп.*).

Нет проблемы (*исп.*).

Тот самый друг (*исп.*).

Мариачи (марьячи) — наиболее распространенный жанр мексиканской народной музыки.

— Привет! Как дела? — Спасибо, отлично. (*исп.*).

Златовласка (Goldilocks) — героиня популярной детской сказки, в английской версии имеющей название «Златовласка и три медведя». В России известен весьма далекий от оригинала пересказ Л. Толстого «Три медведя».

Имеется в виду готический роман Р. Л. Стивенсона «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» (1886 г.), где развивается тема раздвоения личности.

В США нерегулируемые перекрестки оборудуются табличкой «4-way» и знаками «стоп» со всех четырех направлений. Право первенства у того автомобиля, который первым остановился у своего знака.

Диссоциативная fuga (от лат. *fuga* — «бегство») — психическое расстройство, сопровождающееся внезапным, но вполне целенаправленным переездом больного в незнакомое место и полной потерей памяти о его собственной личности.

Извините (*исп.*).

Господи! (*исп.*)

Детям (*исп.*).

Вставай, папа, хватит спать! Я хочу есть. *(Исп.)*

Хочу завтрак! (*исп.*)